

Российская Академия Наук
Институт философии

И.И. КРАВЧЕНКО

**ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОЛИТИКИ**
(философские аспекты)

Учебное пособие

Москва
1998

ББК 66.01
К-78

В авторской редакции

Рецензенты:

доктор филос. наук В.Е. Чертихин

доктор филос. наук Н.С. Юлина

К-78

**КРАВЧЕНКО И.И. Введение в исследование
политики (филос. аспект): Учебное пособие. – М.,
1998. – 188 с.**

В пособии рассматриваются принципы построения теории политики и власти, систематизируются их современные концепции, практическое применение политических знаний в системе общественных наук и в решении жизненно важных проблем современного общества, в частности, для преодоления кризисов развития, осуществления реформ и решения других задач нашего времени.

Книга рассчитана на исследователей политики, преподавателей политологии, практических политиков и широкий круг читателей, интересующихся актуальными вопросами политической жизни общества и их отображением в науке и в философии.

ISBN 5-201-01964-1

© И.И.Кравченко, 1998

©ИФРАН, 1998

*Посвящается памяти жены и друга
Э.И.Кравченко, много помогавшей ав-
тору в подготовке этой книги*

Введение

Исследование политики продолжается уже две с половиной тысячи лет, если считать только письменные свидетельства о путях движения политической мысли из одной эпохи в другую, по разным странам и континентам: Европа и Азия, античное средиземноморье, арабский Восток и западное средневековье, страны Западной Европы и Россия Нового и новейшего времени. Политическое знание поэтому исторично, оно национально и интернационально. Оно бесконечно и знает, по существу, лишь промежуточные итоги, но не конечные результаты. И тем не менее уже можно говорить, что в нем сконцентрирован мировой опыт, сформулирована некая алгебра всеобщих, общеисторических, общечеловеческих универсальных принципов, позволяющих объяснять политику вне ценностных суждений, какими бы они ни были — идеологическими, порожденными представлениями о самобытности какой-либо страны, ее культуры и истории или какими-либо иными. Вся эта специфика несомненно существует, но и сама она может быть осмыслена по достоинству, оценена и включена в познание политических явлений и событий лишь в контексте этого всеобщего опыта и на его уровне, а не помимо него и не вопреки ему. Грамматике политического знания, вернее, некоторым ее основным, исходным положениям — пониманию сущности политики и власти — и посвящена эта небольшая книга. Эта задача предопределила и выбор материала исследования и времени, когда он был создан: XX век, самый близкий к нам по времени и наименее известный у нас период развития философской и научной политической мысли. И еще несколько обстоятельств определили этот выбор.

Двадцатое столетие оказалось одним из самых знаменательных в истории политической мысли, отмеченной именами крупнейших философов и ученых прошедших столетий и тысячелетий — Платона и Аристотеля, Августина и Фомы Аквинского, Макиавелли, Гоббса и Локка, Руссо, Монтескье, Канта и Гегеля, Маркса и Энгельса, Герцена и Чернышевского, Бакунина и Кропоткина, Чичерина и Новгородцева и множества других творцов политического знания, их крупнейшими открытиями. XX веку суждено было обобщить это знание. В начале века произошло наконец разделение слитной политической мысли на два давно сосуществовавших типа исследования — философ-

кий и научный, состоялось самоопределение политической философии и были достаточно осознаны предметные, функциональные и методологические отличия политико-философского и научного исследования политики. Сложный двойной процесс внутренней дифференциации политического знания и его обособления от смежных областей исследования общества и его истории – философии истории, философии права, морали, культуры, социальной философии и от комплекса социальных наук, особенно юридических, а затем и от сложившихся ранее социологических дисциплин стимулировал во второй половине века бурное развитие политических исследований, особенно научных и конкретных эмпирических.

Увлеченная общим потоком бурно развивающихся общественных наук и социально ориентированных философских исследований, политическая философия и сама обратилась к количественному анализу. Возрождалась забытая традиция Просвещения с его попытками исчислять наказания и вознаграждения, практического создания блага, начатая трудами Чезаре Беккариа («О преступности и наказании», 1764 г.), Иеремии Бентама, его ученика, концепциями Бентама об агрегированном счастье людей, т.е. о счастье общества как о счастье всех его членов, каждого человека как части общества, а затем и о политической технике, способной реализовать эту идею, – концепциями Дж.Милля о представительстве, участии народа в правлении, которые также обрели новую жизнь в XX в. в качестве одной из основ теории демократии. Математическое исчисление представительства, которым занимался Кондорсэ, ибо математика представлялась ему надежным средством регулирования человеческих дел¹, завоевало политическое знание уже на новой методологической основе современного аппарата математического моделирования, теории игр, программирования и других исследовательских средств современных социальных и естественных наук.

Результатом восприятия новых методологических идей и расширения функций политического знания стало появление развитой системы политических наук (получивших в 70-е гг. в некоторых странах общее наименование политологии). Произошла профессионализация научно-политического знания, повсеместно в развитых регионах мира стали формироваться исследовательские центры и учреждения, изучающие политику, в политической практике резко возросла роль науки и ее представителей,

экспертов и советников, сотрудников политической администрации и целых «мозговых центров» при лидерах центральной государственной власти. Научная теория политики и ее эмпирические приложения стали университетской учебной дисциплиной, во многих странах Европы и Америки появились высшие школы политических наук.

Однако несмотря на значительные успехи в познании политики во второй половине века (начиная с 60-х гг.), ясно обозначилась необоснованность попыток охватить проблематику политики средствами чисто научного исследования и тем более познать фундаментальные, сущностные основы политики, власти как универсальных явлений и преодолеть устойчивую традицию многочисленных упрощений, представляющих, например, политику пространством борьбы за власть, а государство — господством с его чисто институциональной легитимацией², либо, напротив, гиперпсихологизированный анализ политических явлений и т.д.

В 60-е гг. наметилось новое сближение научного и философского анализа политики, определилась тенденция возродить веберовский философский стиль научно-политического исследования. Политическая философия в этот период, в середине века, и в самом деле решила столь фундаментальные проблемы, что можно говорить о значительности ее достижений в двадцатом столетии. Ряд глубоких изменений в познании общества и в самой политике оказал на эволюцию политико-философского знания самое серьезное влияние.

Уже в первой половине XX в., в эпоху мировых войн, революций, деколонизации, идеологическая политика нанесла человечеству колоссальный вред и стала неадекватным средством регулирования сосуществования людей и государств в развитом индустриальном обществе, подходившем к новой, постиндустриальной фазе развития. Отсюда и грандиозные кризисы политики и власти XX века — тотальные войны, тоталитарные режимы, гонка вооружений, холодная война, распад последних империй, всемирный процесс деколонизации, повсеместные кризисы доверия власти — симптомы этого общего кризиса, который прокатывался регулярно по миру, это были движения протеста, борьба за гражданские права, волны молодежных бунтов, контркультуры, «большого отказа» в США и в Западной Европе, антивоенные движения или движения неприсоединения, экологические движения «зеленых», экологистов, дисси-

дентов разных типов, неформальных объединений и т.п. — сложный общемировой процесс, который в конце концов перешел в лавинообразный поток сепаратизма, автономизма, национального самоопределения бывших членов распадающихся военно-политических блоков и союзов.

В середине века произошел перелом, обозначенный трагедией Второй мировой войны, после которой начался период бурного экономического роста, развернулась научно-техническая революция, а вместе с тем, по существу, началась новая идеологизация (или, как ее называли, реидеологизация) политики, но уже на новой, неконфронтационной основе культа идеологии, на идеологии демократических преобразований. Все это вновь повернуло политическую философию к большим историческим проблемам, а вместе с тем и к новым обоснованиям вечной идеи блага и счастья, достижимых политическими средствами, благоденствия и процветания общества.

Совокупное общественное и политическое знание всех уровней оказалось перед задачей объяснить множество жгучих проблем современного общества: научно-технической и информационной революции, социального изменения, общественного развития и управления историей вплоть до глобального расширения его масштабов: тотальной войны и всеобщего управляемого мира. Отсюда и проблема новых функций управляющих политических систем, с которыми традиционной конфронтационной, а тем более тоталитарной политике уже трудно было справляться. Отсюда и новое обострение проблем государства, его участия в политической жизни общества и вмешательства в неполитические сферы общественного процесса, особенно экономические: проблемы политического авангарда — правящих сил, элит, партий и общественных движений.

Современное развитое индустриальное общество нуждалось во все более ответственном и квалифицированном управлении уже не только физическими действиями и организацией совместной жизни людей, но и состояниями и актами сознания, недоступными внешнему контролю. Отсюда выбор: либо манипуляция сознанием, либо разработка механизмов регулирования чувственных, духовных начал политической жизни общества, опосредованных развитым правосознанием, культурой и моралью гражданских отношений, средствами демократических процедур регулирования поведения и возможных конфликтов.

Двадцатое столетие — небывалая в истории эпоха «больших программ»: две мировых войны и мировая холодная война, такая же всемирная гонка вооружений, распад колониальных империй, всемирный процесс национального освобождения, создание и распад новых тоталитарных империй, мощный рывок научного и технического развития, распространение процесса развития на пресловутый «третий мир», столкновение небывалых планетарных проблем — глобальных, среди которых длительное противостояние общественных систем, военно-политических союзов и блоков, углубление и распространение демократического процесса, появление проектов нового мирового порядка, разоружения, безъядерного и ненасильственного мира, век великих потрясений и преобразований.

В XX в. обострилась и, пожалуй, достигла кульминации конкуренция двух подходов к обществу и двух разных толкований политики, которые восходят к двум античным истокам и могут быть условно обозначены именами Платона и Аристотеля. Первый из них можно было бы также назвать революционным, отрицающим, воплощением критической и конструктивной функции политической мысли. В критической трактовке общество не только несовершенно, но и настолько порочно, что исправить его могут только коренные качественные преобразования. Эти преобразования не могут быть частичными, несовершенное общество должно быть заменено принципиально иным, совершенным. Так возникло конструирование идеального общественного устройства, идеального правления (правление философов у Платона) и было положено начало конструктивной политической мысли, проектирующим функциям политической философии. Это был путь утопий и революций, путь политического и идеологического радикализма и максимализма, подталкивания истории, ускорения ее темпов, активизации политического и исторического развития. Но в XX столетии он привел к попыткам самых крайних и ультрарадикальных преобразований, поставивших мир на грань катастрофы. Катастрофическим оказался не только мир политики, но путь отношений с природой, путь экономических свершений, промышленных революций и преобразований, которые также имели целью благо человека и общества. И в неполитических областях максималистский путь развития при всех его неоспоримых достижениях неизбежно вел и ведет к обострению и кризисам, вплоть до потери управления отношениями с созданной человеком второй природой —

техникой, миром вещей, благами, которые превращаются в оружие, средства уничтожения, источник кризиса с первой, нерукотворной природой. Словом, это путь риска, жертв и экспериментов самого противоположного свойства — от благородных поисков правды и справедливости, народных революций до опытов нацизма и расизма. В XX в. перedelка мира, как это бывало и раньше, стала аргументом самых кровопролитных войн и революций, какие когда-либо знало человечество.

Вторая, аристотелевская позиция исходит из признания того же факта — общество порочно, но может и должно стать лучше, гармоничнее, для чего достаточно эволюционного развития; его невозможно уподобить одному идеальному, самому совершенному образцу, общество совершенствуется не сразу в целом, тем не менее оно трансформируется, но не в результате разрешения непримиримых противоречий (платоновского начала всех вещей), а в результате осуществления проекта разумного компромисса и переустройства составляющих его компонентов, частей общественной системы. Это тоже путь борьбы, кропотливой и постоянной, но более реалистичной, хотя и более долгой, менее обещающей, а потому и он подводит к альтернативному выбору решительных преобразований. Для этой линии общественной и политической мысли в истории нет окончательных и безупречных решений, история — это «вдох и выдох», процесс — результат кропотливой работы, движения «шаг за шагом» («частичной социальной инженерии» К.Поппера), движение методом «stop and go» («стоп и вперед»), решение больших проблем через решение малых.

Оба пути воплощены в политической философии и в науке о политике. Это пути политического проектирования, политической критики, обучения и просвещения, которые и составляют функцию политического знания наряду с его этическими, деонтологическими функциями (формулирующими сознание долга, ответственности) и открытиями в истории универсальных социальных ориентиров — справедливости, свободы, права и т.д.

Проекты второго типа оказались не менее фундаментальными, чем идеи радикальных преобразований, а главное — более надежными, они стали основой формирования новых устойчивой и развивающейся современной цивилизации — это проекты гражданского общества, правового государства, демократического процесса, нового мирового порядка, стабильной экономики, единого мира, решения его планетарных эко-

номических, политических, экологических и прочих глобальных проблем.

Истекающее столетие и завершающееся второе тысячелетие нашей истории, по-видимому, склонили чашу весов политической мысли в пользу второго пути: совмещения прогресса материальной жизни общества с демократической эволюцией его социальной жизни и перспективой интернационализации демократического процесса.

Оба подхода решали в конечном счете вопрос о возможности управления обществом и историей, но радикально расходились в методах и в понимании смысла и содержания социального и политического проектирования, а следовательно, и в оценках ближайших и отдаленных целей политики. Ответом на этот запрос истории стала идея смены алгоритмов самой политики: переход от «идеологической политики», возникшей в XVIII в. вместе с индустриальными обществами и социальными революциями к функциональной политике, отвечающей новым задачам общественного развития, интернационализации процессов обобществления, международного разделения и кооперации труда и выживания формирующегося мирового сообщества в эпоху обостряющихся глобальных проблем.

Идеологически ориентированная политика несла с собой невиданный размах политического экспериментирования — революций, реформ, борьбы национализации промышленности и ее денационализации, огосударствления и разгосударствления (этатизации и дезетатизации), борьбы за равенство, введения и запрещения прав и свобод, конкуренции политических режимов, противостояния общественных систем и т.д., вплоть до несостоявшейся, к счастью, глобальной ракетно-ядерной мировой войны, третьей по счету и наверняка последней для человечества.

Идеи идеологизированной политики XVIII в. оставили веру в то, что политика может обеспечить счастье и благополучие человека и человечества. Проявлениями этой веры были и «Декларация прав человека» во Франции в 1789 г., которая провозгласила счастье человека целью общества, предсказания Кондорсэ победы над смертью, утверждения Бентамом счастья человека — целью правительств, а вслед за неоруссоизмом и утопическим социализмом — и все преобразовательные идеологические установки революционных политических философий от анархизма до научного социализма в его многообразных вариантах. За ними

последовал опыт тоталитарных, прямо противоположных, дегуманизирующих идеологических ориентаций политики.

Реакцией на ее гиперидеологизацию стала в 50-е гг. XX в. известная программа «деидеологизации политики» Р.Арона, Э.Шилза, Д.Белла³, которая не могла, естественно, избавить политику от ее неизбежного идеологического компонента, но не могла не отразиться на ориентациях политических исследований, в частности на их обращении к практике и особенно в понимании политико-философского знания как практической философии, способной вновь обратиться к конструктивным проектам большого масштаба, которыми стали концепции общего блага, общественного развития, новой цивилизации, справедливости, демократии, свободы и права и более глубоко постичь сущность политики и универсальных политических процессов. Отсюда и новые методологические искания политической философии, и ее обращение к новым областям гуманитарного знания – философии культуры, языка, искусства, литературного творчества и более глубокое проникновение в сферу сознания вплоть до подсознательных истоков чувственной, эмоциональной жизни политики.

Идея мобилизации общества ради решения значительных общественных проблем стала в XX в. одним из истоков мобилизации политического знания. Однако возникла она и воплотилась в разных общественных системах двумя различными, если не противоположными путями. В тоталитарных государствах эта мобилизация носила идеологический характер ради борьбы и войны, в советском варианте она вообще держала общество в постоянном напряжении, пока не истощила силы народа и идеологические аргументы настолько, что ни тех ни других в конце концов нехватило для подлинно народной антитоталитарной демократической реформы общества. В западных странах социальная и политическая мобилизация, произведенная в годы войны, напротив того, внушила веру в ее эффективность, возможность достижения методом мобилизации мирных общественных целей. В известной мере она была реализована для активизации демократического процесса и познания общества и для стимуляции социальной философии и политической мысли. Одной из их задач стала проверка эффективности политики, ее освобождение от иллюзий и избыточных ожиданий с тем, чтобы подлинно зрелая политическая мысль, пробужденный исторический и политический рассудок лидеров были обращены к ре-

шению жизненно важных задач эпохи, каждого народа и его страны. Для этого серьезное политическое знание призвано стать достоянием современного общества, его культуры и правящих в нем политических сил. Усилия политической мысли, направленные к этой цели, уже дали ощутимые результаты.

Новое подтверждение получило тем самым представление о философском исследовании политики как о практической философии. В анализе современной политико-философской мысли эта ее специфика неоднократно подчеркивалась авторитетными авторами — Л.Штрауссом, Э.Фегелином и др.⁴. Практическая ориентация политической философии привела и к новому синтезу философского и научного исследования политики, синтезу на новой автономной основе этих двух ветвей единого политического знания, а также заново организованному на этой основе взаимодействию их со смежными областями философского и специально-научного социального знания, исследующими политику, общество, его историю и культуру.

¹ См.: *Barker K.M. Condorcet. From natural philosophy to social mathematics.* Chicago, 1975.

² См.: *Ritter J. Metaphysik und Politik. Studien zu Aristoteles und Hegel.* Frankfurt a/Main, 1983. S. 118.

³ См., например: *The end of ideology debate / Ed. by Ch.J.Waxman.* N.Y., 1968.

⁴ Подтверждение тому — одна из наиболее ранних и другая — одна из последних работ на тему: *Hennis W. Politik und praktischen Philosophie.* Neuwied-Berlin, 1963; *Filosofia politica e pratica del pensiero / A cura di Giuseppe Duso.* Milano, 1988.

Власть и политика в общественном процессе

Отношения политики и власти

XX в. сломал тысячелетнюю традицию: толковать политику как исследование государства, а государство воспринимать как политику (Платоновская «Республика» и Аристотелевская «Политика»). Традиция, однако, сохранилась в скрытом виде: политическое исследование сосредоточилось на проблеме власти¹. Проблема власти вышла на передний план, но в новом осмыслении. *«Мы присутствуем в настоящее время при подлинном взрыве интереса к проблемам власти. Нам кажется неотложным делом выяснить причины такой вспышки и ее особенности»*, — писал французский исследователь Ж.Греш². Французский же политический философ Ж.Френд, один из тех, кто пытается использовать первый путь анализа, отмечает в этой связи: *«Понятие власти в наши дни на первом плане рефлексии, и через него многие авторы пытаются постичь понятие самой политики»*³. Начнем с этой темы и мы. Постараемся объяснить эту тенденцию.

Предпосылкой философского исследования власти служит решение вопроса о ее сущности, настолько общей, что становится возможным ее философский анализ, и настолько автономной, что этот анализ можно вести, условно отвлекаясь от других общественных и политических феноменов. Если же признать, что власть вторичное, производное явление, если она ат-

¹ Тенденция эта наметилась, точнее говоря, уже с начала Нового времени, с появлением труда *Н.Макиавелли* «Государь» (1513 г.) и произведений *Т.Гоббса* «О гражданстве» (1642 г.) и «Левиафан» (1651 г.).

² *Greisch J.* Le pouvoir des signes, les insignes du pouvoir // Le pouvoir. P., 1978. P. 176.

³ *Freund J.* L'essence du politique. P., 1965. P. 247.

рибутивна, то она должна рассматриваться вместе с другими политическими и общественными процессами, как некий их признак, свойство, проявление, но не их причина. Так обычно рассматривается, например, политическая или экономическая власть в политическом или в экономическом процессах. Приняв эту точку зрения, можно с определенными конкретными целями выделить для исследования один из видов власти в одном из соответствующих процессов, скажем, политическом. Для нас в этой работе он и будет основным предметом исследования. Во многих, собственно, в большинстве случаев именно так и поступают в политических изысканиях. Другие работы посвящаются, скажем, роли власти в экономическом управлении и т.д. до бесконечности. Для политологии, социологии власти и политики такой подход естественен и даже неизбежен. Однако философское исследование по ряду причин не может им ограничиться. Политический процесс в обществе не самоцелен. Он имеет организующие, управляющие функции и связан с другими общественными процессами — экономическими, культурными и прочими. Или иначе говоря, он входит в системную совокупность общественных процессов. Соответственно и политическая власть слита с иными видами власти. Если политическая власть призвана осуществлять те или иные цели политики, то делает это она через посредство других видов власти, оперирующих в иных процессах. 1. Существует множество проявлений власти во всех видах деятельности, общении людей и социальных институтов. Политическая — лишь одна из них. 2. Значит, можно объединить их в некую совокупную «власть» как универсальное общественное явление, но при этом решить вопрос: имеем ли мы дело с совокупностью множества различных властей, в лучшем случае некое суммированное целое, или с некой целостной общественной сущностью, универсальным, общественным началом. 3. Многообразны и функции власти — объединяются ли они тоже. Такое обобщенное понимание способствует и более верному и полному пониманию политики. Речь при этом идет не о точном понимании политики в собственном смысле слова («политическая политика») и о ее расширительном толковании (множестве всевозможных политик — экономической, социальной, военной и т.д. и т.п.), а о такой же возможности дать политике универсальное определение общественной сущности, равносильной власти. Редуцировать функции политической власти к «чистой политике» значит ограничить политичес-

кие явления государственно-бюрократической деятельностью и к тому же — свести ее к областям либо внешней, либо внутренней политики, либо уровням конституционно-законодательной или административной деятельности и т.д. Такая редукция означает, помимо того, изоляцию от проблемы обратных связей в политике или, иначе, отношений между институтами и их общественным окружением. Отпадает при этом анализ исполнения, эффективности политического процесса, интерьоризации управляющих импульсов власти, а также целый спектр проблем целеполагания, средств и методов и т.д. Не случайно ни один самый последовательный и прямолинейный институционализм не обходится без анализа условий, задач, ресурсов, средств исполнения политических решений, как и процесса принятия самих этих решений.

Различия между политической и неполитической властью к тому же не столь очевидны, как может показаться. Известны две полярные точки зрения на политику, согласно одной из которых она возможна только как специфическое отношение между государствами, классами, социальными слоями и группами, между центральными институтами власти, государством и обществом, по наиболее общим вопросам их взаимодействия, и другой, в соответствии с которой политика как регулирующая и организующая деятельность возможна на всех уровнях отношений в обществе, во всех видах отношений. Иначе говоря, политика либо однопланова, либо многофункциональна, многозначна.

В пользу первого подхода свидетельствует этимология самого слова «политика» — всего, что относится к полису, городу-государству античного мира. От Аристотелевской «Политики» идет традиция анализа «политического общества», то есть общества с центральной властью, классовыми отношениями, управлением общими делами и т.п. Но это не более чем традиция. В ее рамках давно образовались новые представления о политике, о ее старых и новых специфических сферах (в которых также имеет место управление, регулирование, организация и т.п.): экономическая политика, научная, культурная и мн. др. Такие «политики» тоже охватывают любые социальные целостности или их значительные части. Но тенденция развивается, и понятие «политики» распространяется, как известно, на многие, практически любые отношения: «политика» отца по отношению к воспитанию детей, «политика» директора по отношению к подчиненным и т.д. и т.п. Метафоричность такой терминологии не говорит против

возможности трактовать политику очень широко, что, по сути, свидетельствует в пользу второй точки зрения на нее.

Этот второй взгляд имеет и более фундаментальные основания. Анализ политики как деятельности и как процесса показывает, что любая самая «неполитическая» политика обусловлена возникновением интереса, формулировкой целей, мобилизацией средств для их реализации, сопровождается, иначе говоря, процессами целеполагания и последующей деятельности – всеми признаками политического процесса, включая применение или использование власти. Поэтому возможно перенесение понятия политики на практически бесконечный ряд действий и отношений, процессов и событий в обществе.

В этом смысле самым полным представлением о политике будет осуществление какого-либо целенаправленного действия, связанного с возникновением замысла и его выражения в форме проекта, связанного с выбором и принятием соответствующих решений, преодолением препятствий, привлечением сторонников и борьбой с противниками, мобилизацией ресурсов в расчете на получение желаемого результата в нужное время и в должном месте.

Речь при этом не идет, как нередко полагают, о «конкретном и расширительном, метафизическом» понимании политики (как и власти), а об обратном: полном, сущностном ее понимании или редуцированном понимании применительно к собственно политической сфере⁴. Об этом стоит сказать еще хотя бы несколько слов.

Политика не занимает в совокупности общественных систем ни центрального, ни главенствующего места (как, отметим еще раз, и любая другая система) по той простой причине, что

⁴ Отметим здесь, что политика как система общественных отношений и сфера деятельности представляет собой лишь одну из семи таких общественных систем, к которым следует отнести кроме нее экономику, науку (знание), право, культуру, мораль, идеологию и религию. Все эти системы равнозначны, равно необходимы для организации и поддержания общественного процесса (с известными оговорками в отношении религии), универсальны (не знают обществ, в которых какая-либо из них исключалась), взаимозависимы, атрибутивны, сочетаются друг с другом («политическая экономия», «экономическая наука» и т.д.) и инклюзивны (от лат. *includere* – проникать), т.е. могут глубоко проникать друг в друга (идеологизация политики, политическая культура и т.п.).

не заменяет ни одну из них и не решает их специфические задачи (научные, моральные, экономические и пр.). Ее особое положение в сочетании всех этих систем объясняется ее функциональной спецификой (помимо решения собственно политических задач): регулировать отношения других систем, и тем обстоятельством, что каждая из них вырабатывает свою собственную («неполитическую») политику с собственными организациями и регулятивно-контрольными функциями. При определенных условиях эти функции могут приобретать собственно политическое значение (неудачная аграрная или военная политика, например).

Принципиален и вопрос о соотношении политики и власти. Если они автономны в обществе и независимы друг от друга, их можно анализировать порознь. Если они невозможны друг без друга, то природа их отношений нуждается в более полном определении, скажем, в доказательстве того, что они неразделимы и взаимообусловлены. Однако равенство этих двух общественных сущностей и симметрия их отношений неочевидны, и в политической науке и философии нередко возникают дискуссии о первичности одного из этих двух начал, либо о возможности их отождествить. Власть несомненно представляет собой средство осуществления политики, но она инструментальна, служебна и по отношению к обществу, так же, как и политика. Политика со всеми ее инструментальными организационно-контрольными функциями неосуществима помимо власти. Поэтому взаимоотношения этих двух начал не сводятся к простому взаимодействию: власть — это воплощенная политика, способ ее существования в обществе. Однако и такого рода функциональная связь не убеждает в первичности политики по отношению к власти, ибо созданная или захваченная для осуществления какой-либо политики власть сама порождает политику, и таким образом политика оказывается не только условием власти, но и средством ее существования, средством осуществления власти. Поэтому вернее будет считать, что политика и власть связаны круговой причинно-следственной зависимостью. Вопрос этот важен не только для анализа теоретических проблем политики, но и для понимания конкретных проблем политической практики.

Власть как общественное явление

Власть совместно с политикой образует формирующую общество организационную и регулятивно-контрольную общественную систему, функционирующую во взаимодействии с другими системами таких же масштабов, о которых уже шла речь: экономикой, правом, наукой (знанием), культурой, моралью, идеологией, религией.

Слитность политики и власти не мешает, как мы уже видели, рассматривать их порознь, подобно тому, как мы можем поворачивать в руках монету и разглядывать то одну, то другую ее сторону, сознавая, что они равно принадлежат одному и тому же металлическому телу. Такой же анализ политического тела «политика/власть» оказался чрезвычайно плодотворным и может считаться заслугой политической мысли XX в. при условии, что он остается аналитическим приемом, а не принципиальной позицией исследователя. Тогда власть может быть изолирована как некая относительно автономная общественная сущность, обладающая специфическими свойствами, широким диапазоном типов и форм (от политической до экономической, юридической, семейной и т.п., от общественной до коллективной, групповой и индивидуальной). Следовательно, возможна специфическая теория и философия власти.

Политическая наука обращается к изучению власти с вполне конкретными целями (изучение институтов, тех или иных, например, организационных процессов и пр.). Для нее обособление власти в качестве самостоятельного предмета исследования не составляет проблемы.

Политическая философия обособливает власть в качестве самостоятельного предмета исследования и философской проблемы несколькими различными путями. Во-первых, слиянием власти с политикой во всех их проявлениях. Во-вторых, полным отделением феномена власти от всех других равно автономных сущностей, характеризующих отношения в обществе, не исключая и политики, и, в-третьих, отождествлением власти с рядом таких сущностей или наделением их функциями власти. Имеется в виду при этом, что автономность власти и политики не исключает их включения в другие автономные явления, сущности другой природы и иного происхождения. Во всех случаях власть (или политика вместе с властью) характеризуется как

первичное общественное явление, социальная обусловленность которого скрыта в самой природе человека и человеческого общежития. Не последнюю роль в автономизации феномена власти в качестве предмета философского исследования играет и представление о ее первостепенном общественном значении.

Возникает также вопрос, с какими целями и до каких пределов возможно разделение политических и иных процессов и властей и автономный анализ власти, отделенной от политики. Это, следовательно, вопрос о соотношении власти и политики какого-либо конкретного общественного процесса, в котором она функционирует, хотя они и рассматриваются как автономные общественные сущности. Наконец, это вопрос и философского понимания самой политики.

Философское исследование власти и политики непродуктивно без достаточно широкого подхода к этим явлениям. Задача поэтому в том, чтобы определить само понимание этих явлений, и в этом отношении философский анализ будет существенно отличаться от специально-научного, в частности, политологического. Иначе говоря, для нас существует много разных «властей» и много «политик», либо одно универсальное, всеохватывающее, предельно обобщенное понятие политики и такое же (по типу) понятие власти. Поиски зарубежной политической философии идут по двум этим направлениям, которые и будут в дальнейшем рассмотрены, но с акцентом на втором.

Исследовать власть помимо политики пытались множество раз. Нетрудно убедиться, что все неполитические определения власти одновременно являются и несодержательными, говорящими о принадлежности и распределении власти и связанных с ней отношений, или реляционными, в которых раскрываются направление и механизм этих отношений, или, в лучшем случае, функциональными, приближающимися к содержательному определению. Иначе и точнее говоря, все это — попытки выявить собственное содержание власти в ее структурном (связанном с другими элементами общественной системы) статусе. Сами по себе они заслуживают внимания, поскольку отражают, в частности, социальные аспекты власти (ее принадлежность), связывают ее с деятельностью (социальным действием, по Веберу), что очень важно, с определенным отношением (руководство — исполнение, давление — подчинение и т.п.).

Определение власти

Приходится констатировать, что сколько-нибудь полной и непротиворечивой философской концепции власти западная политическая философия пока не разработала, несмотря на давнюю традицию концептуальных и типологических исследований явлений политики. Не лучше выглядит эта проблематика и в современной отечественной литературе⁵. Более того, немало было сделано, чтобы запутать и без того объективно сложную проблему объяснения власти. Многочисленные попытки классифицировать ее определения мало способствуют прояснению этой характерной интеллектуальной ситуации.

Классификационный и типологический труд мало-помалу взяли на себя социология и политология. Они же произвели наибольшее количество определений власти. Возникла оппозиция двух подходов: конкретно-политического, ориентирующегося на внешне выраженные признаки власти, и собственно философского, так или иначе избегающего всякой типологии и отвергающего субстанциональные и функциональные концепции⁶, в которых власть представлялась видимой, законодательной, проявляющей себя запретами, своей оппозицией подданным, тогда как для философа, особенно такого, как М.Фуко, например, власть невидима, видны только ее проявления, процедуры, стратегии (в речи, дисциплине).

Возникает тем самым более сложный, чем систематизация типов власти, подход к ней: стремление обнаружить некую универсальную природу власти, ее первооснову и разрабатывать типологию уже не самой власти, а ее проявлений, признаков и т.п.

Близки к такой универсалистской позиции и другие исследователи, не только последователи, но и предшественники Фуко. Для Вебера уже существует всеобщий смысл власти — волевое отношение (реляционная концепция власти, идущая от Вебера). Френд выделяет другое, но очень близкое к веберовскому всеобщее начало власти — «командование». Затем уже он анализирует проявления или формы власти: правление, порядок, по-

⁵ См., например, обзорные работы: Власть многолика. М.: Росс. философ. общ., 1992; *Спиридонова*. Бюрократия и реформа. М.: ИФРАН, 1997.

⁶ См.: *Le pouvoir politique* / Ed. par P. Birnbaum. P., 1975.

виновение, институты, организацию и самоорганизацию общества. Идею волевого импульса, определяющего феномен власти (ее порождение), Френд дополняет ее вторым сущностным началом — повиновением (обратной связью или ответной реакцией, как теперь сказали бы мы). Таким образом, власть в этой концепции — универсальное и сложное общественное, производное от двуединого тоже универсального и нераздельного начала: командование — повиновение, составляющего сущность власти. Пуланзас выделяет единые политико-идеологические основы власти и только вслед за тем выделяет различные ее виды, такие как власть собственности, власть на основе эксплуатации, власть как способность применять средства производства, как возможность обращать их в дело. «Экономический процесс» и производственные отношения образуют «сеть видов власти»⁷.

Наконец, целые философские и научные школы исследований власти поведенческих (бихевиоральных, от англ. behaviour — поведение) и психологических (или как их часто называют у нас, психологизаторских) направлений включаются в ту же исследовательскую схему: сочетание некоей общей универсальной основы (сознания и познания) власти и типологию ее внутренних и внешних форм, функций и других выражений от подсознания и сознания до практики теоретического и предметного действия. Психология политики, власти составила, как известно, целое направление политического знания, которым были увлечены и «чистые» политологи (лидером которых был Г.Лассуэлл⁸) и философы психоаналитической ориентации (в частности, крупнейшие из них — Э.Фромм, К.Г.Юнг)⁹. Психологические основы власти многообразны, отмечает П.Бирнбаум. Это преданность, интерес, привычка, апатия. Власть — это также система ценностей: идей, вещей, которые сами по себе не обладают властью, но могут стать ее инструментами, если, с одной

⁷ Poulanzas N. Le pouvoir, l'Etat, le socialisme. P. 39-40.

⁸ См., в частности: Lasswell H. Psychology and politics. N.Y., 1960. (Первое издание 1930 г.), а также другие его работы и труды иных представителей бихевиоральной школы. См. подробнее о ней: Алюшин А.Л., Порус В.Н. Власть и политический реализм // Власть. Очерки совр. полит. философии Запада. М., 1989. С. 95-127; Автономова Н.С. Власть в психоанализе и психоанализ власти // Там же. С. 256-294.

⁹ См. содержательную статью о психоанализе в политическом исследовании: Ansart P. Psychanalyse et science politique: la querelle des frontieres // Connaissance du politique. P. 9-43.

стороны, обладатель власти может придать им политический смысл, и если те, на кого распространяется власть, со своей стороны готовы воспринять этот смысл¹⁰.

Тем не менее в политических исследованиях, философских и особенно научных преобладает субстанциональная концепция власти, выделяющая ее институциональные, материализованные в аппаратах, информации, в различных политических и неполитических сферах. Она встретила и наиболее неприязненную критику философствующих исследователей политики.

Многообразие феномена власти — причина его нескончаемых разночтений. Распространено мнение, что власть можно истолковать самыми различными способами в зависимости от свободно избранного исходного признака. «*Власть, — пишет С.Дж.Бенн, — часто объясняется как отношение... Мы говорим, следовательно, о распоряжении властью, о власти речи, о стремлении к власти как к средству последующего удовольствия (Гоббс) или о власти как о «производстве желаемых результатов (Расселл)*»¹¹. И потому не удивительно, что при подобной методологии в истории политической мысли легко обнаружить самые разные взгляды на власть в зависимости от выбора из многих ее признаков одного признанного релевантным. Этот разноречивый наследовала и современная философия и политическая теория. Возникла поэтому потребность в классификации самих теорий определения власти. В классификаторских (преимущественно политологических) подходах нет недостатка, но нет также ни полноты, ни достаточной методологической принципиальности. Однако они могут быть резюмированы ради некоторых выводов, представляющих интерес для философской типологии власти.

Основные определения власти производятся по следующим признакам:

1. Области функционирования. Различаются политическая, идеологическая, социальная, экономическая, юридическая и др. виды власти. В прошлом различали светскую и духовную (религиозную) власти. Это же деление Н.Боббио связывает с различием в средствах, применяемых властью: обладание средствами производства, физического принуждения¹², идейного влияния

¹⁰ *Birnbaum P.* Op. cit. P. 51.

¹¹ *Benn S.J.* Power. The enciclopedia of philosophy. Vol. 6. N.Y., 1967. P. 424.

¹² Об этом признаке политической власти говорит и М.Вебер. (см.: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen, 1956. Bd. 1).

и т.п., что весьма непоследовательно, ибо средство — универсальный атрибут власти, любой власти, а следовательно, следовало бы особо классифицировать феномен власти по этому признаку. Однако сами средства также классифицируются и не могут быть предельным критерием различения видов власти, не говоря о том, что они сходны и повторяются во всех ее проявлениях.

2. По объему прерогатив различаются государственная, международная, семейная и т.п. власти.

3. По субъекту власти: групповая олигархическая и полиархическая, классовая, партийная, народная, личная (например, президентская, власть отца, учителя и т.п.).

4. По формальным структурным признакам различается институциональная и неинституциональная, единоначалие (монархия) и единовластие (монархия) и двое- либо многовластие (диархия либо олигархия и полиархия).

5. По методам различаются применение силы и насилия, подавления воли или какие-либо другие формы принуждения, убеждения и т.п. Различие методов дало основание для различения власти и авторитета (власти влияния, способности личности или группы воздействовать на поведение других благодаря достоинствам характера, заслугам и другим качествам власти). По этому же признаку, но с более выраженной культурной организацией, можно различать харизматическую власть, а также традиционную, идущую от унаследованной системы ценностей и общественных отношений прошлого (от кровно-родственных, племенных, возрастных отношений, от унаследованной культуры). Именно такая власть бывает в соответствующей среде наиболее авторитетной. Распоряжения такой власти обязательны. Они принимаются беспрекословно и добровольно, в отличие от других видов власти. Источники авторитетной власти, или авторитета, как принято ее именовать, могут быть самыми различными и не связанными с традицией. Ими могут быть знание, заслуги, опыт субъекта власти. Во всяком случае авторитет — это особая форма добровольного и порой неосужаемого принуждения, эффективный и экономичный способ добиться поведения, дающего полезные последствия, дисциплину — цель любой власти.

6. По характеру субъекта или власти носителя (а также и по существующему строю общества) — монархическая, самодержавная, деспотическая, авторитарная, диктаторская, лидерская.

7. По объему власти ее носителя (или же субъекта-носителя, если они совпадают) — единоличная, коллегиальная, групповая. На государственном уровне такое деление может совпадать с типом общественного строя или правления: монархической, самодержавной, полиархической, олигархической, демократической властью.

8. По режиму правления и форме государственного строя — монархическая, республиканская, либеральная, демократическая, авторитарная, тоталитарная, бюрократическая и т.п.

9. По социальному типу — феодальная, капиталистическая, (буржуазная) социалистическая (как проект или идеал) и др.

Наконец, из этих толкований власти (а они, как мы видели, пересекаются) могут быть получены комбинированные типы и определения, которые сводятся к одному общему признаку власти всех типов — отношению¹³. Но само это отношение понимается разными исследователями различным образом.

Некоторые попытки философского анализа вопреки ожиданиям лишь усугубляют смешение понятий власти. Так, Ф.Е.Оппенгейм полагает, что понятие власти включает три отношения: а) власть заставить кого-либо сделать что-то; б) власть сделать что-то; в) власть над чем-то (или кем-то)¹⁴, объединяя, таким образом, отношение, деятельность и обладание. Оппенгейм не открыл этой типологией ничего нового, но отразил увлечение политико-философской метафорой.

Реальная многозначность власти, отраженная в языке, стимулирует семантические и терминологические смешения. Властью именуется ее носитель — лицо, институт, верховная власть любого содержания, органы, аппараты этой власти и т.п. Возможность именовать властью организации, учреждения создает мнение, что властью может быть вещь.

Существуют и объективные предпосылки метафорики. Так, обладание властью подразумевает свойство, способность, волю быть властью и осуществить ее, «иметь силу властвовать». Обладание и способность осуществлять власть отождествляются, как

¹³ «...Власть может быть определена, — пишет Н.Боббио, — как отношение между двумя субъектами, из которых один навязывает другому свою волю и определяет его волю, не взирая на средства» (*Dizionario di politica / Dir. da N.Bobbio, N.Matteucci. Torino, 1976. P. 729*).

¹⁴ *Oppenheim F.S. Practical concepts. A reconstruction. Oxford, 1981.*

и проявления силы, воли, эмоций и прочих качеств, способных воздействовать на людей. И они же определяются как власть¹⁵.

Таким образом, для понимания власти предстоит решить, есть ли власть и вещь и отношение (проявление ее свойств, обращенное к определенному объекту, определяемой цели). Что отношение заложено во всех упоминавшихся выше истолкованиях власти, по-видимому, очевидно.

Решение аналогичного вопроса в области политической экономики, как известно, принадлежит Марксу. Исследуя капитал, Маркс показал его как общественное отношение. Власть также есть общественное отношение. Понимание власти как лица, ее источника, политической силы, организации, и толкование ее, конечно, условное как вещи, вполне обосновано¹⁶, но лишь в рамках отношения, которое только и превращает предмет этого наименования в действительную власть.

Приняв такое толкование власти, нужно его уточнить. Прежде всего отпадает «власть над вещами». Такая власть – не более чем метафора владения и распоряжения, переносное значение способности воздействовать на вещество природы (естественной или искусственной, рукотворной). Власть – субъект-объектное отношение и потому оно асимметрично, но это взаимное отношение, хотя и неравное. Такое отношение включает реализацию исходящих от субъекта власти побуждений и обратную

¹⁵ Язык или, точнее, языки, по крайней мере, индоевропейские языки отражают связь этих трех явлений – носитель власти, его способность властвовать и властвование в многозначной семантике слова «власть»: французского *pouvoir*, немецкого *macht*, английского *power* и т.д. Все они равно обозначают и вещь, и ее свойство – силу, способность и функцию власти. Однако язык отрицает и различие между вещью (лицом) и свойством – реализацией. Отсюда различие между понятиями власть и власти («гражданские власти»), *le pouvoir – les pouvoirs, l'autorité – les autorités, authority – authorities*. Форма множественного числа означает в этом ряду конкретное понятие органа власти, учреждения, предмета, множественном числе – отвлеченном понятии свойства и функции. В немецком языке это различие еще очевиднее, ср. *Macht, Gewalt, Behörden*. Слово сочетания еще больше обозначают такое различие, ср. «органы власти».

¹⁶ С той оговоркой, что субъект власти материализован лишь в людях, ее носителях, в отличие от капитала, материализованного в орудиях и средствах производства, в финансах, производственных связях и в людях – участниках производства. Власть, следовательно, еще менее «вещь», чем капитал.

связь объект — субъект. Вне этой связи власть субъекта не существует (будем ли мы толковать его как вещь или нет). Рассмотрим эту проблему подробнее.

Метафоры власти

Как уже отмечалось, явление власти реляционно, оно основано на ее функции — связывать субъект и объект (или второй, пассивный, повинующийся субъект) особым волевым отношением. Такое отношение состоит в побуждении к действию, которое должен произвести объект отношения по желанию субъекта власти. Поэтому в собственном смысле слова понятие власти применимо к отношениям между людьми или группами людей, обществом и его частями, т.е. субъектами, наделенными сознанием и волей, способностью к деятельности. Важен при этом вопрос, что или кто является объектом отношения власти, когда ее субъект выражает свою волю и на кого она распространяется¹⁷. Полная субъект-объектная «формула власти» может быть сокращена и какое значение имеет такое сокращение, следует пояснить — это одна из важных и мало разработанных проблем политической философии.

Поскольку власть — идеальное волевое, эмоциональное отношение и не может сама производить какое-либо действие, и это действие, как мы уже говорили, производят две стороны этого отношения, одна — побуждающая к действию, другая — производящая его, уточним это определение ответом на вопрос: почему и в теоретическом и тем более в обыденном сознании представление о власти, как влиянии, воздействии, побуждении распространяется на отношение между наделенным сознанием субъектом — человеком с окружающим его предметным миром (власть как владение, обладание, как право собственности — «власть над вещами») и миром духовным — над собственной деятельностью, волей, сознанием человека («иметь власть сде-

¹⁷ Пример безоговорочного признания всех метафор власти и даже ее типологии на метафорической основе — работа Ф.Оппенгейма о понятии политики (см.: *Oppenheim F.S. Op. cit.*).

лать что-либо», «иметь власть над своими эмоциями, владеть ими» и т.п.), т.е. на объекты, неспособные воплотить волевое побуждение к действию, которое на деле осуществляет сам субъект. Момент обладания и вытекающего из него права, распоряжения, надо сказать, присутствует в скрытом, а нередко и в достаточно явном виде в любом акте власти, в возможности власти, обладании волей объекта, исполнителя желания автора волевого импульса. Не случайно и сама возможность осуществлять власть обусловлена обладанием, соответствующим положением по отношению к объекту, статусом, правом, преимуществом. Осуществление власти несет в себе представление об обладании ею как особым свойством или функцией, которая материализуется в ролевых статусах человека, постах, должностях и иных институциональных формах. Отсюда и легкость отождествления власти не только с этими действительными ее формами, но и с превращенными — знатностью, богатством, привилегиями. Они же, в свою очередь, стимулируют другие, социальные и политические превращения власти — деспотические, авторитарные и пр. Таким образом, метафора власти, ее неподлинный образ имеет глубокий социальный смысл. Она еще очевиднее, когда не объектом, а субъектом отношения власти оказывается неодушевленный предмет, вещь или отвлеченное понятие («власть денег», «власть искусства» и т.п.). Такая метафора возможна и понятна, как и в первом случае, только потому, что в подобной формуле подразумевается субъект, обладающий деньгами, владеющий искусством, и объект, наделенный сознанием и способностью реагировать на его собственное восприятие окружения, как на побуждение к действию (богатство, искусство). Поэтому и возможны представления о власти персонифицированных вещей над другими вещами (ср. «власть денег, власть огня над лесом, деревом» и т.п. воспринимаются лишь в иносказании, как действия некой одухотворенной материи).

Однако метафоричность власти порождается не только особенностями политической семантики. У нее есть и другое весьма важное функциональное основание, во многом объясняющее универсальность власти, сказывающуюся в языке и определяющую способ ее существования в обществе. Оно обнаруживается в процессе ее объективирования (о чем еще пойдет речь несколько позже), который включает ее материализацию в вещах — документах, кодексах законов, инструкциях и прочих видах «политического письма», в политических учреждениях, в символи-

ке власти, внешних атрибутах ее носителей, а также ее идеальных выражениях¹⁸, отношениях правящего Совета министров и «теневых кабинетов», пресловутого «слабого» директора и его волевого и властного советчика из числа приближенных и т.п. Но и формальный носитель власти отнюдь не лишен ее фактических прерогатив. Напротив, в нем может быть сконцентрирована воля (интересы, намерения) подлинного субъекта. И наоборот, такой кажущийся подлинным субъект может быть фиктивным, когда, например, им провозглашается некая общественная, природная или надчеловеческая сила (правление от имени народа, рабочего класса, славных предков, партии, по воле бога, ради благоденствия и т.п.), которая на деле не участвует и не может участвовать в функционировании власти. Диалектика функциональных структурных дифференциаций субъекта, отношений подлинного и неподлинного немало способствует мистификации реальной сущности явления власти. Не случайно поэтому «вечные» вопросы в политике: кто правит? Кто и что за ним стоит? Как распределяются функции и роли при той или иной расстановке сил в политическом процессе?

Не менее важна возможность субъекта и объекта власти совмещаться. Это означает, что минимальное отношение власти может замыкаться в пределах мыслящего и действующего субъекта, индивидуального («учитесь властвовать собой») или коллективного, общественного (самодисциплина, самоуправление). Выход за пределы этой замкнутой интеллектуальной, волевой, эмоциональной сферы приводят отношения власти к нормальному виду как отношению с дистанцией между его субъектом и объектом. Наличие двух форм отношения власти — интерьеризированной (от лат. *interior*, интерьер, внутренний), без оппозиции субъекта и объекта и с такой оппозицией весьма важно, оно прослеживается в самых различных проявлениях власти (например, в политике, ср.: управление — самоуправление).

Таким образом, властью не может быть чистое бессубъектное и безобъектное отношение, хотя метафора такого рода возможна (ср. «вся власть Советам»), поскольку подразумеваются стороны такого отношения. Власть не может быть и вещью, так

¹⁸ Нематериализованных формах объективированной политики — идеях, теориях, нормах морали и права, культуры, навыках поведения, обычаях и мн. др.

же, как невозможно отношение власти между вещами. Однако метафора власти возможна и в этих случаях, когда персонификация вещей то допускает, особенно в применении к общественным явлениям (ср. государство, правительство, приказ, закон как синонимы власти и само понятие «власть», «власти» как олицетворение субъекта политического отношения).

Бессубъектные и безобъектные формулы власти трудно анализировать, не обращаясь к политике, точнее, к тому творческому процессу, который включает применение власти. Его цель — создание новых объектов (материализованных — предприятий, учреждений, новых общественных отношений — и нематериальных — климата доверия, общественного подъема и т.д.) и управление ими. Так как власть служит средством осуществления подобных целей, отношение власть-объект может восприниматься сокращенно, минуя одушевленных исполнителей и вообще всю систему ресурсов, средств и методов. Так возникает представление: «Я» (или коллективное «Мы») — вещь. За такой метафорой власти кроются, однако, весьма серьезные политические навыки общества: восприятие власти, точнее, ее субъектов как самодействующей силы, всеведущей, всемогущей и т.д., связанной со своими целями, но не теми, кто реально добивается их осуществления. Отсюда и возможность многих роковых заблуждений и кризисов, которыми полна история, в том числе история нашей страны: и отношение к человеку, и к цене общественных преобразований, и к произвольному выбору самих целей (безудержной международной экспансии, производства ради создания средств производства, и производства без потребления и т.п.). Пресловутое засилье ведомств — это образец метафоры власти-обладания вещами и людьми.

Другая, тоже политическая, возможность совмещения субъекта в отношениях власти создается передачей, делегированием власти с вещью материализующим и символизирующим, объективирующим ее предметам и действиям, в которых она персонифицируется, о чем уже упоминалось выше: учреждениям, лицам, приказам, документам, слову и т.п. Возникает отношение «Вещь — Я» (или «Мы», общество) и подчинение метафорическому субъекту этого отношения.

Так формируется двойная жизнь власти в обществе — в ее действительных и превращенных формах. Роль превращенных форм власти двойственна, как всяких превращений действительности. Они весьма эффективны и в сущности необходимы, обя-

зательно, однако, сознание подлинной природы таких форм. «Власть денег» — это общественное отношение со скрытым субъектом, подобное тому общественному отношению, которое представляет собой капитал, как это показал Маркс. Власть приказа, инструкции, документа необходима, но она может превратиться во власть канцелярии, власть бумаги, политической фикции, власть переписки, как только исчезает представление о власти как об отношениях между людьми.

Способность власти объединять и связывать в единой структуре отношений общество, людей между собой, человека и вещи объясняет два фундаментальных качества, о которых мы все время говорим: ее всеобъемлющую социальность и универсальность ее общественных функций. Эти два свойства определяют ее бытие в обществе и ее функционирование в нем.

Социальные функции власти не ограничиваются организацией отношений в обществе и их контролем. Они состоят также в формировании личности человека, его отношения к миру, его жизнедеятельности, в организации самого общества. Отношения власти, как и политические отношения, характеризуются их присутствием во всех практически регулятивно-контрольных сферах жизни общества, способностью воздействовать на все уровни отношений, сознания и сфер деятельности. «Поле власти», охватывающее ту или иную сферу, область отношений может быть предельно малым (личность самого человека, семья и т.п. — «власть отца») и предельно большим (государственная власть), выходящим за рамки государственных территориально-пространственных и политических категорий (например, власть идеологии, религии). Обобщенная картина власти в конкретном обществе (и за его пределами) представляется как система полей власти разного содержания и разных масштабов. Отсюда, наоборот, и возможность объединить эти поля в единое для общества и, может быть, для человечества и его истории поле власти. Эта гипотеза наводит на представление о существовании некоего всеобщего, всеобъемлющего начала, именуемого властью, как жизненного условия, *«одной из функциональных, постоянных и неискоренимых категорий природы человеческого существования и как некоей идентичной самой себе реальности»*¹⁹ всеобще-

¹⁹ Freind J. Op. cit. P. 44.

му началу жизни — «архэ»²⁰, особенно присущего политическим и правовым отношениям (Ф.Ницше, М.Фуко, Н.Пуланзас, Г.Ел-линек и др.). Для такой универсалистской концепции власти есть несомненное основание, как и для такой же идеи политики. Однако и она двойственна, поскольку открывает путь для абсолютизации самого универсального начала — либо в виде неограниченной, всеохватывающей власти институтов (государства, правительства, монарха, вождя и всякой вообще организации — ср.: понятие пресловутой «системы» в политическом сознании общества), либо такой же непреодолимой власти микросвязей между людьми, каждое отношение между которыми есть проявление власти²¹.

Существующая как целостное начало во множестве частных проявлений, объединенных общим признаком — быть отношением, с особой функцией — служить организационным и регулятивно-контрольным средством, власть наделена и единым принципом деятельности — командованием в различных его формах (распоряжения, приказания, убеждения и т.п.), о чем нам еще придется упоминать.

Универсальность власти

Универсалистская концепция имманентной обществу сущностной власти привлекает многих исследователей самых разных направлений²², идущих дальше общих указаний на абст-

²⁰ Конрад Н.И. О смысле истории // Конрад Н.И. Восток и Запад. М., 1972. С. 470.

²¹ Микровласть М.Фуко (см.: Foucault M. Histoire de la sexualité. T. 1. La volonté du savoir. P., 1976. P. 122, 123 ect.).

²² На исконную проблему власти указывает Н.И.Конрад. Он отмечает различие в понимании значительности этих начал и вообще их необходимости. «Началу «архэ» (власти) как символа необходимости для существования человечества какого-то организованного порядка, регулируемого общеобязательными нормами, противопоставлялось начало «анархэ» (безвластия) как символа общественного устройства, свободного от всякого принуждения. На рубеже нашей эры римлянин Овидий, напоминая Н.И.Конрад, представлял себе такое общество, названное им «золотым веком», временем, «когда люди без всяких судей сами, по собственной воле соблюдают честность и справедливость». (Конрад Н.И. О смысле истории. С. 470.)

рактное всеобщее начало этого феномена. Естественно стремление выявить более осязаемую природу подобной всеобщности, смысл, способы и формы существования власти. Политическое исследование оказывается перед проблемой онтологии власти: власть как общественное явление объективна, но существует ли она вне ее материализации в деятельности, в ее результатах, в институтах и т.д., можно ли считать ее онтологическим статусом отношения, поведению, состоянию сознания. Логическое развитие идеи власти – универсальной общественной сущности приводит к мысли о двух явлениях власти: видимой власти, проявляющей себя запретами, законами, своей оппозицией объектам власти – подданным, например, и невидимой. Эта власть и является сущностной, но осязаемой лишь в ее проявлениях, в видимой власти – в ее процедурах, стратегиях, в речи, о чем уже говорилось при анализе типологии власти. В таком делении власти (ее можно было бы назвать концепцией «двух властей») отражен ряд ее проблем – и решение вопроса о ее универсальности (которая по своей природе непосредственно неощутима) и постановка вопроса о материализации власти в осязаемых, вещных формах. В таком подходе к проблеме сущности и существования власти отображен и более сложный замысел или сконцентрирована более сложная интерпретация этой проблемы, которую разработал М.Фуко. Здесь мы отметим некоторые ключевые, на наш взгляд, моменты его теории. Они касаются проблемы бытия власти.

Власть у Фуко означает прежде всего множество отношений силы, которые имманентны области своего проявления и включены в нее организационно; игру, которая в борьбе этих сил непрерывно их трансформирует, усиливает, инвертирует, меняет местами; опорные основы, которые эти отношения силы находят друг в друге, образуя цепи или системы, или, напротив, разрывы, противоречия, которые их взаимно изолируют друг от друга; наконец, стратегии, в которых отношения власти обретают выражение и общий замысел, институциональная кристаллизация которых оформляется в государственных аппаратах, в формулировках закона, в социальных гегемониях²³.

Эта характеристика власти сконцентрирована на ее функциональных и структурных аспектах: указании на то, что власть

²³ Foucault M. Op. cit. P. 122.

есть отношение, какое оно (силовое); что она существует как взаимодействие и борьба отношений под действием неких общих направляющих, неясно обозначенных («стратегий»), что приводит опять-таки под их воздействием к формально выраженным учреждениям, общественным результатам («гегемониям»), фиксации власти (законы).

Фуко не говорит здесь об очень многих характеристиках власти. Он позволял себе подобный «номинализм», давал «номинальное» (в номенклатуре Лейбница), нестрогое и неполное определение, но делал это не потому, что не мог дать иное. Он поступал так вполне сознательно, что справедливо подмечает другой теоретик власти Ж.Греш, хотя не дает этому уходу должной оценки: этот «подчеркнутый номинализм» позволял М.Фуко сблизить аналитику речи и власти²⁴. Иными словами, Фуко нужно было расстаться как с рядом признанных атрибутов власти, так и с их академическим исследованием. *«Несомненно нужно быть номиналистом, — утверждал он, — власть это не институт, не структура, это не какая-либо сила, которой некоторые наделены. Это имя, которым называют некую сложную стратегическую ситуацию в данном обществе»*²⁵.

Следует остановиться и на этом определении: указании (хотя и неясном) на власть в обществе, то есть на тип власти, присущий данному обществу, возможность ее общей характеристики. Такая мысль была бы слишком элементарна, если бы речь шла о том, что Фуко отвергает институты, структуры власти и т.п. (почему он это делает, другой, особый, вопрос), но когда он говорит о диффузной, развитой в обществе анонимной власти, эта мысль приобретает интерес при попытке выявить по возможности все ценное о власти, в частности, идею производственной функции власти. Если бы мы продолжили эту последнюю мысль, можно было бы говорить о производстве общества и общественных отношений как функции власти. Но дематериализованная, скрытая в обществе от своих собственных проявлений, власть в конце концов в концепции Фуко рискует стать неосязаемой. Тем не менее она присутствует в социальной и культурной ткани общества и не теряет свои универсальные существенные свойства.

²⁴ Greisch J. Op. cit. P. 188.

²⁵ Foucault M. Op. cit. P. 123.

Итак, по мысли Фуко:

1. Власть не «сущность», не «свойство», которое можно захватить или отнять.

2. Власть не принцип — «монолитический» или «иерархический», она оперирует на всех социальных уровнях. Иначе говоря, в вопросах власти нет борьбы за принципы и тем более за принципы централизованной власти, поскольку она не централизуется.

3. По этим причинам власть никогда не выделяется в чистом состоянии. Она имманентна всем общественным отношениям, любой социальный вопрос включает механизм, аспект, который может быть рассмотрен в терминах власти. Власть находится не над социальными отношениями, а внутри них и обеспечивает их непосредственно общественную функцию. Речь, по существу, идет о той самой реляционной функции власти, ее свойстве быть отношением и связывать людей, группы людей, классы, политические институты, которое обнаруживается при любом типе межличностных и социальных взаимодействий, во всех видах деятельности (в политической также), когда в этом отношении обнаруживается неизбежная асимметрия функций, позиций, ролей, самих типов деятельности (направлять и исполнять) между субъектами такого отношения, о котором уже говорилось выше. Фуко делает из этого факта предельные, но логические выводы.

Тем не менее вопрос, возможно ли выделение власти «в чистом виде» и зачем оно вообще, — вопрос не праздный. Фуко сам решает его по существу положительно, признавая возможность объективирования власти в ее функциях (не в материальных формах), выделяя в обществе «общий замысел» или стратегию власти, стратегическую ситуацию, хотя и избегает приписывать ее центральным институтам власти. В этом, как видно, и суть отрицания им власти в «чистом виде». Оно позволяет пересмотреть вопрос о ее социальном, историческом содержании, «выделять» ее нетрадиционные сущностные признаки, такие, как знание, язык — «чистые», т.е. отделенные от видимых субстанциональных носителей власти.

Важна мысль Фуко, которая, впрочем, принадлежит не ему, о функциональной служебной роли власти в обществе, обеспечивающей производство социального действия, в котором она растворена. Мысль эта нового не открывает, но крайне существенна для оценки позиции Фуко: власть и для него выступает

как фактор, порождающий, направляющий, обеспечивающий действие. Сама по себе она вполне естественна и проста и было бы странно, если бы Фуко не пришел так или иначе к представлению о власти как к управлению действием, на каком бы социальном уровне оно не совершалось. Он это и сделал, более того, сделал в подлинно философском смысле, подчеркивая растворенность власти в обществе, ее настолько неуловимое диффузное бытие, данное в негативных определениях «не сущность», «не свойство», «не принцип», «не нечто изолируемое», что она превращается в нечто неуловимое, неприметное самим субъектам действия, автономное. Поэтому, хотя отношения власти интенциональны, т.е. порождены возникновением намерений, желаний и их исполнением, они несубъективны. Рациональность власти, по Фуко, определяется ею самой, а не волей действующих субъектов. Некий расчет и стратегия власти, «знающей, чего она хочет», составляет эту рациональность, управляющую не только отношениями в обществе, но и языком, которым от имени анонимной и безгласной власти говорят люди, вступающие в общение. Идея автономности власти, ее диффузности (структурное качество) и способности к самовыражению (ее функциональное качество) это, по существу, идея самоорганизации, самоуправления и саморегулирования отношений, деятельности в обществе и в политике²⁶.

Фуко выступает (вольно или невольно) сторонником представлений о политике как об автономной сущности, так или иначе солидаризуясь с К.Шмиттом, Ж.Френдом и др. У этих последних, однако, все проще, все сущности названы, их перечень определен. У Фуко автономность политики представлена как автономность одного из ее сущностных проявлений – автономность власти. В то время как в других концепциях автономные политические сущности – политика и власть (к тому же рассматриваемые как целое) соположены с иными общественными явлениями («сущностями»), такими, как культура, рели-

²⁶ Идея самоорганизации, перехода вещества или процесса из хаотического в упорядоченное состояние оказалась, как известно, весьма плодотворной в естествознании и дала начало целому направлению в науке (см. работы И.Р.Пригожина, И.Стенгерс и др. исследователей). В политике неуправляемая самоорганизация имеет не меньшее значение, чем в природе: в коллективных и особенно массовых процессах (движения) и т.п.

гия и другие, Фуко ставит феномен власти над другими регулятивными общественными средствами социальной организации. Абсолютизация социальных функций власти одной ее особой «капиллярной» формы тем не менее не плод недоразумения. В идее автономности универсальной всепроникающей власти представление о всесии властных отношений. Оппозиция официальной централизованной и институциональной власти, распространенной в капиллярной системе общества, делает протест против власти («сопротивление» власти у Фуко) бессмысленным. Отсюда и отношение к власти как к «социальному злу». Оно весьма многозначно и включает и представление о непреодолимом всесии институциональных бюрократических аппаратов, и протест против реального социального зла, носителями которого они служат, и ощущение бессилия что-либо изменить в отношениях власти, особенно сильное в леворадикальной интеллектуальной среде. Отсюда и упреки в неперспективности фукианской концепции власти со стороны теоретиков более последовательных аналитических направлений как слева, из лагеря подчеркнуто социально ориентированных политических философов (таких, например, как Н.Пуланзас), так и из среды академической и «спокойной» апологетической философии политики и философов других ориентаций. Упреки эти порой формулируются весьма язвительно. Так, Ж.Греш считает уместным по поводу Фуко замечание Гегеля об анализе «дурной бесконечности». *Понятно, почему подобное исследование власти по необходимости открытое и не могущее быть завершенным предприятие; о нем можно было бы сказать вместе с Гегелем, что это анализ «дурной бесконечности»*²⁷.

Эта бесконечность подчеркивается включением в анализ власти языка и знания. Одни лишь их изменения делают исследование не имеющим завершения.

Есть и исследователи фукианского направления по разным причинам отменяют и усиливают специфику подхода Фуко, хотя иногда и стремятся от него оттолкнуться.

Во-первых, усиливается, по существу, идея универсализации власти. Бодрийар²⁸ развил концепцию всеобъемлющей диффузности власти, которую выразительно подытожил Ж.Греш:

²⁷ Greisch J. Op. cit. P. 189.

²⁸ Baudrillard J. Oublier Foucault. P., 1977.

«Власть, которая более не предстает в облике всеми почитаемого или ненавидимого диктатора, извлекает из своей нейтральности и рассеянности дополнительное могущество. Она менее уязвима, чем любая абсолютная власть и любой властелин, существовавший до нее»²⁹.

Бодрийар указывает на сходство идеи Фуко с телеономией, концепцией функциональных целей биолога Моно: власть у Фуко функционирует подобно генетическому коду. Такая функция власти вместе с ее анонимностью, безграничностью, непреодолимостью позволяет по-новому поставить вопрос о реакциях на нее вообще и о сопротивлении ей в особенности. Оно тоже рассеянно, не сконцентрировано и не воплощено в каком-либо институте, в чьей-либо фигуре. Поэтому, как считает сам Фуко, идея опрокинуть власть отпадает, она выглядит как утопия³⁰. Могущество и генетический механизм власти означают немислимость сопротивления ей. Имманентность власти обществу действительно снимает вопрос об их взаимном противостоянии.

Поэтому обычный анализ общественных отношений на всех уровнях должен быть дополнен анализом отношений власти. В самом деле, между людьми и группами возникают и передаются волевые импульсы одних участников отношений, побуждающие к действию других участников. Тем самым вся ткань общественных отношений действительно пронизана проявлениями власти.

Невольное и самое естественное побуждение аналитиков — сравнение этой диффузной власти с организованной властью институциональных центров. Первая автоматична, составляет органическую часть культуры, вечна и направляется такими же всепроникающими механизмами, нормами, правилами, как всеобъемлюща и сама эта диффузная власть. С ее неорганизованной, спонтанной, глубоко личной жизнью сопряжены и микропроцедуры ее приобретения, борьбы за нее, ее утверждения, обоснования, признания. Такая власть и образует сферу самоорганизации общества, его самоуправления, периферическую зону политической власти всех уровней, ее живую общественную ткань. Когда Фуко говорит о невозможности опрокинуть

²⁹ Greisch J. Op. cit. P. 188.

³⁰ Foucault M. Op. cit. P. 127.

власть, если он говорит о микровласти, он прав — это имманентное обществу явление нельзя отвергнуть, завоевать, произвольно сменить. В этом смысле верна и мысль Фуко о том, что общество в целом основано не на силовых отношениях, хотя в нем существует отношение власти и оппозиции ей и «очаги сопротивления»³¹, иначе говоря, то, что только отмечалось: отношение между субъектом и объектом власти на микроуровне, которое может быть отношением неповиновения.

Структура такой микровласти мобильна, но постоянна в отличие от макровласти политических режимов, центральной власти государства, политических систем, институциональных структур. Они сменяются, целенаправленно создаются и разрушаются революциями и реформами, процессами политического изменения и развития, отношения же микровласти остаются как некий универсальный механизм («диспозитив», по выражению Фуко).

Фуко находит в разнообразных по типу, целям, содержанию общественных связей отношения власти, нечто общее всем им, «общую силовую линию», «стратегическое поле» отношений власти³². Возникает вопрос: что же лежит в основе — власть или социальное действие, отношение? Для Фуко основа — это власть, она «целиком пронизывает социальное тело»³³ общества и образует его начало.

Всеобщность диффузной власти образует своего рода аналог центральности, реальной центральности, а не той, на которую претендует власть централизованных институтов, о подлинной рациональности, эффективности, легитимации о которой постоянно стоит вопрос в политике. Диффузная власть не нуждается в легитимации, объяснении и оправдании, рационализации. Ее закономерность обусловлена ее собственной природой и присущими ей механизмами. Социальность («социальное поле») образована, согласно Фуко, («История сексуальности») специальной технологией власти, социальной практикой через ее воздействие на тело и сознание человека. Это воздействие, собственно, и составляет «речь» власти, но не только и даже не столько ее коммуникативную функцию, то есть не в качестве речевой деятельности, служащей для выражения языка власти в

³¹ Foucault M. Op. cit.

³² Ibid. P. 124, 126.

³³ Ibid. P. 124.

традиционном понимании языковых функций, а в очень широком значении практики отправления власти — «дискурса», коммуникативного общения (практики, образующей поле различных модусов господства).

Предстоит еще понять исторический смысл фукианского толкования творимой таким образом социальности. Фуко оставил ряд высказываний, проясняющих этот смысл. Здесь мы отметили, что автономизация и абсолютизация власти и ее социальных функций позволили Фуко обособить эти функции от других средств формирования социальности, таких, как труд; не производящая и сохраняющая условия существования человека и социума жизнедеятельность формирует у Фуко общество, а именно эта технология власти.

Некоторые последователи Фуко увидели действенную антитезу марксизму в идее внушения дисциплины духа через дисциплинарную практику власти, господствующей над телом человека, доводящей господство до манипуляций телом как вещью. Одновременно развивается и другая идея, которую можно выделить из информационного аспекта концепций дискурса как дисциплинарной и еще шире — социальной и политической практики. Она также интерпретируется как противовес учению Маркса о принципе творения социальности.

Марксова концепция труда, отмечает в этой связи М.Постер, человека, воздействующего на вещи, годится для «промышленного капитализма», но рассеивается в передовых обществах конца XX в. Более «нельзя принимать в качестве базисной парадигму воздействия человека на вещи». Сама предпосылка труда революционизируется, так как фабричная система все более суживается и отходит на второй план. США стали первой сервисной экономикой в мировой истории. Более чем половина трудового населения занята теперь не в первичном секторе (сельское хозяйство), не во вторичном (промышленность), а в третичном (сервис). *«Это означает, что труд теперь принимает форму воздействия людей друг на друга или, что более существенно, людей, манипулирующих информацией, и информацией, воздействующих на людей. Манипуляция информацией имеет тенденцию характеризовать человеческую деятельность особенно очевидно в авангардных отраслях»*³⁴.

³⁴ Poster M. Foucault, marxism and history. Cambridge; Oxford, 1984. P. 53.

«Если развитый капитализм, — уточняет Постер, — становится информационным обществом, в дополнение к прежним конфигурациям трудового общества, трудовая концепция не может более служить необходимым принципом социальной теории. Государство не может быть теоретически осмыслено, исходя из взгляда на трудовую деятельность, на субъекта, воздействующего на материю, чтобы производить вещи. Новая логика призвана осмыслить социальное поле на иной основе. И, несомненно, одну из значительных черт, новых основ должно составить представление о ведущей роли информации в социальном пространстве. Я буду утверждать, что фукианские категории дискурса/практики начинают играть роль критериев этой новой постановки проблемы»³⁵. Получает таким образом и новое объяснение современная идея информационного общества.

«Когда дискурс понимается как ведущая черта социального поля, это подсказывает новую логику господства, такую, которая определяет черты субъект-объектных отношений, но следует скорее модели технологии власти. Исторический материализм в эпоху информационного капитализма находит истоки во власти, которая является результатом дискурса/практики. Иначе говоря, логика дискурса/практики находит обоснование в распространении информационной технологии»³⁶.

Таким образом, уже первое, самое общее и принципиальное решение вопроса о природе власти, политической власти прежде всего, сталкивает исследователей с противоречиями их собственного сознания и с проблемами, суть которых еще предстоит оценить, также как и их решение различными политическими философами.

Первая из этих проблем — действительный конкретный общественный смысл политической власти и ее места в обществе.

Объяснение политики

Исследования политического микромира, вся «микрофизика власти» позволяют сделать ряд важнейших общих выводов о

³⁵ Poster M. Op. cit. P. 55.

³⁶ Ibid. P. 54.

природе этого явления и продолжить его структурные и функциональные исследования. В XX в. были выравнены, наконец, исследования институциональной макрополитической власти, власти государства в особенности и власти «малых» политических взаимодействий коллективного политического действия и капиллярных импульсов власти, ее индивидуальных начал (что очень близко к идее «социального действия» Т.Парсонса — см. его «The structure of Social Actions»). Исследования в этой области позволили, в частности, синтезировать политико-философские и научно-политические знания с психологическими, поведенческими и прагматическими прикладными, эмпирическими ориентациями политического знания. Одним из результатов этого нового синтеза философии и науки стало новое восхождение политической мысли к значительным обобщениям, таким, как современное учение о политических режимах (в частности в работах теоретиков французской школы и их последователей), учение о структурности общества, его делении на приватные и публичные сферы (Ю.Хабермас), весьма важное для анализа функций власти, и мн. др. Участие лингвистов (Р.Барт и др.), литераторов (Э.Канетти, например), научных публицистов (Б.Рассел и мн. др.) позволило сформировать современный социальный облик власти, не уступающий по выразительности и превосходящий по научному содержанию попытку многих прошлых эпох создать о ней полное и истинное представление. Наконец, в рамках нового синтеза политического знания стало возможным более точное структурно-функциональное типологическое исследование власти, выделение нескольких ее уровней: микроуровня приватной зоны, макроуровня центральных государственных институтов и среднего (мезо-) уровня институциональных аппаратов высшей и местной власти, связывающего государство и общество, все уровни власти³⁷. И наконец, стало возможным говорить о четвертом, мегауровне власти государственных, общественных и частных субъектов на международном уровне в институциональных рамках международных организаций, помимо них как проявление политической воли государства, своего рода «государственного индивида», так и вне их, в деятельности неправительственных и неформальных организаций (Пагоужское движение, например).

³⁷ См.: *Кравченко И.И.* Средний (мезо-) — уровень власти. Власть: ИФАН, 1990.

XX в. стал эпохой новых крупных достижений политической мысли и нового движения вперед политико-философского знания. Мнение об «упадке» политической философии нашего времени – простое недоразумение. Один лишь краткий перечень исследований власти его опровергает. Посмотрим же теперь, что принесли исследования политики.

Исследования второй половины XX в. подвели итог развитию философского политического знания по крайней мере со времен Маккиавелли, движения от противоречий коллективности политического действия и индивидуальности власти – к слиянию этих двух начал и к представлению о власти как о целостном общественном начале, социальной сущности, объективной и имманентной обществу, а также объяснить ее отношение с политикой, как с такой же равнозначной ей сущностью. Попытки доказать первенство власти или ее исследование помимо политики – не более, чем дань философской моде или, что, конечно, гораздо серьезнее – реакция на абсолютное преобладание идеи политики и ее государственных функций (начиная с Аристотеля), господствовавшей две с половиной тысячи лет.

Ныне мы можем адекватно расставить акценты и определить приоритеты политических исследований и притти к некоторым выводам. Начнем с того, что политика и власть образуют двуединую общественную сущность. Их связывает круговая причинно-следственная зависимость, и они не существуют друг без друга. Власть – это средство и способ существования политики, однако и политика – это аргумент и средство существования власти. (Нет власти без политики, нет политики без власти).

Обращение современных исследователей к проблеме власти отнюдь не означает, что исчерпывающее истолкование политики уже состоялось. Разработан целый ряд ее содержательных определений – телеологическое и финалистское, включающее обозначение целенаправленности политики, субстанциональные, прямо раскрывающие эти цели, конкретные силы, которые их определяют и др. эссенциальные, т.е. содержательные (от лат. *essentia*, сущность), но и они еще дискуссионны.

В настоящее время можно выделить не менее четырех основных объяснений политики. 1. Как отношения, включающего согласие, подчинение, господство, конфликт и борьбу между классами (В.И. Ленин), группами и людьми (внутренняя политика) и государствами (внешняя политика). В основе такого понимания политики лежат представления об общении, связы-

вающем людей в обществе, об их взаимодействии, совместном решении общих дел, понимаемых как дела государства³⁸ (Аристотель), об отношениях к обществу власти, т.е. государства и конкретных властей, государств друг к другу (средневековая традиция, а также проблематика Возрождения и Нового времени), с акцентом на борьбе (в марксизме и у Ленина в частности, идущим от идеи классовой борьбы как движущего начала истории). Новое обоснование эта концепция политики получила в XX в. в теории конфликтной природы политики К.Шмитта и его последователей³⁹. 2. Логически вытекающее из первого понимания отождествление политики с другими политическими явлениями, такими, как господство, власть, а следовательно, и то же государство (о чем и шла речь выше), со средствами политики — то есть опять-таки с властью, языком и языковыми структурами, речью и символикой, насилием и т.п., с деятельностью, — управлением, организацией, контролем и пр.; со знанием, умением (Платон и современные технократические концепции); с жизнедеятельностью (у Аристотеля) — наиболее органическое представление о природном свойстве человека заниматься совместно с другими людьми их общими делами. 3. Объяснение через функции (функциональное истолкование) — управления, поддержания порядка, сохранения внутреннего и внешнего мира или, наоборот, ведение войны (у Клаузевица), контроль общества и человека и т.д. и т.п. Перечисление функций политики ради ее возможно более полного определения (или ее задач, тем более, что сама политика не может иметь их, поскольку решение политических задач опосредовано наличием действующих ради этого сил, например, власти, которая и решает их) не имеет ни конца, ни смысла, ибо бесконечно и может быть заменено одной емкой и лаконичной формулой. 4. Объяснение политики через ее цели (телеологическое), т.е. определение путем еще более бесконечного и малосодержательного перечисления, чем функциональное толкование, и к тому же очень близкое к нему.

³⁸ Откуда и идет античная традиция отождествлять учение о политике и о государстве, то есть предельно институциональное истолкование политики: удерживавшееся до конца XIX в., когда в 1896 г. появилась практически первая книга о политике, названной ее собственным именем (*Г.Москва* «Элементы политической науки»).

³⁹ Конфликтную теорию политики нам еще предстоит рассмотреть особо.

Этим определениям присущи многие их собственные и общие им всем недостатки: они не конечны и сами нуждаются в дальнейших определениях, особенно тождества, которые не столько определяют, сколько заменяют понятия — они часто неспецифичны как деятельность, средство, отношение, конфликт, борьба, решение задач, наличие функций и целей может быть определено любое другое смежное с политикой общественное явление — право, идеология, мораль, экономика и т.п. Все эти определения не просто и не только взаимосвязаны, но и пересекаются и иногда многократно, например, власть как бы тождественна политике и в то же время она и деятельность, и средство, и ее цель, и, наконец, функция и т.д. Отпадают, далее, самые слабые определения — через средства, цели. Все эти определения относятся к наиболее слабому их типу — определению через перечисление признаков. И, наконец, основное возражение против них — все они определяют одно неизвестное через другое — элементарная логическая ошибка (особенно тождества и отношения).

Решение проблемы предложил тот же Шмитт. Оно состоит в разделении самой политики на ее универсальную абстрактную сущность, ее принципиальное начало, что избавляет от частных, чересчур конкретных неполных определений и перечислений и позволяет выработать обобщенную емкую формулу, определяющую сущность политики, и отдельно собрать ее конкретные виды, формы и проявления («много разных политик» — внутренних, внешних, мирных, силовых и т.д. и т.п.), относительно которых возможны соответствующие частные определения, справедливые и по отношению к более общим трактовкам политики. Такой универсальной (в основе функциональной) формулой представляется определение политики как одной из основных организационных и регулятивно-контрольных систем общества, такой же, как экономика, право, идеология, мораль, культура, наука, религия, но с тем отличием от них, что она направляет и их функционирование и взаимодействие, универсальна в этом смысле, всепроникающая, (инклюзивна — от лат. *includere*, проникать), атрибутивна, способна сочетаться с любыми другими системами.

Развитие и дифференциация знания о политике связано с развитием исследующих ее дисциплин. В настоящее время политика — объект изучения всеми средствами политического исследования. Такому запросу может в самом общем виде соот-

ветствовать, по-видимому, описательное рабочее определение: целенаправленная, теоретическая и практическая деятельность в определенной сфере жизни общества, которая организуется и направляется соответствующей властью, определяющей средства и методы достижения целей этой деятельности.

Политика в собственном смысле слова образуется средствами власти политический процесс, служащий для реализации политических целей. Если речь идет об институциональном политическом процессе в масштабе общества, то ведущее политическое отношение в нем складывается между основным центром власти (ее институтами и органами) и обществом. Основным субъектом политического процесса — правящие силы (классы, группы) и образуемая ими политическая власть. Крупнейшие объекты политики, с которыми и между которыми осуществляются политические отношения, — общество, общественные классы и группы, политические институты.

Неинституциональная власть построена на тех же структурных основах. Субъект любой власти и ее формальный носитель (скажем, коллектив или ведущая часть коллектива, его продуктивное ядро и облеченный прерогативами власти руководитель) оперирует в структуре руководства-исполнения прямыми и обратными связями по отношению к остальной части данной общности (ср., например, структуру: министр — коллегия министерства — управляемая отрасль). Подобные структуры воспроизводятся с уменьшением масштабов и сокращением собственно политического содержания власти вплоть до микропроцессов. Как решается вопрос о пределах институциональности политики и власти и до каких границ может простираться феномен политики — одна из тем современной политической философии. Она и объективно представляет немалый интерес по ряду причин, из которых отметим здесь одну: все макрополитические процессы, в том числе и функционирование политики вплоть до ее высших инстанций, осуществляются в ткани микропроцессуальных взаимодействий и факторов. Отсюда и роль личных моментов и качеств и межличностных отношений во всех политических явлениях, и возможность распространить понятие политики и на минимальные, личные отношения, то, что можно назвать «микрополитикой».

Определение политики должно, таким образом, учитывать и ее самостоятельное значение, и ее инструментальную роль, и множественность ее типов и форм, и ее общественную универ-

сальность как средства организации отношений в обществе, то есть быть одновременно и очень общим, и многозначным, и содержательным сущностным общественным началом. Удовлетворительно решить столь сложную задачу еще никому не удалось, и не случайно исследователи чаще всего ограничиваются каким-либо одним видом познания этого феномена. Однако поиск ведется именно в универсалистском ключе и также не случайны развернутые экспериментально-теоретические исследования (типа работ Фуко), в которых политика, как и власть представлена как всеобъемлющее, универсальное явление, а своего рода генетический код общества (по выражению Бодрейера) функционирует как двуединое начало — политика/власть.

Понимание этого универсального общественного начала будет наиболее полным, если оно охватит таким образом три его уровня: 1) связывающий общество и государство в единую политическую систему, с соответствующим «централистским» определением); 2) охватывающий общество целостной капиллярной тканью (с микропроцессуальным определением политики/власти, их «микрофизики») и 3) автономные сущностные, самоорганизующиеся и макро- и микроуровни (с субстанциальным определением).

Возможны и опыты универсализации одного из этих подходов (и соответствующих определений политики/власти), но с необходимыми уточнениями. Определение политики как всеобщей организационной и регулятивно-контрольной системы общества охватывает *все* уровни и процессы, в том числе и капиллярный. Идея микровласти должна включать и микропроцессуальную политику и ее институциональную консолидацию в учреждениях власти (т.е. макрополитический уровень), хотя такой обратный ход мысли представляет несомненные трудности (как сбор большой суммы денег из мелкой монеты). Наконец, средний путь призван охватить все уровни одним принципиальным началом, которым может быть представление о политике как о специфическом едином социальном действии на всех общественных уровнях, вызванном свойствами самой политики, ее «природой». Но какой? На этот вопрос попытался ответить немецкий юрист К.Шмитт. Он предполагал решить сразу несколько задач: обнаружить специфическую социальную субстанцию политики, показать ее независимость от всех других систем (экономики и пр.) и дать ей непротиворечивое определение.

Одним из ответов на этот запрос стала концепция происхождения политики из конфликта, или, иначе говоря, конфликтная концепция политики. Сама по себе идея конфликта в политике не нова — вспомним ленинское определение политики как борьбы классов. Ее современный автор и есть тот самый К.Шмитт, разработавший концепцию универсальных альтернативных отношений в обществе: либо дружественных либо враждебных (по формуле «друг-враг»). Его последователь Френд подчеркивает: *«Всякое различие интересов... может в любой момент превратиться в соперничество или в конфликт, и этот конфликт, с того момента, когда он переходит в испытание сил между группами, которые представляют эти интересы, иначе говоря, с момента, когда конфликт превращается в борьбу сил, становится политическим»*⁴⁰. Иначе говоря, если в обществе существуют конфликты особой интенсивности, то это конфликты политические, и политика начинается вместе с борьбой в непримиримом конфликте. С этой точки зрения политика возникает из конфликта. Конфликт не только ее причина. Политика служит конфликту, он ее цель и ее следствие. Политика постоянна, потому что постоянны конфликты, и всегда существуют друзья и враги. В этом ее основа. Но определения политики у Шмитта в действительности нет. Нет и центральной для политической мысли Нового времени идеи освобождения политики от ее посвящения конфликту, который Шмитт считает ее сущностным предназначением. Однако главное для оценки концепции Шмитта — исключение из нее других общественных функций кроме конфликта, редукция политики к одной функции, тогда как политика многофункциональна. Столь же универсальны, как конфликтность организационная, контрольная, регулятивная, системообразующая функции политики, которые не охватываются концепцией Шмитта. То обстоятельство, что во всех моментах политической жизни человека и общества, во всех политических процессах обнаруживаются дружеские и враждебные отношения (а также и нейтральные), не исключает и иного функционального отношения: все оппозиции друга и врага разрешаются организационными, контрольными, регулятивными действиями политики, так что можно говорить об обязательном

⁴⁰ Freund J. Op. cit. P. 479.

возникновении этих функций как о сущностной специфике политики.

Ж.Френд еще четче определяет конфликтную природу политики: *«До тех пор, пока будет существовать политика, она будет разделять коллективность на друзей и врагов»*⁴¹. *«Чем больше какая-либо оппозиция развивается в направлении различия между другом и врагом, отмечает он, тем более она становится политической. Назначение государства состоит в устранении в сфере его компетенции разобщения членов или групп общества на друзей и врагов с целью мириться только с простым агонистическим (разрешимым) соперничеством или борьбой партий, и оставлять правительству право определять внешнего врага... Ясно тем самым, что оппозиция друг-враг фундаментальна в политическом отношении»*⁴².

Несмотря на претензию глобального определения феномена политики, определение Шмитта трактует ее в односторонней перспективе, хотя и важной, конфликта особого типа, который разделяет сферу политических действий. Другими словами, Шмитт и Френд согласны в следующих пунктах: (1) политике есть что делать с человеческой активностью, она сама — один из видов деятельности; (2) существуют разные типы конфликтов, особенно агонистические и антагонистические (примиримые и непримиримые), но политика занимается возникновением и развитием последних. Противопоставление политических сил наиболее интенсивно и экстремально из всех и всяких конкретных противостояний и тем более оно представляет собой политику, чем более приближается к крайней точке, а именно — группировке на основе отношения друг-враг.

Все иные различия, согласно логике подобного анализа, — экономические, этические, социальные, идеологические — превращаются в политические как только на любой почве возникает противоположность «друг-враг». *«Сказать о чем-то, что это политика, это значит сказать, что это «что-то» — полемично, — пишет Френд. — Такие понятия, как республика, класс, суверенность, абсолютизм, диктатура, нейтральность и мир непостижимы, если при этом не указаны их цели, против кого они направлены и кого они стремятся отвергнуть или опровергнуть. Словом, не борьба порожд-*

⁴¹ Freund J. Op. cit. P. 448.

⁴² Ibid. P. 445.

дает политику, а политика, напротив, несет в себе конфликт, который может в предельном случае породить войну»⁴³.

Идея политики, общественной сущности, несущей в себе конфликт и порождающей борьбу на какой-то политической или иной почве (экономической и др.) при сделанных выше оговорках правильна, поскольку политика действительно порождает или может порождать борьбу и возникать из борьбы, либо представлять собой конфликт и борьбу, иначе не было бы необходимости во внушении, подчинении, подавлении и т.п. Друг в этом случае тот, кто убежден или согласен без необходимости его убеждать. Враг — тот, кто противится и должен быть принуждаем, подчинен. Все это закономерно вытекает из существа политических и всяких иных общественных отношений. Но уловка автономности и первичности политики, ее суверенной сущности, ее независимого от общества действия в интересах общества и ради общества — это фикция универсалистской позиции, идеи давности, предназначенности политики обществу. Она представляет в парадоксальной форме отношения, которым определяются субъект и объект этого отношения, деятельности, управляющей действующими лицами. Логика политического отношения и политического действия, несомненно воздействует на соответствующие стороны, на определение ими своих ролей в политическом процессе. Но сама эта логика несет в себе несомненные противоречия. Она таит опасность превращения политики из общественной в надобщественную сущность с обязательной функцией порождать в обществе конфликт. И политика и ее логика в то же время имеют чувственную, человеческую природу (гоббсианский мотив, возрожденный в XX в.), и эта природа неизбежно конфликта, и потому политика и возникает из оппозиции сторон и предполитических факторов: их интересов, целей, ресурсов, возможностей и т.п. Не существует апо-

⁴³ *Freund J. Op. cit.* P. 446. Такой предельный случай — внешнеполитический конфликт и война между государствами, что само по себе неоспоримо. Конфликтная концепция политики весьма четко ориентирована на реальную внутреннюю и внешнюю (особенно у Шмитта) политику. Не случайно шмиттовская концепция возникла в Германии между двумя мировыми войнами. Обоснованы и нередкие обвинения Шмитта (ставшего в 30-е гг. «крон-юристом» Третьего рейха) в том, что он специально теоретизировал войну, хотя и относился к воцарившемуся в Германии режиму достаточно сложно и без особой симпатии.

рии политики и борьбы между врагами. Борьба возникает до политического действия как противоположность интересов, целей, методов, воли, идей и людей.

Антиномичное, основанное на оппозициях (командование-подчинение, друг-враг) истолкование власти и политики для Френда или Шмитта имеет определенный онтологический статус. Он позволяет, как, по-видимому, они полагают, построить непротиворечивую и менее всего уязвимую концепцию независимых априорно данных сущностей — власти и политики. Однако освободив политику от одних зависимостей (экономики и пр.), Шмитт и его последователи оставили ее в зависимости от общества и человека на грани между властью над обществом⁴⁴ и зависимостью от него, ее социальным генезисом.

Как для Аристотеля, К.Шмитта, так и для Ж.Френда «*политика есть сущность, или фундаментальная жизненная и постоянная категория существования человека в обществе в том смысле, что человек есть по своей природе общественное существо*»⁴⁵. Политика, значит, не производна от какого-либо более первичного феномена, и все сущности (о которых мы уже знаем — их шесть: политика, наука, экономика, искусство, этика, религия) равно первичны, не объяснимы, исходя из других, и должны рассматриваться сами по себе, и нет никакой ни логической, ни хронологической первичности, ни одного из этих начал жизни и деятельности, никакой субординации, и человек есть существо и религиозное, и экономическое и политическое в равной степени.

Френд все же не исключает возможность порождения одной сущностью другой, политической тоже.

Смысл политики поэтому можно постичь только в глобальном контексте человеческого существования, хотя политика ничем не выделяется среди других видов деятельности — экономической, художественной, нравственной и пр., но, добавим, — организует их отношения, и в этом ее подлинный общественный смысл.

Отсюда и характерное определение политики: «*Она есть социальная деятельность, которая имеет целью обеспечивать силой, обычно основанной на праве, внешнюю безопасность и внут-*

⁴⁴ Фуко обвиняли в «обожествлении» власти. Шмитт и Френд недалеко от «обожествления» политики.

⁴⁵ Freund J. Op. cit. P. 42.

ренное согласие отдельной политической единицы, гарантируя порядок в ходе борьбы, возникающей из различия и противостояния мнений и интересов»⁴⁶.

Френд не склонен связывать и власть с какими-либо иными общественными явлениями, даже, по сути, с политикой. Не политика, а собственное, только внутренне присущее власти отношение — командование — определяет ее, по Френду. Командованию власть обязана своим существованием. Ее присутствие в обществе априорно: «*Власть — это социальное средоточие командования, опирающегося на один или несколько слоев или классов общества*»⁴⁷. Не «классы и слои» опираются на власть, а власть — на них.

Френд определенным образом завершил на некотором этапе длительную эволюцию политической философии, крупнейшие представители которой многократно пытались вывести политику из других общественных начал. В истории политической философии известна длительная эпоха контрактивизма (концепции общественного договора), для которого политика и власть были производными от права, а не первичными явлениями, особенно в сочетании с идеей первичного по своей природе естественного права, порождающего публичное право, от него уже — государство. Правовых концепций власти и политики придерживались Гоббс и Локк, Спиноза, Руссо, Кант и многие другие. Известны попытки так или иначе связывать политику с моралью (Гегель, Джентиле и др.).

Но и им, как впоследствии и Фуко, не удалось открыть в политике (и во власти) собственной магии самопорождения. У нее оказалась внеполитическая генетика, о которой мы уже упоминали: человеческие отношения.

Утверждая независимость политики, Шмитт и Френд пытаются, тем не менее, обосновать ее особую функцию в обществе, обусловленную конфликтностью всех вообще человеческих отношений (если бы они говорили о конфликтности социальных, они в точности пришли бы к марксистской, точнее ленинской концепции политики). Конечно, их представление об особой

⁴⁶ Freund J. Op. cit. P. 177.

⁴⁷ Ibid. P. 247.

специфике политики, выделяющей ее из совокупности таких же общественных систем, глубже и значительнее темы самого конфликта. Но и они не замечают, что универсальность политики и ее особое место в обществе объясняются не превращением конфликта в любой системе отношений в политическое событие (то есть благодаря переходу из неполитической системы в политическую), а тем простым фактом, что в любой системе вырабатывается *своя собственная* (неполитическая) политика (например, научная, экономическая, культурная и т.д.). Поэтому и возникает всеобщий мир политики, как, впрочем, возникает и аналогичный мир культуры, права, знания и др. В каждой системе обнаруживается особое основание такой специфической политики. Этим основанием они избрали общение людей, в котором формируется отношение между двумя различными субъектами (или субъектом и объектом этого отношения), чтобы придать ему смысл предельно общего, универсального начала политики (идушего от той же концепции «друг-враг»), или «политического» (*das Politische*), не очень привычного для русского языка термина, но естественного для западных языков, в которых прилагательное с помощью артикля легко превращается в существительное, подобно русскому абстрактному понятию «прекрасное». Можно было бы предположить, что это «политическое» и станет обозначением всеобщего политического начала, обобщением всех типов политики и всех ее конкретных форм (внутренняя, финансовая, аграрная, семейная и т.п.). Но для Шмитта — это высшее выражение именно политической политики, и эту же идею поддержал Френд.

«Политическое» для Шмитта не столь абстрактно, как можно было бы предположить. Именно с анализом этого центрального и универсального понятия Шмитт связывает понимание государства. Более того, всеобщее политическое начало обретает, по мысли Шмитта, и специфический конкретный смысл, когда оно функционирует в реальной социальной и идеологической среде, в частности на почве либерализма, который он считает ответственным за общественные конфликты (особая позиция Шмитта-государственника и традиционалиста). Другими словами, политическое исторично, по крайней мере, то политическое, о котором говорит сам Шмитт: оно сопричастно государству Нового времени и либерализму, ведущему начало от Гоббса. Шмитт ограничивает, таким образом, политическое

и по содержанию, и по времени, хотя и считает политическое абсолютным началом политики, ее принципом⁴⁸.

Представление о связи политики с внутренними и внешними конфликтами вполне естественно, оно существовало всегда, как мы уже знаем, однако оно сочеталось с представлениями о ее конструктивных функциях – государственного правления, занятия граждан их общими делами у Аристотеля, («Политика»), Цицерона («О республике»), у Платона («Республика»), откуда пошло и первое название государства – «республика», то есть «общее дело» (от лат. *res*, дело, вещь, и *publica* – общая, прилагательное, согласованное с женским родом слова *res*)⁴⁹. Современное наименование государства (в том числе и русское «государство»), возникшее лишь в XVII веке, также имело конструктивную основу – идею порядка и внутреннего мира⁵⁰.

Очевидно, что универсальная конструктивность политики не исключала и универсальности оппозиции друга и врага, двух типов отношений – дружеских и враждебных, которые присущи совместной жизни и деятельности людей. В период формирования европейского государства Нового времени, начавшегося еще в XIII веке и сопровождавшегося бесконечными феодальными, религиозными, династическими, межгосударственными

⁴⁸ Как считает и Ж.Френд, рафинированный и самостоятельный интерпретатор Шмитта (пi.: *Freund J.* Op. cit. P. 25, 36, 37 è ad.). Френд относит политическое к общеисторическим универсальным началам. Это несомненно более верное и глубокое понимание сущности политики//см.: *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen mit einer Rede über des Zeitalter der Neutralisierung und Entpolitisierung. München; Leipzig, 1932 (далее цитируется это издание).

⁴⁹ Подобное конструктивное по своей семантике и синонимичное «политике» наименование государства сохранилось вплоть до XVI в. Этим именем обычно называли государство еще в XVI и в XVII вв. (*Т. Смитт* «О республике», 1583 г., *Ж. Боден* «Шесть книг о республике», 1576 г. и др.), когда собственно республиканского правления в Европе не было и в помине.

⁵⁰ Связанное с переходом от природного состояния, то есть состояния неорганизованного, раздираемого необузданными страстями, взаимной враждой, неограниченной свободой людей причинять друг другу зло (*status naturalis*) к цивилизованному, в котором власть устанавливает внутренний мир (*status civilis*). Отсюда и понимание государства как такого конструктивного организованного состояния (*status*) в европейских языках: итал. *stato*, франц. *Etat*, англ. *state*, нем. *Staat* и др.

конфликтами и войнами конфликтная концепция политики приобрела большой вес. Для Н.Макиавелли («Государь», 1513 г.) репрессивная функция власти, а следовательно, и политики была неизбежным и несомненным фактом, тем социальным злом, которое также было и остается фактом. Всеобщая война всех против всех очевидна и для Т.Гоббса, исследовавшего политику через сто с лишним лет после Макиавелли («О гражданине», 1642 г., «Левиафан», 1651 г.) и создавшего первую развитую концепцию преодоления вражды, разрыва дихотомии друга и врага в политике и преодоления природной дикости человека. Но у Гоббса «политическое напряжение» постоянно сохраняется и после преодоления неорганизованного «естественного состояния» страха смерти, хотя теперь уже порожденного, неповиновением власти суверену. Так что идеи Шмитта были давно и хорошо подготовлены.

У Гоббса вражда и война всех против всех всеобща и инвариантна и в то же время индивидуальны, как зависть и ненависть Яго или необузданность Отелло — людей в их естественном, ничем не скованном состоянии. Универсальность страха или инстинкта самосохранения не имеют для Гоббса коллективных форм. Коллективным стало в гражданском обществе Гоббса отношение власти и подданных и общее всем состояние мира (*status civilis*), оно становилось бесстрастным и разумным.

Не то у Шмитта. Отношения дружбы и вражды для него прежде всего коллективны. «Друг» и «враг» — это «публичные» категории: *«совокупность людей, которая борется, по крайней мере, в потенции, т.е. в соответствии с реальной возможностью, и которым противостоит другая подобная группировка»*⁵¹. Оппозиция их приобретает скорее идеологический характер сходства или различия взглядов, установок, которые к тому же не первичны (как это и присуще идеологии), а порождены всеобщими коллективными проявлениями природы человека и ее более глубокими основаниями — экономическими, культурными, моральными, социальными и эмоциональными.

Мысль о возможности выделить некое универсальное начало политики, позволяющее определить ее как специфическую общественную сущность, избегая конкретных перечислений и описаний ее функций, целей, средств, получила признание.

⁵¹ Schmitt C. Op. cit. S. 16.

Одновременно в последние десятилетия велись поиски и неконфликтных обоснований этой универсальной сущности. Поиски этой сущности продолжаются. Она-то и составляет «политическое», предельно глубокий смысл, начало политики и предмет философии. Но что это все-таки такое, это начало? Последние годы предпринимаются попытки наполнить это понятие определенным и притом наиболее значительным, но и конкретным содержанием — экономическим, например, и др.⁵². Это смысл человека (у Платона, Гоббса, Руссо), смысл власти (у тех же и ряда других политических мыслителей), греческого «архэ», понятия, которое не случайно наделено двойным значением — власти и начала.

В истории познания смысла политики, ее высшей сущности были и неосознанные попытки перенести его в космос, в сверхприродные сферы, открыть его в Провидении, в боге. За ним последовало стремление ограничить его, свести к человеку или к механизмам, принципам политики (что мы уже видели у Шмитта) и Власти — командованию. Отсюда возникло и понятие «отступления политического»⁵³, т.е. его конкретизация, наделение осязаемым содержанием. Этой проблеме посвящена большая коллективная работа ряда авторов, которая так и называется — «Отступление политического» и ряд других трудов.

Одновременно сложность проблемы высшего смысла политики породила и сомнение в возможности его уловить. «*Политическое это то, что ускользает от захвата*, — рассуждением в его высшей, абсолютной и конечной попытке», — полагает Ф.Секретан⁵⁴. В то же время укреплялось и представление о необходимости уйти от конкретного содержания политики, от факта, чтобы понять, что ее определяет, что есть политическое — «главное условие политической философии»⁵⁵. Обнаружить сокровенное «политическое» — это и есть цель «столкновения двух профессий — философии и политики»⁵⁶.

Два конструктивных критерия сущности политики выделил из совокупной политической мысли известный итальянский

⁵² *Connaissance du politique* / Gerard Duprat, éd. P.: PUF, 1990. 296 p.

⁵³ *Le retrait du politique*. P., 1983. См. также: *Connaissance du politique*. P., 1990.

⁵⁴ *Secretan Ph. Autorite, Pouvoir, personne, Principes de la philosophie politique*. P., 1963. P. 227.

⁵⁵ *Kambouchner D. De la condition generale de la philosophie politique // Le retrait du politique*. P. 113.

⁵⁶ *Ricoeur P. Preface // Secretan Ph. Op. cit. P. IX.*

исследователь политики Н.Боббио: социальный и этический⁵⁷. Действительно, классическая традиция трактовала политику как сферу, охватывающую все, что относится к жизни античного полиса и включает все виды социальных отношений, так что «политическое» совпадает с «социальным». Эта традиция затем была распространена на государство и все социальные отношения в нем, которые отождествлялись и с политическими отношениями. Отсюда и отождествление политики с государством, аристотелевское и платоновское по происхождению и настолько устойчивое, что своего высшего выражения оно достигло лишь в начале XIX в. в гегелевской тотальной культурно-исторической и политико-правовой концепции государства⁵⁸. Отсюда и классовые трактовки сущности политики, марксистская в частности, определяющая политику как устройство государственной власти⁵⁹, «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства»⁶⁰, связанной с классовыми интересами и отношениями. Все эти более современные, но по-прежнему государственные и к тому же классовые трактовки, несомненно, редуктивны. Они ограничивают и понимание социального, и социальных функций политики. Как уже отмечалось, эта устойчивая редуктивная традиция сводит политику к деятельности, которая прямо или косвенно связана с организацией принуждающей власти, что означает сужение рамок политического по отношению к социальному, и отвергает их полное совпадение. Такая редукция имеет вполне определенное историческое основание, потому что неоднородна и сама социальная основа политики. С одной стороны, христианство изначально отторгло от политической сферы область религиозной жизни, породив противопоставление духовной власти — власти мирской, что не было известно древнему миру. С другой стороны, появление буржуазной рыночной экономики отняло у политики область экономических отношений, дав начало противоположности гражданского общества — политическому, приватной или буржуазной сферы — публичной, или сфере гражданина, противоположности, которая также не

⁵⁷ Bobbio N. *Politica* // Dizionario di politica. P. 728-737.

⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 239.

⁵⁹ Там же. Т. 33. С. 340.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 360.

была известна древним. В то время как классическая политическая философия занималась исследованием структуры полиса и его различных исторических и идеальных форм, постклассическая политическая философия и наука заняты постоянным поиском различий между политическим («Царство Цезаря») и неполитическим («царство бога» или «маммоны»), постоянным размышлением о том, что отличает сферу политики от сферы не-политики, государство от не-государства⁶¹, где неполитическое и негосударственное переходит в сферу политики и в чем вообще состоит социальность политики, переход от природного, естественного, биологического (вместе с подсознанием, инстинктами, пристрастиями, мифами, предрассудками) к подлинно социальному — настоящий камень преткновения для всей политической мысли прошлого и нашего времени. Такова вечная проблема, с особой остротой сформулированная Гоббсом как отличие естественного-натурального, природного, непринужденного, а следовательно, неупорядоченного, то есть неполитического, от общественного, подчиненного законам общества, и государственного, подчиненного власти, то есть политического (напомним, что создание гражданского общества под эгидой государства означает для Гоббса появление политики).

Переход от естественного-природного, то есть от одного или единого начала, к общественному или политическому сразу обнаруживает в обществе много разных социальных начал или их сочетания: гражданское общество, политическое, религиозное и т.п., то есть сочетания в одном обществе многих «обществ», существующих или совмещенных. Более поздние эпохи добавили к ним культурное, образованное, развитое, активное, аграрное, промышленное, индустриальное, постиндустриальное, урбанизированное, одно- или многонациональное, милитарное, милитаризованное, миролюбивое, застойное, развивающееся, здоровое, больное, бедное, богатое и пр. виды общества, не говоря уже о его формационных характеристиках: рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и пр. Очевидно, что (1) многие такие характеристики сочетаются, но не все; (2) эти сочетания типологически группируются по совместимости характеристик; (3) в итоге возникают классификации, деления

⁶¹ Ж.Френд посвятил этой проблеме специальную работу, которая так и называется «Политическое и неполитическое» (*Freund J. Politique et impolitique*. P., 1987).

признаков на постоянные характеристики или независимые переменные и временные, зависимые; (4) постоянно политическое общество (=государство), все остальные историчны и изменчивы, если не преходящи; (5) есть обязательные сочетания признаков, например, гражданское – политическое – цивилизованное – развитое – промышленное (а в наше время и постиндустриальное) – урбанизированное – культурное – образованное – активное – информационное – богатое – правовое – миролюбивое и демократическое общество.

Соответственно может изменяться и истолкование социальной основы центрального политического начала, если связать его с той или иной, пусть даже ведущей, характеристикой социальности. Отсюда поиски и иной, позитивной, не конфликтной природы политики или сочетания разных ее начал. Не оставляются и попытки найти и единое такое начало в том же чувственном человеческом материале политики, которое уже было открыто, как мы видели, но сублимировать, возвысить его от телесного до разумного и нравственного, включая ее этическое обоснование.

Понимание политики как этики, точнее, этическое истолкование сущности политики, ее начала имеет несомненное основание, но оно связано с еще большими трудностями, чем отождествление социальных и политических начал. Прежде всего этическое обоснование политики вынуждает разделить этику и мораль. Их разделение обосновано, неизбежно и необходимо, но требует объяснения. Одно из них – невозможность моральных обоснований политики, диапазон отношений которых весьма широк – от очень сложных и противоречивых до их полного несовпадения. Другое состоит в весьма тонких, но принципиальных различиях между этикой и моралью, которые близки друг к другу, но также могут полностью расходиться. Это обстоятельство также нуждается в некоторых пояснениях.

Прежде всего, этика не образует равнозначного морали всеобщего общественного организационно-контрольного механизма, подобно другим аналогичным системам (экономике, праву, идеологии и др.) и входит в сферу морали, в которой выделяется как особая область, не совпадающая с областью нравственности. Этика и нравственность, моральность в политике различаются как намеренье, установки, определяющие содержание политики, ее цели и задачи, с одной стороны, и как нравственный смысл этих установок, их моральный модус, облик полити-

ческого лица, института власти и т.п. В этом ряду (этика-политика-мораль) этика и мораль различным образом расположены по отношению к политике. Этика непосредственно и органично слита с политикой как одно из ее определяющих начал, она присуща политике, находится как бы внутри нее и даже предшествует ей как ее установка, замысел. Мораль же вне политики, за пределами ее пространства, она лишь может вступать в него и составлять одну из его характеристик⁶². По той же причине «протестантская этика» М.Вебера – прежде всего этос свершения, идеология труда, если так можно выразиться, и уже потом – идея его моральности, которая, конечно, присуща этической установке созидания.

Неоднородна и сама этическая основа политики, подобно и ее социальному началу, как мы только что видели. Этические начала политики и власти, определяющие их цели, смысл и формы политического действия, содержание политических идей, концепций и теорий может состоять в стремлении совершить то или иное действие (интенциональная этика), либо в сознании и реализации того или иного долга (этика долженствования), либо определения и обоснования какой-либо нормы (нормативная этика), границы или предела власти и т.д. Такова, например, политика, направленная на стимулирование общественного развития, вдохновленная намерением преобразовать, перестроить экономику (этика индустриализации, например), пафосом свершения, прогресса, волей созидания – лишь немногие из бесчисленных образцов интенциональной политической этики; ее конкретные формы особенно многообразны. Возможна и этика первоначального накопления, и этика труда, этика планирования и т.п. Этика долженствования может выражаться в сознании ответственности, служения, примирения, ненасилия и мн. др. Нормативна этика, определяющая границы должного поведения, утверждающего политические ценности (свободы, права, равенства и т.д.). Эти и им подобные виды этики формулируются,

⁶² Разделением этики и морали, которое может показаться слишком радикальным, анализ проблемы совсем не исчерпывается. Классики моральной философии шли еще дальше и различали мораль (моральность) и нравственность. У Канта их различие явственно обозначено (см.: *Кант И.* Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 360, 134), у Гегеля же оно вполне определено (см.: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 153, 156, 179 и др.).

как можно заметить, в соответствии с содержательной основой политической цели, ориентированной на решение каких-либо общественно значимых политических задач. В рамках подобной этической канвы возможны индивидуальные и коллективные (массовые, групповые, классовые и др.) проявления политической этики, варьирующиеся в зависимости от ее носителей: этика индивидуализма, альтруистская или эгоистическая этика, «протестантская» этика М.Вебера (этика труда и свершения времен протестантской реформы), «этика современного правосудия» и т.д.

Нельзя не заметить, что нравственная оценка той или иной этической формулы может быть непосредственно включена в нее («альтруистская этика развитой личности современного гражданского общества»), либо может подразумеваться: «этика индустриального развития», по всей видимости, нравственно ориентирована положительно. Однако признание подобной ориентации далеко не всегда столь очевидно. Та же политика индустриализации, осуществленная за счет лишений (индустриализация времени промышленной революции), сопровождающаяся репрессиями, бедствиями и разорением аграрной зоны экономики (эпоха индустриализации 30-50-х гг. в СССР), дискредитируется нравственно и сама по себе и вместе с одушевляющей ее этикой. При этом, однако, этическая ориентация такой политики может длительное время оставаться безупречной в сознании современников и девальвироваться лишь впоследствии в результате некоего нравственного прозрения и вместе с девальвацией и в самом деле результатов пересмотренной политики.

Политическая этика интеллектуальна и эмоциональна и нередко самым драматическим и противоречивым образом формирует практическую жизнь самой политики: искатели правды, пророки, создатели политических проектов вступают в нее наряду с политиками, лидерами, вождями с двойственной, а нередко и отрицательной репутацией, которые и обретают харизматические черты властителей дум и политических кумиров. Индивидуальная харизматическая этика сродни групповой этике убеждения, аргументирующей какой-либо политической или иной необходимостью. Содержание же этой необходимости весьма неоднозначно и может вызывать дискуссии и даже конфликты, а значит неоднозначна и ее этическая аргументация, не говоря уже о ее моральной оценке.

Этический аргумент, один из самых сильных в процедуре легитимации, — объяснения и оправдания политики и власти, но он всегда нуждается в проверке, в том числе и в нравственной оценке. Однако нравственные достоинства этической аргументации еще более спорны, чем сама эта аргументация. В политике существует, например, класс ее этических обоснований, ориентированных, казалось бы, безупречными нравственными началами. Такова, в частности, этика ответственности (политической) индивидуальная и групповая: сознание ответственности, не подчиненной никакой внешней необходимости, но которая сама становится необходимостью для человека и коллектива. Этика должностования получает в этике ответственности наиболее полное воплощение. Но даже эта этика может оказаться сомнительной, если не полностью негативной, когда ответственность означает безупречное исполнение нравственно порочной политики, а сознание долга не включает его содержательных оценок (гражданских, социальных, моральных).

Моральное обоснование политики, несмотря на его связь с этическими ориентациями, вообще не может служить сколь-нибудь общим ее основанием, при всей очевидности самих моральных ценностей. Мораль и политика, как мы видели, совмещаются непременно, неизбежно, но противоречиво, нередко лишь в виде переоценок уже свершившихся политических событий, либо не совмещаются вовсе.

Сущность политического может быть объяснена и его экономической основой, представлением о политике как продукте экономики, концентрированном выражении экономики, сформулированное Лениным, а также с помощью марксовской схемы базисных и надстроечных отношений между экономикой и политикой. Идея экономического фундамента общества (и производного от него характера политики) была осознана и сформулирована очень поздно, в XIX в. Ведущее экономическое начало вошло в систему традиционных дихотомий: тело-душа, плоть-кровь, материализм-идеализм, бытие-сознание, экономика-политика и т.д.

Простых решений поиск экономической природы сущностной основы политики, при всей значительности и правоте этой идеи, однако, не дал, зато породил, как известно, затяжную и во многом схоластическую дискуссию на эту тему⁶³ и также, в частности, вопросы: что есть базис и что — надстройка и где граница между ними, если государство — основной политический институт — непосредственно включено и в политические и в экономи-

⁶³ Особенно активно проходившую у нас в 50-60-е годы.

ческие отношения: если политика производна от экономики и не имеет других оснований, то их отношения несимметричны, и политика лишена какой-либо, хотя бы относительной, автономии, то почему политика вообще может иметь инструментальные и притом универсальные организационно-контрольные функции и к тому же направлять и сами экономические отношения? Если экономический базис жизнедеятельности определяет политику как «надстройку», то концентрированным выражением экономики является не только политика, но и все другие организационные системы общества — и право, и идеология, и наука, и культура, и наука и религия; почему вместе с тем все эти общественные системы, их состояние, уровень их развития и направление этого развития определяют экономику, ее состояние, эффективность и перспективы, политика же способна при определенных условиях (в эпохи исторических кризисов, в тоталитарных обществах, при определении приоритетов промышленного производства и т.п.) полностью детерминировать экономическую жизнь общества. Иными словами, между надстроечными системами и экономикой, между нею и политикой нет взаимодействия и идентичности сущностных начал, есть лишь одностороннее воздействие базиса и некоторые «обратные влияния» (связи) надстройки по типу другой схемы: содержания и формы, то есть ответных реакций.

В основе экономического обоснования сущности политики, несомненно, кроется ее достаточно узкое понимание как отношения и борьбы классов и экономических интересов этих классов — движущей силы политики. Но такие отношения выходят за рамки сущностных основ политики в сферу ее конкретных функций, которые она осуществляет и по отношению к другим формам организации совместной жизни людей — правовой, идеологической, научной и пр. Но взаимодействие и связи — не то же, что сущностные отношения⁶⁴. Есть, правда, и

⁶⁴ Проблемы взаимодействия систем политики и экономики, политики и идеологии, политики и права, политики и культуры и т.д. — это особые темы политического исследования и здесь они затрагиваются лишь отчасти. Отметим только несколько общих принципов их взаимодействия. 1. Все отмеченные здесь системы универсальны и инклюзивны (от лат. *includere*, проникать), то есть способны проникать друг в друга, и атрибутивны, могут сочетаться (политическая идеология, правовая культура и т.п.); 2. Все они экспансивны, реализуют эти свойства достаточно активно, а некоторые агрессивно (политика, идеология, экономика); 3. Для этих последних существуют пределы допустимого проникновения, за которыми начинается разрушение жертвы агрессии: гиперполитизация экономики (ее милитаризация, например), сверхидеологизация политики, культуры и т.п.; 4. Существуют пределы проникновения и таких систем, как культура, мораль, наука, но их расширение не вредно, а, напротив, желательно и необходимо, в том числе и в сферу политики.

иное решение проблемы: возможность обнаружить множественную сущность политического — и экономическую, и идеологическую (весьма близкую, кстати сказать, к этической), и этическую, и культурную, и иную. Иначе говоря, политическое начало оказывается тогда сложным, структурным, и его структура открыта. В нее, в частности, может войти и знание (наука) как сущностная основа политического начала общества. Остановимся вкратце на этой связи.

Политика не просто нуждается в знании, она сама есть знание, умение, мастерство: умение улавливать настроение, понимать людей, союзников и противников, бороться, лавировать, хитрить и т.д. Высшее выражение политического знания подлинно научно, это знание мирового исторического опыта общественного развития и законов политического процесса, владение теорией реальных и возможных политических ситуаций, техникой научно организованной власти и политической жизни общества и т.д. Политик, далее, познает и самого себя в этом смысле, и самосознание — сущность политического, исходное начало политики. Политика и власть — это знание своих возможностей не в меньшей мере, чем знание способов управлять и руководить.

В политике соединяются, таким образом, знание, идущее извне, от науки, философии, исторического опыта, приносимое потоком разнообразной информации, более строгое, связанное с внешним окружением политики, и знание, заложенное в самом политическом мышлении, в личном и в коллективном, групповом опыте. Оно сродни искусству, инстинктивно или интуитивно, в нем много неточного, оно эмоционально, глубоко связано с мировоззрением, идеологией, культурой политики и власти и всякого участника политической жизни общества.

Решение проблемы политического начала, по-видимому, — часть более общей проблемы общественных начал, соответствующих функционирующим в обществе процессам и системам: исторического, социального, экономического, идеологического, культурного и др.

Поэтому отождествлять разные начала и сущности с политическими значит, по существу, лишь открывать различные стороны их взаимодействий. Политическое же — это обобщение, представление об инструментальном общественном начале, общественной сущности, в которой концентрируются функции политики и которая проявляется в совокупности конкретных «политик». Такое представление о политике и выражено в ее оп-

ределении как организационной и регулятивно-контрольной системе общества, координирующей функционирование других аналогичных общественных систем. Мегавласть («самая большая власть») известна в истории «от начала века», но в политической литературе она фигурирует в самом разном облике и по сути дела не представлена как некий тип или уровень власти. Между тем мегавласть – это естественное продолжение макро-власти, центральной власти государства за его пределы для осуществления внешней политики с тем, однако, отличием, что мегавласть имеет историю (от древней, архаической формы) и будущее, к которому она эволюционирует, трансформируясь из власти отдельного государства осуществлять внешнюю политику во власть союзов государств, государственных блоков, интегрированных регионов, во власть международных организаций и наднациональных учреждений (типа международного суда) и наконец политики великих держав и сверхдержав, претендующих не просто на «защиту национальных интересов», но и на интересы в рамках отдельных территорий мира.

Отношения власти такого масштаба специфичны: в отличие от макро- и мезовласти она не социальна в том смысле, в каком социальны «внутренние власти» – мегавласть и мегаполитика не формируют общество и государство (империя – особый и весьма спорный в этом смысле вариант политического развития); она не связана с микровластью и микрополитикой, то есть не имеет непосредственных социальных связей в соответствующих странах; с их приватной сферой. Мегавласть одного государства или их блока только коллективна, ее субъекты и объекты – это государства или организации. Средства принуждения, которыми они располагают, к счастью, не носят воспитательного характера (в форме заключения под стражу), но могут быть карательными (санкциями разного рода и вооруженным насилием, идеологическим или экономическим давлением и т.п.).

Функционирование мегавласти означает выход соответствующего функционального пространства (политического, идеологического, экономического и пр.) за пределы национальной территории. Это не новое явление (ср. религиозное пространство мировых религий; культурное пространство всевозможных искусств), но в решающих областях – политике, экономике, науке этот процесс развивается как никогда бурно. В области мегавласти происходят и существенные содержательные изменения.

Мегавласть заметно интернационализируется, и этот процесс связан с интернационализацией общения, обмена деятельностью (международным разделением труда и его кооперацией), интернационализацией современной цивилизации с ее техникой, условиями и формами жизни и культуры. Важным стимулом мегавласти стала потребность в коллективных усилиях для осуществления сложных и дорогостоящих технических и научных проектов и разрешения планетарных проблем и кризисов и локальных конфликтов. Для ответа на эти запросы эпохи требуется новая интернациональная дисциплина и осознание общности глобальных интересов всеми членами мирового сообщества: в планетарном масштабе воспроизводится гоббсианская проблема — перехода от «войны всех против всех» к созданию своего рода всемирного гражданского общества, согласно отдалиться под власть международных организаций, созданных самим сообществом.

Процесс этот порождает ряд конкретных, характерных для него проблем: необходимость принуждения и отсутствие достаточно сильной и компетентной мегаполитической инстанции, способной его осуществлять (например, эффективно устанавливать и охранять мировой порядок и перестраивать его). Отсюда потребность в дальнейшей институционализации мегавласти⁶⁵. Возникает новое отношение к государственному суверенитету⁶⁶, приоритет международного права ограничивает набор так называемых «внутренних дел» государства. Соответственно изменяются и представления о мировых масштабах свободы, равенства (равноправии членов сообщества при их фактическом неравенстве и мн. др.).

Таким образом, познание сущности политики (политики/власти) и ее централистский статус, государственный, метапроцессуальный уровень, и ткань капиллярных микропроцессов, и связующий их, так сказать, артериальный уровень публичной

⁶⁵ Возникшие перед войной и особенно популярные в первые десятилетия после нее движения «федералистов мира» (намек на движение американских федералистов конца XVIII в.), мондиалистов (от франц. *le monde* — мир) и энтузиастов создания Мирового правительства отзывались на потребности развития мегавласти, но явно опережали свое время и поддержки не получили.

⁶⁶ В его подлинном смысле неограниченного господства над подвластной территорией.

зоны и мезоуровень власти и, наконец, мегауровень экстрагосударственных интернациональных политических процессов во всех их идеальных и предметных, материализованных формах.

Но и это еще далеко не все необходимое для познания истины политики. Политическая наука и, по существу, политическая философия заняты исследованием действительных, рациональных форм, принципов, проявлений политики и власти. Это оправдано, поскольку политика, пользуясь философским жаргоном, «целенаправлена», задача власти — получить желаемый результат в установленные сроки и в намеченном месте. Но опыт политической жизни практически любого общества, любой эпохи свидетельствует, что практически задача эта почти никогда не выполняется так, как она была задумана, либо не выполняется вовсе, и политика функционирует в субнормальном режиме, в сложном смещении рационального и иррационального и представляет собой вероятностный процесс, диссипативный (распадающийся) со всевозможными независимыми переменными — непредвиденными и случайными событиями.

Суть проблемы в существовании пределов рациональности (подобные пределам постижения истины и связанные с ними). Неполная рациональность политики оставляет место иррациональным моментам политического сознания и действия и порождает превращенные формы политики, и при этом попытки продолжать процесс рационализации, но теперь уже рационализации иррационального. Таким образом и возникает характерная ситуация неполной рациональности: из нее образуется специфическая политическая утопия, которая нередко принимает рациональные формы, что затрудняет, а порой и делает невозможным ее распознавание.

Политика функционирует в мире вероятностных процессов, и возникновение пограничных ситуаций на грани иррационального для нее не только возможно, но и характерно. Отсюда и непрестанные политические дискуссии, спорность посылок и выводов, борьба мнений, партий, лидеров и непредсказуемость результатов.

Поистине неразличимые в пограничных ситуациях переходы из одного рационального состояния в другое иррациональное и порождают бесконечные проблемы политического выбора, принятия решений, споры о том, кто прав, а кто виноват, даже принципиальную дискуссионность политики вообще, равно как и деятельности власти. Отсюда и бесчисленные заблуж-

дения, иллюзии, обманутые ожидания, разочарования в политике и в политиках и, конечно, вольное или невольное распространение политической демагогии.

Поэтому исследование политики не может ограничиваться только ее действительными формами, не обращаясь к формам превращенным, к политической утопии и мифологии, к анализу иррационального политического сознания и поведения. Отметим, кстати, что распространенный предрассудок – представление об изобилии исследований всевозможных утопий – это не более, чем недоразумение. В действительности речь идет об анализе классической *социальной* утопии и ее современных разновидностей. О собственно *политической* утопии, о специфической технике власти и политической тактике, которые связаны с нею, практически нет никакой литературы⁶⁷. Поэтому есть смысл остановиться на некоторых ее особенностях, объясняющих политику и характеризующих среду, в которой возникают иррациональные превращенные формы политики. Кроме уже известных нам трех уровней политики и власти, в порождении утопии участвует еще одна, массовая общественная среда.

Опыт Шмитта и его последователей, обходящий созидательные, теоретические, управляющие функции политики, так же как концепция микровласти, претендующая исчерпать все ее содержание, так же как и попытки свести смысл политики к деятельности государства свидетельствуют, что никакая редукция столь сложных начал, какой бы серьезной она ни была, не может объяснить их подлинную сущность. К тому же, научное и философское познание политики и власти открывает новые пути этому познанию.

Одним из них стало исследование ассоциированной жизни общества, его самоорганизации в средней зоне, промежуточной между микро- и макрополитическими зонами, там, где оперирует власть учреждений среднего (мезо-) уровня. Она, как об этом уже говорилось, и получила наименование публичной сфе-

⁶⁷ См.: *Кравченко И.И.* Политика, наука и утопия // Драма обновления. М., Прогресс, 1990. С. 305-329; *Алексеева Т.А., Кравченко И.И.* Политическая философия: к формированию концепции // Вопросы философии, 1994. № 3. С. 3-22; *Кравченко И.И.* Рациональное и иррациональное в политике // Вопросы философии, 1996. № 5. С. 3-18.

ры, которая сопоставлена с приватной, личной или частной жизнью индивида⁶⁸. В этой зоне формируется коллективная политическая жизнь, политическая форма социального действия⁶⁹: формирование коллективности из индивидуальных волей. В публичной зоне образуются партии, группировки, движения, общественные союзы. Они институционализируются, связывают микро- и макроуровни власти и, что особенно важно, приватную сферу жизни гражданина со всеми уровнями политической жизни и имеют выход за пределы страны в сферу аналогичных иностранных и международных учреждений и ассоциаций. В публичной зоне формируется, таким образом, особая, коллективная форма власти, способной существенно влиять на политику, осуществлять особенно важное для судеб демократического процесса собственное политическое действие.

Как же возникает политическая утопия, способная увлечь и власти и значительные массы людей, целые институты, если не все общество? Исследование такой специфической утопии не сводится к анализу политических ошибок, иллюзий и заблуждений – это материал для публицистики и конкретной политологии. Обнаружить возникающую или уже возникшую утопию можно и достаточно квалифицированной политической наукой, но подлинное понимание ее причин, истоков, функций – задача политической философии. Дело в том, что распознавание, объяснение причин утопических ситуаций и поиски выходов из них доступно лишь сознанию, способному к критической самооценке, развитому самопониманию без самообольщения, предрасудков и самообмана.

Философия рефлексивна (в отличие от науки), в этом ее смысл и сущность. Высшая и завершающая операция соединения философии и политики, как выразился П.Рикер в предисловии к уже упоминавшейся книге Секретана, – «синергетика разума и политики» (то есть совмещение энергетики этих двух начал), политическая этика и рациональность истины, иначе говоря, соединение рационального замысла и рационального исполнения политического проекта в его действительных, а не

⁶⁸ *Habermas J. Espace public. P.: Payot, 1978. 324 p.*

⁶⁹ В духе «социального действия» Т.Парсонса (см.: *The Structure of Social Action*).

превращенных формах и его отношении к истине. Двойная рефлексивная оценка политики в сознании общества и самих ее творцов, а затем — в философском осмыслении политики и общественной реакции на нее и позволяет понять, возникла ли утопия. Дело в том, что политическая утопия, в отличие от утопии социальной, возникает не как реализация заранее составленного плана (теории лучшего общества, например), а непроизвольно, как результат неудачно задуманного проекта или верного, но плохо исполненного замысла, в форме необоснованных надежд и иллюзорных ожиданий, расчетов на его возможный успех. Не сами по себе ошибки в политике, а ошибки нераспознанные или скрытые от общества и от самой власти (ее самообман) порождают утопии в политике. Лишь в некоторых случаях политический процесс может быть задуман как заведомо утопический проект (тогда политическая утопия формально сближается с социальной). Это случается, когда перед обществом (вообще любым коллективом или индивидом) сознательно ставится завышенная побуждающая задача, выдвигается максималистический, идеальный проект, рассчитанный на идеологическую, социальную мобилизацию общества. Не исключены и авантюры, волонтаристские решения и просто политические нелепости. Но и в этих случаях утопия возникает, если и такие виды политических заблуждений остаются заблуждениями.

Распознанием такого рода утопических иллюзий может и должна заниматься политическая общественность, но их исследование — одна из деонтологических (этических) функций политической философии⁷⁰. Выполняя ее, политическая философия и становится той «логократией разума» (добавим «политического разума»), о которой писал П.Рикер в упоминавшейся работе.

Этот рефлексивный процесс, объясняющий превращение рационального процесса в иррациональный, это тот именно процесс, который прежде всего и главным образом отличает философию от науки. О различиях политической науки и политической философии написано и сказано много верного, но почему-то все аналиты обходят то обстоятельство, что самое глубокое исследование становится подлинно философским, когда

⁷⁰ См.: *Алексеева Т.А., Кравченко И.И.* Политическая философия: к формированию концепции // *Вопросы философии.* М., 1994. № 3.

в поисках истины действительные формы отделяются от превращенных.

Итак, рациональное и иррациональное — два неразрывно связанные начала политики, и это ее свойство должно быть обозначено в ее определении. Однако такого рода взаимосвязь — не релевантный, определяющий признак политики, ибо она присуща и всем другим общественным системам, как и возникновение превращенных форм (экономические абсурды всеобщего планирования, правовые аномалии — презумпция виновности, например, ложные идеологии, культурные предрассудки, псевдонаучные теории, аморальные поступки, наконец, дискусионность самой религии — выбор конфессии, например и т.д.). Поскольку, все же, такой признак существует, и он должен содержаться в определении.

Не специфично и приводившееся ранее определение политики как организационной и регулятивно-контрольной системы, поскольку таковы функции и всех других систем. Остаются специфические функции политики, которые действительно отличают ее. Таковы: выявление задач общества и отдельных общественных групп; определение общих правил и условий социального поведения; создание общего политического языка; распределение функций и ролей элементов общественной организации; формирование совокупного социального целого страны и народа; охрана внутреннего мира и национальных интересов; предупреждение и устранение внутренних и внешних конфликтов; регулирование деятельности в некоторых неполитических сферах (экономической, научной, правовой и идеологической) и отношений между ними; ориентация и организация процессов общественного развития; законодательская деятельность; административное управление страной; осуществление социальных, политических, военных и др. мобилизаций; определение типа государственности и многое другое. Разумеется, все эти специфические функции не могут быть указаны в определении политики (в определении, как уже говорилось не должно быть перечислений), но зато они вполне резюмируются в понятиях *политического процесса* и *политической жизни общества*.

Определение политики и власти должно, таким образом, либо сопровождаться дополнительными указаниями на ее специфические качества, которые им подразумеваются, либо прямо содержать указание на них в самом определении. Такое оп-

ределение будет более точным и содержательным, хотя и окажется более пространным.

Аналогичным должно быть и определение власти. Оно может быть совмещено с определением политики в одном более полном и емком определении. Итак, определение политики может быть следующим: «политика — одна из основных формирующих общество организационных и регулятивно-контрольных систем теоретической и предметно-практической деятельности со структурой действительных и превращенных форм, рациональных и иррациональных идей, действий и отношений, определяющихся вероятностным характером политического процесса и политической жизни общества».

Таким же может быть определение *политической* власти. «Власть — равнозначная политике общественная сущность, средство организации общества, его контроля и управления им, способ существования политики, присущий всем видам общественных отношений, во всех действительных и превращенных формах, рациональных и иррациональных проявлениях, которые присущи ее функционированию в обществе».

Аналогичным может быть и самое полное, совместное определение политики и власти: «Политика-власть — двуединое общественное начало одной из основных организационных и регулятивно-контрольных, формирующих общество систем, со структурой из действительных и превращенных форм, рациональных и иррациональных действий и отношений, присущих вероятностному характеру социально-политического процесса».

Разделение политики и власти в обществе

Так как власть также с необходимостью связана с определением неполитических общественных процессов, то следует признать вероятность и другой гипотезы, а именно существования ряда разнородных, взаимосвязанных и взаимообусловленных «властей», образующих общую систему, состоящую из особенных собственных систем власти в каждой сфере деятельности и обладающих некими общими признаками. Это открытая система, в которой один вид власти или функции одной власти переходят в другие виды и функции, что, по-видимому, и составляет

ее основное системообразующее свойство. Значение его в современных условиях непрерывно возрастает и объясняется это возможностью либо эффективного преобразования одного общественного процесса в другой, либо его участия в смежном процессе.

Аналогичные результаты дает осуществление власти в любом процессе с общественным окружением, на которое этот процесс направлен. Известно, например, что политическая и иная общественная среда способна серьезно влиять на политические решения и действия властей. Общественный опыт истории не нуждается в этом отношении в комментариях. Нас, однако, интересует взаимосвязь проявлений власти и поэтому мы остановимся на одном сравнительно недавнем и характерном примере. Речь идет о событиях ноября-декабря 1986 г. во Франции, где происходило в то время массовое движение учащихся против правительственной реформы образования. Решение принадлежало политической власти, но формально не имело политического содержания. Однако такое содержание, несомненно, было налицо: социальные права учащихся предполагалось урезать. Массовый протест учащихся формально также не носил политического характера: они требовали снятия проекта с обсуждения и, следовательно, отмены намеченных административных мероприятий. Единственным политическим лозунгом студентов было требование отставки министра высшего образования Девакэ. События вылились тем не менее в крупнейшее после 1968 г. массовое политическое движение протеста в борьбе за демократические права, прямые столкновения с органами насилия. Правительство вынуждено было принять решение, чисто политическое на этот раз: изъять проект реформы и уволить в отставку скомпрометированного министра. Не обладая никакой формальной властью, движение протеста выступило как неформальный институт, обладающий властью организовывать массы и влиять на государственную политику.

Слияние политической и неполитической власти, во-первых, возникновение и развитие политических функций в сфере неполитической власти, во-вторых, и, в-третьих, переход власти одного вида в другой (политической — в экономическую и т.п. и обратно — экономической или административной и иной другой — в политическую) — все это объективная основа философского анализа власти и политики в очень широких пределах. Не случайны, как вполне понятно, такие синкретические понятия,

как военно-политическая стратегия, политико-экономическая стратегия (в области, например, зарубежных инвестиций, деятельности ТНК, перераспределения ресурсов и т.п.), социально-политическая линия, научная политика, культурная политика, национальная политика т.д. и т.п.

С развитием общества, по-видимому, возрастает возможность развития первичных и вторичных функций политики и власти, возможность их смены и взаимных переходов. Политическая власть, определяющая экономическую, военно-промышленную и оборонную, административную, либо культурную деятельность, переходит в эти специфические сферы, осуществляя соответствующие их специфике функции. Вместе со своей основной функцией неполитические виды власти решают свои политические задачи и могут включаться в деятельность собственно политической власти вплоть до влияния на нее. Это нормальное для общественных процессов явление может быть и ненормальным в случае разделения властей между явными и официальными силами и скрытыми или тайными, о чем нередко также говорят зарубежные исследователи.

Вторичные и слитные функции могут становиться первенствующими. Это хорошо известное явление любой сферы общественной жизни, вплоть до обыденной. Оно отражено в языке и в истории в понятиях теократии – власти жрецов или церкви, плутократии – власти «денежного мешка», и, конечно, бюрократии – власти администраторов. К ним теперь присоединены понятия меритократии, власть высшего слоя наиболее достойных представителей «нового класса» (ученых, специалистов, управляющих), предложенный американскими теоретиками (Д.Беллом и др.), геронтократия – власть старцев, правителей преклонного возраста и производства, комплексное понятие технбюрократии, новообразование – «партократия» и т.п. Термины эти иногда наделены негативным смысловым оттенком, но обозначают на деле функции и власти исключительного политического и общественного значения, занятые организацией и регулированием жизни общества.

Все это, впрочем, еще достаточно внешние проявления разделения и специализации политического труда, кооперации различных его видов, их взаимодействия и взаимного контроля. Известна и самая значительная форма разделенных и взаимосвязанных процессов политики и власти: сочетание относительно независимых законодательных, исполнительных и судебных

властей, учение о разделении властей, разработанное первоначально как политико-философский проект⁷¹. Он давно превратился в хорошо разработанную теорию, хотя еще рано говорить о том, что она разрешила все ее проблемы, особенно те из них, что связаны с политической практикой: возможность расширения трехчленной структуры, включения в нее новой информационной власти, а также специфических видов власти — партийной, корпоративной, технократической (власти промышленного директората, военно-промышленного и академического комплексов и т.д.). Остается проблемой соотношение прерогатив и функций различных властей и возможность еще одной, арбитражной, власти главы государства — монарха, президента или коллектива (партии, олигархии, плебисцитарной власти народа, власти пресловутых «правлящих сил» и т.п.), которая контролирует и координирует работу трех основных властей.

Политической мысли известно множество других делений политики и власти: отцовская (родительская), тираническая, монархическая, государственная, гражданская и т.д. и т.п. Их исследование давно вышло за пределы политико-философского знания, не утратив, естественно, иной, научной актуальности. Философской проблемой остался сам принцип разделения власти как способ или форма ее существования в обществе, так же как и политики. Полнее всего он раскрывается в анализе власти как отношения между ее субъектами разных рангов — первого (или активного), от которого исходит волевой импульс (командование, распоряжение, принятие решения), и второго (или пас-

⁷¹ Оно имеет свою в целом хорошо известную историю, о которой здесь мы можем лишь вкратце напомнить: первая значительная концепция разделения властей принадлежит Дж.Локку, уже предложившего три ее вида: законодательную, исполнительную и федеративную, ведающую внешней политикой, (см.: *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Кн. 2 // Соч. Т. 3.). Затем эта идея была усовершенствована Ш.Л.Монтескье, который придал ей современную трактовку: деление на законодательную, исполнительную и судебную власти (см.: *Монтескье Ш.Л.* О духе законов // Избр. произв. М., 1956.). Идею федеративности он развил в другом направлении: разделение централизованной власти унитарного государства между центром и периферийными, относительно автономными частями страны, объединенными федеративными отношениями.

сивного), воспринимающего этот импульс, исполняющего и превращающегося в носителя власти, ее властного импульса. В простейшем отношении двух субъектов второй из них, исполняющий волю, замыкает отношение и оно принимает субъект-объектную структуру. Но и тогда власть разделяется между сторонами отношения. В более сложных, т.е. в большинстве политических и неполитических отношений второй субъект сам выступает в активной функции, передает импульс власти следующему субъекту и т.д. Власть продолжает разделяться, и ее импульс может угасать по мере движения к непосредственному исполнителю. Власть, таким образом, не только разделяется, но и отделяется от одного субъекта и передается другому. Отсюда возможен и вывод о процессе передачи власти как о принципе ее функционирования. Отсюда и целый комплекс теоретических и практических проблем представительства, делегирования власти, передачи власти, прав и прерогатив, суверенности, функций, отношений участников этого процесса, реальности власти и политического участия, прямых и обратных связей между субъектами всех этих отношений. Само же функционирование власти, ее разделение и передача предстают как центральный политический процесс, во всяком случае в рамках политической организации общества.

Разделение политики и власти сочетается с противоположным по направлению процессом их концентрации и централизации, который также определяет функционирование политики. Он имеет историческое измерение и сталкивается с другим, противоположным, разделяющим власть и политику процессом их децентрализации и деконцентрации и при этом не только на институциональном уровне: все виды власти так или иначе концентрируются и разделяются. Тем не менее центральной остается проблема институциональных форм власти и политики. В их истории неизменно происходила централизация власти государства, нараставшая на протяжении каждой специфической эпохи образования древних деспотических империй; при переходе от античных республиканских режимов к монархическим и имперским в Греции и Риме; в движении от феодальной вольницы европейского Средневековья к абсолютизму и к самодержавию в России. Новым этапом централизации и усиления власти стала в Европе эпоха, наступившая после периода буржуазных революций, который завершился созданием новых колониальных империй и империалистическими войнами, затем — гигантским

подъемом науки и производства, для чего потребовалась столь же гигантская концентрация власти, но в новой, более динамичной форме демократизированного политического процесса, с властью, распределенной между государством, бизнесом и культурой.

Второй противоположный по направлению процесс обусловлен саморазвитием макро- и микроструктур власти, своеобразным защитным процессом. Он так же разворачивается в истории, хотя и столь же постоянно вытесняется первым, более сильным, как его антагонистом: властью господства силы и насилия. В современную эпоху децентрализация приобретает особое значение – она более ощутимо и бесконфликтно взаимодействует с функцией концентрации, как другая сторона общего процесса реализации политики и общественных функций власти. Возможно, мы становимся свидетелями рождения более органичного взаимодействия ранее исключавших друг друга и взаимно противоположных принципов функционирования политики.

Усиление центральной власти имеет свои пределы и обычно завершается ее кризисом, нередко в сочетании с социальным, национальным кризисом общества. Кризис власти – это, по видимому, периодически наступающая фаза ее истории в ту или иную конкретную эпоху, элемент общественного и политического развития.

Современный кризис советского общества – это, несомненно, и кризис власти, в частности и в особенности – кризис централизма и концентрации, настолько чрезмерной, что ее функционирование далеко выходит за пределы любого рационализма.

В истории подобные кризисы возникали в конце определенных эпох, отрезков процесса развития и разрешались усилением децентрализации, появлением ее новых форм. Ранний феодализм с вольницей и раздробленностью, независимостью дворянства (в рамках отношений сюзерена и вассала, с относительно свободным крестьянством, остатками родовой военной демократии и т.п.) сменил, как известно, гораздо более жесткие, хотя и распадавшиеся структуры власти рабовладельческого общества. Раннебуржуазное общество, заложившее основы современной демократии, сменило абсолютизм в его различных формах и начало с разрушения жестких структур централизма, но затем по общему правилу воссоздало их, хотя и в иных структурах.

Концентрация власти и ее деконцентрация связаны, как видно, с цивилизационными процессами созидания и разрушения: ростом экономической мощи, концентрацией насилия и

одновременным развитием гуманистических начал общественной жизни. Так, в истории Европы XIX-XX вв. вооруженная борьба нарастала, приобрела невиданный размах и новые индустриальные формы, малые «кабинетные» или «королевские» войны XVIII в. сменились мировыми, тотальными войнами XX в. с перспективой переродиться в глобальную («абсолютную») термоядерную войну. Кульминация насилия в середине нашего столетия стала одним из аспектов предельно концентрированной политики и власти. Не случаен поэтому и их кризис. Недаром Германия пришла к современному демократическому режиму через гигантский исторический кризис безгранично концентрированной тоталитарной и феодальной по типу власти и абсолютистской имперской политики.

Общее направление политического развития ведет к постепенному усилению децентрализаторских тенденций уже и в рамках современного капитализма. Децентрализация и деконцентрация власти (не только политической, но и экономической, идеологической и другой) связана с ее демократизацией. Демократизация и эффективность власти и, следовательно, всех политических и неполитических процессов в обществе неразделимы.

Процесс гуманизации общества развивался, как это ни парадоксально, параллельно противоположному и более сильному до недавнего времени нарастанию власти силы. Не исключено, что более гармоничному сочетанию двух начал — управления и самоуправления, централизованных форм власти — будет во все большей мере отвечать гуманистически и демократически ориентированная политика. Иной выход из кризиса или способ предотвратить его повторения в современных условиях вряд ли возможен. Демократизация же власти во всем объеме отношений, служит ее распределению между центром и политической периферией, так же, как и в других сферах, в экономическом, социальном управлении, в культуре и науке. Повышение общей социальной эффективности власти и политики на всех ее уровнях и во всех ее структурах достигается именно таким путем, мобилизацией политических ресурсов общества.

Современная демократия не случайно складывается в эпоху массовых процессов производства и потребления духовных и материальных благ — процессов, не допускающих ни чрезмерной концентрации власти, ни ее неограниченной децентрализации. Им отвечают массовые процессы в политике, демократизирующие ее, приближающие нас к высокому пониманию по-

литики как свободного участия свободных граждан в делах общества, разработанного еще Аристотелем. Демократическая политическая система позволяет органически сочетать функции центральных институтов с механизмами самоуправления. Взаимодействие управления и самоуправления, регулирующих и контролирующих и контрольных функций на макро- и микроуровнях обеспечивает полноценное функционирование власти и развитие общества. В таком сочетании сил состоит и смысл перестройки социально-политического процесса в нашей стране. От того, насколько гармоничным оно будет и как скоро его удастся организовать, зависят и успех реформы и выход из политического кризиса. Децентрализация политических, экономических, культурных структур всех масштабов — от общереспубликанского до местного — способна только разгрузить центральные институты власти, не ослабить их, а укрепить. Необходимость такого преобразования была давно (хотя и по-своему) осознана в развитых капиталистических странах, где в послевоенный период, связанный с началом научно-технической революции и подготовкой перехода от индустриального общества к постиндустриальному, стал формироваться новый, динамичный тип политического развития с подвижными структурами власти. Сравнительно быстро централизованные структуры индустриальной огосударственной экономики, государственный сектор крупной промышленности стали уступать место децентрализованному (европейская приватизация 80-х гг.) структурам.

Разделение, дифференциация политики и власти, техника их передачи — развивающийся исторический процесс, составная часть более общего процесса общественного развития и одна из основ постепенно нарастающего в новоевропейской цивилизации демократического процесса с динамичной системой сложных взаимодействий центра с автономной периферией, политического участия (включения в политику все более значительной части общества), развивающейся технологией власти, регулирования конфликтов, постепенной гуманизацией политики и другими атрибутами современной демократии. Изучение взаимосвязей политического и социального процессов в этом направлении — одна из важных тем политических исследований на протяжении по меньшей мере трехсот лет. Они охватывают и такие сложные проблемы, как эволюция конституционализма, об-

шественного договора⁷², отношений гражданского и политического обществ⁷³ и многие другие классические, но вечно актуальные предметы политического знания.

Разделение власти, теоретической и практической политической деятельности между институтами, аппаратами государства, различными уровнями труда и воспроизводства общественных отношений – особая тема политического исследования, главным образом в его научной сфере. Есть, однако, и еще одна вечная проблема познания политики, исследованием которой занята и политико-философская мысль, – существование явной и тайной, скрытой власти и такой же политики, не только разделяющих власть, но и соперничающих из-за нее. Для философа это проблема действительных и превращенных (если не извращенных) форм политики и власти. Это также проблема доступа общества к процедурам власти, ее «видимости» – чрезвычайно важным критерии демократической политической системы, поскольку демократия – это правление видимой власти, которая осуществляется публично. Между тем власть (как и политика) имеет свои освещенные, видимые и невидимые, теневые стороны и формы⁷⁴.

⁷² Одной из форм разделения власти, напомним, первый вариант которой разработал еще Т.Гоббс в середине XVII в.: разделение власти между государством и народом и передачи государственной власти прерогативы устанавливать внутренний мир в стране и права осуществлять с этой целью законное насилие (см. его работы «О гражданине», 1642 г. и «Левиафан» 1651 г.). Перестроенная затем теория разделения власти в форме известной концепции общественного договора Ж.-Ж.Руссо стала основой конституционной практики – фундаментальной основы политической жизни общества Нового и новейшего времени.

⁷³ То есть разделения суверенных прав определять политический процесс обществом и классом профессионально занятых политикой общественных групп, образующих политические институты государства.

⁷⁴ Проблеме скрытых, неявных форм власти посвящается большая литература самых разных видов – от философской до научной и публицистической (особенно разросшейся в связи с анализом советского периода отечественной истории). Это исследование политических элит (в частности, известная книга Р.Миллса «Властвующая элита»), многие работы непереуведенных авторов: *Leidh D. The forteress of secrecy: Closed government in Britain. Frederic (Mid), 1982; Consuming secrecy: How official secrecy affects everyday life in Britain / Ed by R. Delbridge. L., 1982 и мн. др.*

Власть в обществе может быть разделена на явную и скрытую двояким образом: внутри ее легальных аппаратов (учреждений и органов), в партиях, политических ассоциациях или не-политических институтах, способных влиять на политические события (промышленного директората, творческих союзах, клубах влиятельных членов общества и т.п.) и между этими легальными инстанциями власти и полуполегалными («группами давления», общественными движениями, лоббистскими организациями), скрытыми, тайными, либо противоправными (коррупцированными членами и группами внутри официальных властей, мафиозными группировками). В первой категории неизбежна «тайна власти» — не подлежащие оглашению документы и сведения, невысказанные намерения, скрытый смысл политических документов. Однако скрытая политика может превратиться в ее основное (скрытое от общества) содержание: «криптоправление»⁷⁵, двойную политику — реальную и преобразованную риторикой и демагогией, в ложный образ действительно политики. Подобное раздвоение власти обычно оказывается губительным для нее. Более устойчивы сочетания легальных и полуполегалных структур, сохраняющиеся в той или иной степени и в демократически организованном обществе.

В соответствии с критерием видимости Боббио предлагает различать три вида власти: эмерджентную или публичную власть видимого правления; «полускрытую» или полу-погруженную, то есть власть теневого субправления, и власть скрытую («погруженную») или тайную, невидимую, которую он и именует «криптоправлением»⁷⁶.

Под «субправлением» имеется в виду обширнейшее общественное пространство, захваченное общественными учреждениями или группами интересов, через которые проходит значительная часть экономической политики или управления экономикой. Это пространство, как отмечают и Боббио и другие исследователи, безмерно расширилось за последние десятилетия. Однако экономика — лишь основа еще более широкого распространения субправления на общество.

⁷⁵ От греч.-лат. *crypta*, *крипта* — подземный, скрытый.

⁷⁶ К криптоправлению можно отнести также широко известный феномен лоббизма в США, деятельность так называемых групп давления, существенно влияющих на внутреннюю и внешнюю политику правительства и его учреждений.

Деятельность субправления, как указывает Н.Боббио, тесно связана с политикой правительства любого «видимого» правления. Однако эта связь двойственна. Она осуществляется правящим персоналом учреждений, назначенных самим правительством, но также и посредством латентных, тайных операций, связывающих правительство с партиями, силовыми структурами, военно-промышленным, аграрным комплексами, корпорациями и банками и т.д., в частности, обеспечивающими их финансирование и иными превращенными формами публичной власти.

Субправление само по себе устойчивее правления видимого. «Правительства сменяются, субправление остается», — пишет Боббио. Этим обеспечивается сравнительная устойчивость политической системы. *«Субправление никогда не знает кризисов, правительственные кризисы даже делают это правление более строгим. Субправление образует стабильную, постоянную структуру власти с менее подверженным переменам персоналом, менее подконтрольным и также менее поддающимся контролю, особенно со стороны общественного мнения, от которого оно укрывается очень просто».* Субправление обеспечивает преемственность власти. *«Катастрофическая несостоятельность правительственных органов, — подчеркивает Боббио, — не ослабляет, а даже укрепляет, делает более требовательной и угрожающей постоянно консолидирующуюся систему скрытой власти»*⁷⁷.

Демократическому идеалу видимого правления противоположны также различные формы автократии⁷⁸. Автократическое правление ускользает от общественного контроля двумя способами: засекречивая себя, то есть принимая решения в тайне и засекречивая сами эти решения, а также и принимающие и исполняющие их учреждения, прибегая тем самым к симуляции или лжи, которые рассматриваются как нормальное орудие правления, характерное для «теневой» власти.

Невидимая власть — «криптоправление» может принимать три формы.

1. Власть, направленная в полной тайне против государства: неявная, но реальная власть преступных организаций, мафии, заговорщических, политических сект (террористических, например).

⁷⁷ Bobbio N. Le ideologie e il potere in crisi: pluralismo, democrazia e socialismo, comunismo. Firenze, 1981. P. 185, 186.

⁷⁸ Букв.: «самовластие», правлению без свидетелей, контроля и участия общества.

2. Власть секретных ассоциаций, имеющих целью не борьбу против государства, правительства, его учреждений, а противоправное использование официальных властей в своих интересах (незаконных извлечений прибыли и т.п.).

3. «Невидимая» власть, учрежденная самим государством в форме секретных служб, *«перерождение которых, — указывает Боббио, — может дать жизнь подлинному тайному правлению»*⁷⁹.

В результате общегосударственное правление может быть децентрализовано, лишено центра, или точнее, центр его может сместиться в область аппаратов и корпораций полувидимой или невидимой власти.

Философия, которая «отвечает за смысл», то есть за разум и разумное, как говорит П.Рикер⁸⁰, вынуждена вместе с наукой обращаться с этой целью и к иррациональному политическому подполью, чтобы обнаружить и его смысл. Разгадка тайной, скрытой власти, всех ее скрытых форм, заставляющих ставить вопрос «кто правит?» или «какова подлинная цель власти?» особенно сложна, но в то же время особенно важна и всегда актуальна. По сути дела политическое знание всегда и занималось выяснением этой «тайны власти», практическая же политика — тем более, особенно в критических ситуациях двоевластия и пресловутого «паралича власти», когда официальная власть государства и его аппарата — не одно и то же или все эти инстанции уступают реальную власть оппозиционным партиям, движениям или же тайным и противоправным группировкам.

Политическая мысль, познающая тайны иррациональных превращенных форм власти и способы их рационализации (такие, например, как «отмывание» репутации коррумпированных чиновников или героев мафии), открывает и пути их устранения. Криптоправление подавляет только последовательный демократический процесс, для которого любые формы субправления чрезвычайно опасны и потому требуют тщательного изучения.

Рассматривая тайны политики и власти, нельзя не обратить внимания на проблему политической преступности. Это не деятельность тайных противоправных группировок или противоправные акции легальных организаций. Речь идет о логике насилия, борьбы за власть неправовыми средствами, логике и пси-

⁷⁹ Bobbio N. Op. cit. P. 187.

⁸⁰ Ricoeur P. Preface // *Secreten Ph.* Op. cit. P. IX.

хологии террора, политических репрессий. Это логика безостановочно движущегося конвейера: одно преступление влечет за собой другое и серию последующих, подобно тому, как не могла остановиться и удержаться от очередного убийства леди Макбет, постоянно устранявшая руками короля очередного соперника, опасного свидетеля, союзника, который может стать врагом. Перевороты, мятежи, покушения, убийства, «устранения» — весь этот арсенал политической преступности был в ходу в восточной и европейской политике на протяжении сотен и тысяч лет и поныне он не исчерпан. Достаточно вспомнить династические и религиозные войны и террор, Варфоломеевскую ночь, царство Ивана IV в России, царубийства XVIII-XIX вв. и события совсем недавнего времени с особой философией террористических режимов, находивших обоснование репрессиям, геноциду, тотальным войнам и т.п. Показательна и трансформация политической преступности — от этнических и религиозных криминальных чисток (варварских, крестовых походов, инквизиции) — к тотальной политической и национально-расовой репрессии, колониального и расового геноцида и мировых войн, сменивших феодальные, «кабинетные» войны — первыми «народными» (по выражению Клаузевица) наполеоновскими войнами.

Вторая половина века ознаменовалась, как будто, некоторым снижением политической преступности. Во всяком случае, она не стала массовой, очаги ее, однако, сохраняются: репрессии в Азии (в Индонезии, Китае, Кампучии), «особо жестокие» режимы (в Южной Америке, Африке, Азии) типа правления Сиди Амина или Бокассы, гражданские войны в некоторых странах, племенные распри в Африке и т.д. Известны и преступные агрессивные войны против сопредельных стран. Если все это и считать не более, чем угасающими рецидивами политического зла, пришедшего к нам из глубин истории, то две, по крайней мере, формы преступности, хоть и не новые в принципе, можно считать новыми по масштабам и значительности политического, морального и материального ущерба: массовую коррупцию политического сословия и терроризм. На вооружении каждого из этих явлений своя философия, свои особые средства тайной власти над обществом и государством, свои специфические цели, свое отношение к праву и морали и специфические связи с культурой и историей конкретных стран. Ситуация настолько серьезна, что «третьей мировой войной», вероятно, станет война против этих двух зол. Может быть, это и будет война двух цивили-

лизаций, о которых говорит Хантингтон⁸¹: современной правовой и демократической цивилизации против архаической цивилизации гоббсианского типа⁸² с дикой, необузданной эгоистической свободой творить зло во имя собственных интересов.

⁸¹ См.: Хантингтон. Столкновение цивилизаций? // Полис., 1994. № 1. С. 33-48.

⁸² Имеется в виду «естественное состояние» человека, не знающего власти государства в трудах Т.Гоббса.

Общественное бытие политики и власти

Существование и функционирование политики и власти — это определенная онтологическая, бытийная проблема объективирования идеальных явлений, вплоть до их материализации, конкретизации, возникновения «*политических форм*», в терминологии современной политической философии. «Власть» как отношение физически, материально неосвязаема, нематериальна. Она существует в ее проявлениях, функциях, результатах, идеальных и физических актах. Самое простое и известное, что можно сказать об объективировании политики и власти, это указание на две формы их существования — идеальную (замысел, проект, решение, теория) и материальную (документ, язык, учреждение). Но этими факторами проблема не исчерпывается. «Вторичная, материализованная объективность власти» не может не порождать трудностей и противоречий ее исследователя. В философии и политической теории с давних времен сформировалась метафора власти, возник некий многозначный образ власти — емкое, но аморфное понятие, символ всех ее атрибутов, функций, носителей и т.п. Политические науки разрешают двойственность этой несомненно ненаучной ситуации путем конкретизации исследования. Политическая же философия, для которой природа власти — центральная проблема, напротив, склонна акцентировать употребление политической метафоры, во всяком случае не может ее избежать. Действительное многообразие явлений, в которых живет и проявляется власть, подталкивает исследователя-философа то к различным олицетворениям и иносказаниям (власть — слово, власть — игра, власть — норма и т.д. и т.п.), то подталкивает к повторению конкретных политологических схем. Для политической философии проблема идентификации власти была и остается одной из самых слож-

ных. Ее решение — это одновременно и ответ на два, по крайней мере, вопроса: где, в какой системе координат идентифицируется феномен власти и в каком качестве — отношения, деятельность, идеи, вещи и т.п.?

Рассуждения о сфере существования, месте возникновения и действия власти в последние десятилетия испытали влияние новой, экологической по смыслу, пространственной проблематики. Социально-пространственные процессы в политической и социальной философии первоначально рассматривались (и могут рассматриваться) в территориально-средовом смысле (как это делает, например, А.Мабогандже¹). Важнейший аспект анализа экологического типа — исследование социального (в самом широком смысле общественного, экономического, идеологического, культурного) *окружения* политики и власти, ее институтов, прямых и обратных связей между ними и этим окружением. Анализ этих отношений естественно подводит к исследованию окружающего политику социального пространства.

Общественное окружение политики — источник ее ресурсов. Таково еще одно экологическое измерение политики, получающей извне кадры власти, идеи, замыслы, их исполнителей, материальные средства. В общественном окружении заключен сам смысл политики, расположены ее цели. Оно определяет отношение к политике и власти, их оценки. В окружении расположены и результаты политики, оно само ее цель и результат. Но наиболее глубокий смысл окружения состоит в том, что оно — источник политики, оно порождает политику и власть, контролирует их и изменяет. Так пространственная и ресурсная проблема перерастает в проблему «политика и общество», «власть и человек».

Пространственно-территориальный подход к исследованию власти и политики практиковался, как известно, всегда. Однако в новом, более современном толковании пространственные формы представляются уже не просто как поле размещения социальных и политических процессов, а более содержательно, функционально, как нечто формирующее эти процессы, в которых возникают политические события, функции политических институтов, осуществляются политические процедуры, имеющие пространственное измерение². Такой подход дополняется мето-

¹ *Maboganje A.* Developmental process. A spacial perspective. L., 1980. P. 50.

² См.: *Harvey D.* Social justice and theory. L., 1973. P. 11.

дом пространственно-временных локализаций рассматриваемого объекта. Иными словами, в обращение вводится способ анализа, позволяющего различать в каком-либо явлении качественно различные и пространственно разграниченные участки, зоны. Так, «поле» (зона действия) какой-либо власти (например, аппарата управления какой-либо народнохозяйственной отраслью) может не совпадать с политическим пространством, в котором эта власть распространяется (например, не функционировать или функционировать плохо, с ошибками, вступая в противоречие с политикой), может вообще в нем отсутствовать (например, в пространстве внешней политики). Не переоценивая подобный способ понимания политических явлений, можно признать его полезным, несмотря на определенную метафоричность, которая ему присуща. Остановимся поэтому на проблеме пространственных и временных измерений политики.

Политика в пространстве и времени

Пространственные измерения характеризуют все общественные системы (экономика, право, культура и пр.). Политическое пространство – одно из них. Все эти пространства функциональны, насыщены содержанием, их геометрия может не совпадать с геометрией географических пространств страны (государственными или административными границами). Функциональные пространства могут быть минимальными по отношению к территориальным единицам (например, пространство влияния каких-либо политических идей), но могут распространяться и за пределы государственной территории (зоны внешнеполитического влияния, национальных интересов, обмена результатами экономической деятельности и т.п.), охватывая мировое пространство (идеологическое, культурное, научное и религиозное пространства). В то же время функциональное пространство подвижно и нестабильно. Отдельные участки его могут становиться и более и менее насыщенными, оно может выпадать (например, из пространства влияния какой-либо партии), оно может все в целом сжиматься вплоть до полного исчезновения (как, скажем, пространство влияния какой-либо идеологии).

Посмотрим теперь несколько подробнее, что представляет собой функциональное пространство политики.

Проблема общественно необходимых границ проникновения политики — одна из общих проблем отношения политики и общества. Ее анализ подводит к проблеме политического пространства — идее XX века. Такое пространство имеет территориальное измерение, прямое отношение к геополитическим параметрам политики, а следовательно, совпадает с географическим пространством страны, но может и превосходить его (пространство макровласти и внешней политики). Аналогична география политики меньших, негосударственных масштабов, но государственного значения — политическое пространство региона, края, области, города и т.п. (сфера местной администрации, например). Территориальные измерения характеризуют и функциональные политические пространства, на которые распространяется политика отдельных центральных или общественных источников политического действия — аппаратов государственного управления (министерств, ведомств), партий, народных движений, формализованных и неформальных, легальных и скрытых организаций и т.п. Но политическое пространство имеет и другое, более конкретное функциональное измерение — области формального и реального влияния, авторитета подлинного и воображаемого. Формирующий политику орган или руководитель разных рангов может быть авторитетен для одних учреждений, лиц, групп населения, социальных слоев и т.д. и неавторитетен для других. То же относится и к материальным выражениям политики — законам, постановлениям, приказам, политическим высказываниям (речам, докладам, дискуссиям). Глава политической партии может быть авторитетен лишь для членов его организации, да и то не для всех. В принципе любой руководитель и любая политическая структура имеет сторонников и противников. В этих пространственных — физических и содержательных измерениях, в их движении, пульсации, изменении состоит жизнь политики, за эти измерения идет политическая борьба, и их роль едва ли не в первую очередь волнует теоретиков и практиков политики. Помимо того, существуют разные отношения между центрами политического пространства и их периферией, которая отнюдь не обязательно удалена в физическом пространстве от генерирующего политику центра. Ее связь с центром определяется прежде всего их содержательными отношениями: социальными, идеологическими, научными и культурными. Политическое влияние может быть сильным в центре, где возникает политика, и практически угасать к окра-

инам соответствующего функционального пространства. При этом политическая «периферия» может обнаружиться в том же центре в оппозиционной (скажем, менее развитой) среде. В этом периферийном угасании политики, в частности, выражается судьба многих инициатив, «революций сверху» (не забудем, что и центрально-периферические отношения могут быть функциональными), жизнь приказа, постановления и т.д. Не случайно перестройка, начатая в 1985 г. в центре, сразу стала замедляться и останавливаться не только на удаленной, провинциальной, но и ближней, оппозиционной политической периферии бюрократического аппарата вне зависимости от физической дистанции между ним и центром. Политическое пространство различается поэтому разной содержательной интенсивностью, плотностью. Это, повторим, голограмма, а не плоскостная геометрическая фигура, функциональное пространство имеет своего рода «третье измерение», содержательный объем, изменяющийся от одного пространственного участка к другому.

Жизнь политики протекает, естественно, и во времени. Ее временное измерение — одно из самых очевидных, и именно оно вызывает множество политических и общественных коллизий. Яркая и действенная политическая мысль может со временем набрать силу или потускнеть и утратить эффективность. Подчеркнем еще раз: там, где политическое пространство перестает быть живой, насыщенной мыслью, действием, событиями сферой, и начинается зона вакуума, где та или иная политика перестает действовать, там и пролегает его подлинная граница. Она может не совпадать с геометрией географического пространства страны, города, их границами, а часто вообще не имеет с ними ничего общего. Политическое пространство формирует какой-либо центр политического влияния или власти. По направлению к периферии это влияние может ослабевать либо усиливаться в том или ином участке. В нем могут возникнуть несколько центров (например, очагов политических конфликтов). Однако структура политического пространства сложнее и этих линейных измерений. Оно неоднородно по самой своей функциональной природе. Влияние политических идей, теорий, замыслов и действий, как уже отмечалось, избирательно. Оно варьируется в пространстве, времени и политической среде, причем все эти три поля, в которых живет политика, и сами непрерывно изменяются. То же относится и к материализованным выражениям политики — документам, декретам, законам, поли-

тическим выступлениям лидеров. Политическое пространство может быть поэтому более насыщенным, плотным, более интенсивным в одних его участках и менее — в других. Оно как бы обладает третьим измерением — насыщенностью, изменяющейся плотностью, с объемной голографической структурой. Как это свойственно голограмме, в каждом ее участке отражается весь основной спектр идей и действий, присущих целому: в небольшой группе единомышленников или противников интересы, цели, настроения обретают ту же конфигурацию, что и в пространствах больших масштабов.

Политическое пространство, если говорить о целом, реально состоит из многих частных пространств (партийных, административных, групповых, государственных и пр. пространств той или иной политики — экономической, правовой и др.), это совокупность многих государств. Определение взаимного расположения, совмещения либо противопоставления этих пространств и совокупного пространства позволяет создавать более полное и динамичное представление о реальной, а не нормативной политической системе страны. Ее подлинное политическое пространство подвижно, изменчиво, в нем образуются потоки событий и влияний, очаги напряжений и зоны покоя. Это живое, пульсирующее тело политики.

Может быть построена типология политических пространств: по характеру политических отношений (пространство власти или различных властей, общения, конфликтов, согласия, насилия, риска, борьбы и т.д.); по типу общественных и политических процессов (критическое, кризисное пространство); по типу массовых или групповых настроений (интересов, надежды, свободы) и др.

Политическое пространство — отнюдь не нейтральное определение политической ситуации. За него обычно идет активная борьба. От расширения и насыщения того или иного пространства политики и власти зависит исход и соответствующих политических процессов. Конкуренция партий, лидеров и других политических сил, состязания на выборах, борьба за влияние, за право определять политику. Пространство — своеобразный материальный ресурс политики. Политический процесс любого масштаба протекает в таком пространстве, которое и само насыщено ресурсами, но не только пространственными. Один из них и притом важнейший — ресурс времени, но не только бесстрастного астрономического, хронологического времени, но также, как и пространство, функционально-политического (вхо-

дящего в состав других функциональных времен). Политическое время – составная часть более общего явления – времени социального действия и время истории.

Политическое время – время протекания политического процесса, события, время жизни политической идеи, теории, политического лидера, одно из основных измерений политики наряду с содержательными и пространственными измерениями. Политическое время включено в непрерывный ход астрономического (хронологического) времени и в течение исторического времени. Функциональная смена времен в политическом процессе совершается в двух направлениях: хронологическом, когда прошлое сменяется настоящим, которое в свою очередь ведет к будущему, и каждый предшествующий этап готовит последующие; другое, ахроническое (то есть не соответствующее хронологическому времени) движение совершается в обратном направлении, так как будущее этап за этапом непрерывно становится настоящим, настоящее же уходит в прошлое. Возникает парадокс попятного движения политического времени из будущего (время результатов), через настоящее (время свершений) – в прошлое (время замыслов и исторического опыта). В прошлом и настоящем накапливается опыт, возникают идеи нового будущего, формируются концепции и готовится это будущее. Поэтому текущее политическое время активно, оно наполнено событиями, результатами истекшего политического времени и политическим материалом будущего, хотя в принципе это настоящее – лишь мгновение, заключенное между бесконечным истекшим политическим временем и беспредельным будущим. Но именно настоящее – центр времени, оно соединяет прошлое и будущее. И поскольку мы имеем дело с функциональным временем, мы можем нарушить его астрономические измерения – ограничить прошлое пределами нашей исторической (политической) памяти, будущее ограничить временем наших целей, а настоящее – раздвинуть на время нашего действия и текущих событий.

Истекшее политическое время бесконечно, но делится на конкретные функциональные этапы, начало и конец предшествующих политических событий и процессов; в беспредельном будущем политическое время охватывает конечные политические процессы или финалы более длительных процессов. Между этими двумя протяженными частями политического времени заключено настоящее, единственное актуальное время, но не-

прерывно исчезающее, переходящее в будущее и прошедшее. В этом причина его интенсивности, напряженности, значение сроков и темпов развертывания этого времени. Эти элементы политического времени сосредоточены в прошлом (как свидетельства успехов и неудач уже завершённого этапа) и в настоящем времени, где еще не завершены сроки и не очевидны темпы. В будущем все измерения политического времени существуют лишь в абстрактной проектной форме, как и само будущее. В этом временном отрезке сосредоточены цели политики, финальные этапы политического процесса. Его цели, размещенные в гипотетическом будущем, определяют события настоящего времени: выбор средств, ресурсов, методов, состав исполнителей политического проекта и т.д. Воздействие этого будущего политического времени переходит в прошлое, свершившееся время: в нем обнаруживаются подлинные результаты политики, о которых можно судить с достаточной (хотя и не абсолютной) определенностью. В прошедшем времени намеченные проектом решения превращаются из набора альтернатив в реальный опыт, вероятностный процесс становится свершившимся фактом, и тогда из прошлого вновь начинается движение политического времени в настоящее и будущее: продолжается начатое дело, оцениваются и, может быть, исправляются полученные ранее результаты.

В отличие от астрономического, хронологического времени политическое время протекает различными темпами для разных политических сил и процессов. Оно обладает особой функциональной интенсивностью для одних и может оказаться ненасыщенным, бессодержательным для других. В одно и то же календарное время одна политическая сила, партия, теория живут в политическом прошлом, другие – в настоящем, третьи – в будущем. Именно концепция времени дала имя многим политическим течениям и идеологиям: консерватизму и традиционализму – ревнителям прошлого, политическому реализму приверженцев стабильности, авангардизму, обновленчеству, прогрессизму, устремленным в будущее³.

Политическое время обладает также ценностными характеристиками: время подъема, застоя, трудное, революционное, время перемен и т.д.

³ Не случайно в Древнем Риме республиканского периода, который не знал календарного летоисчисления, годы назывались именами правивших консулов.

Политическое время отличается от непрерывно и однонаправленно текущего бесконечного астрономического времени также и его протяженностью: оно охватывает главным образом средние и краткие хронологические сроки от нескольких лет или десятилетий до нескольких дней и даже часов. Более продолжительное политическое время переходит в социальное и историческое время («предвоенное время», «послевоенное время» и т.п.). Политическое время конкретнее исторического или социального, это время определенного события или процесса, и оно завершается с окончанием такого процесса (его пределом — достижением результата или кризисом): формирование правительства, выбором парламента или президента, проведением реформы и т.п.

Политическое время (в отличие от астрономического) протекает неравномерно, это не нейтральное время хронологии. Оно пульсирует, изменяет ритм, то замедляется, то набирает темпы вместе с политическими событиями, напряжением и ускорением политической жизни общества, какой-либо группы, класса или лица. Изменяется насыщенность, напряженность политического времени, когда в считанные дни и часы происходят политические кризисы, революции, сменяется власть, принимаются ответственные политические решения.

В движении политического времени возможны критические фазы — острый дефицит времени при решении той или иной задачи («упущенное время»), растянутое, пустое, политически бессодержательное экстенсивное время («эпоха застоя») и наоборот, интенсивно протекающее время значительных политических, социальных процессов и событий, время решений больших общественных задач, массовых мобилизаций (ведение вооруженной борьбы, выход из кризиса и т.п.).

Эффективное использование времени — важный показатель эффективности политики и власти. Оно прямо пропорционально уровню политической культуры общества и его политическому развитию: степени рациональности политического процесса, уровню политического искусства (в т.ч. искусства политической дискуссии), радикальности решений, пониманию задач, чувству ответственности и т.д., функциональным соответствиям между решениями и их исполнением и в целом зависит от динамичности политической жизни общества. Объективным фактом эффективности политического времени оказывается его соотношение с функциональными особенностями политического

пространства. Более сложное, разнородное, протяженное, оно может замедлять протекание политического времени, образовать паузы в политическом процессе, например, передачи власти, решений и их исполнения и т.д.

Время – важнейший ресурс политики и власти. Погоня за этим ресурсом («выигрыш времени») составляет одну из главных целей политики, в политической борьбе – это задача «определить» действия противника, «упредить» события. Маневрирование временем составляет одно из правил политической стратегии и тактики, состоящее в умении предупреждать события, а не ждать их, не догонять упущенное время, а создавать его резерв, не затягивать необходимых действий, не полагаться на спасительное самодействие времени в расчете, что все решится само собой, иначе говоря, в активном распоряжении временными ресурсами политики.

Проблемы пространственно-временной жизни политики связаны с решением более сложной задачи – отделить власть в разных формах ее существования от средств ее осуществления (отношение власти от средств выражения – языка и др.), отличить ее субстанциональное начало от ее проявлений (например, правительство – носитель власти и управление политическими отношениями между группами и членами общества). Что реально является властью – действие или средство его осуществления? – вопрос, решение которого постоянно вызывает дискуссии.

Еще одна система связей в сфере политики и власти служит предметом философского исследования – взаимодействие социальных, политических, культурных, экономических регулятивных механизмов в обществе, о чем мы уже имели возможность упомянуть.

Политика и власть в политическом процессе

Политическим процессом именуют, как известно, общий ход политической жизни общества, либо конкретный и относительно кратковременный процесс решения той или иной определенной задачи. Это конечный процесс, который может быть описан на всех его стадиях. Специально-научные теории организации политического процесса особенно существенно отходят

от философского истолкования начального этапа процесса — целеполагания. Как известно, в этой трактовке целеполагание рассматривается прежде всего как процесс идеализации цели, максимально приближающийся к идеальной модели процесса, что, к стати, отвечает функциям самой политической философии — деонтологической (определение должного), утопической (выбор предельного совершенного) и поиска смысла процесса, его сущности, его истинного содержания. Идеализация цели процесса и самого процесса для политического философа связана и с критикой (во всяком случае оценкой) максимализма, с анализом рациональных и иррациональных начал политического проекта, всех его фаз от начала и до конца, вплоть до оценки результата в его отношении к идеальному замыслу и соотношения цели и средств ее достижения (не как конкретного измерения, а сопоставления их значений в процессе, их принципиальных отношений, соподчинения).

Научный анализ, ориентирующийся на политическую практику, трактует проблему политического выбора как технику принятия решений, исчисление постоянных и переменных составляющих процесса (его ресурсов), проблему управления процессом и т.д.

Теперь, после анализа политической статистики, возникают проблемы системной динамики, измерение политической власти — ее функционирование в политическом процессе, вне которого власть, как уже отмечалось, не реализуется. В этом процессе ее бытие формируется субъектами, силами, которые формулируют цели политики, задачи власти, определяют ее методы и средства, избирают исполнителей и изыскивают необходимые ресурсы.

Вместе с различными проявлениями самой политической власти, применяемыми ею средствами, ее концепциями и теориями, регулятивная система образует условия политического процесса и составляет ее бытие.

Весьма существенно представить общую, хотя бы схематическую картину бытия политики и власти, чтобы получить представление о подходах политического исследования к этой проблеме.

Политический процесс может быть представлен упрощенной рабочей схемой, основанной на концепции формирования централизованной институциональной власти с ее пирамидальной структурой, с учетом феномена целеполагания, реализации интересов, политического проектирования и с подходом к осуществлению власти как к специфической политической деятельности. При этом учитываются в двух схемах различия между возможностями пре-

дельно обобщенного (универсального) подхода к проблеме (первая схема, в которой обозначен структурный признак власти — пирамидальное строение) и показывается схема приложения этого анализа к конкретному политическому процессу (вторая схема).

Схема 1

Институциональный политический процесс

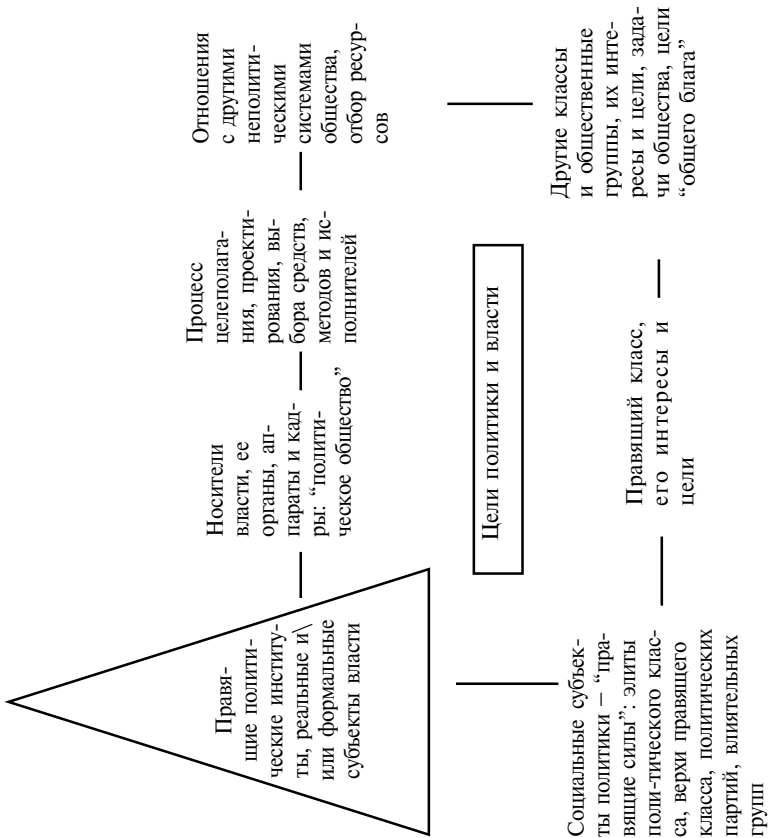
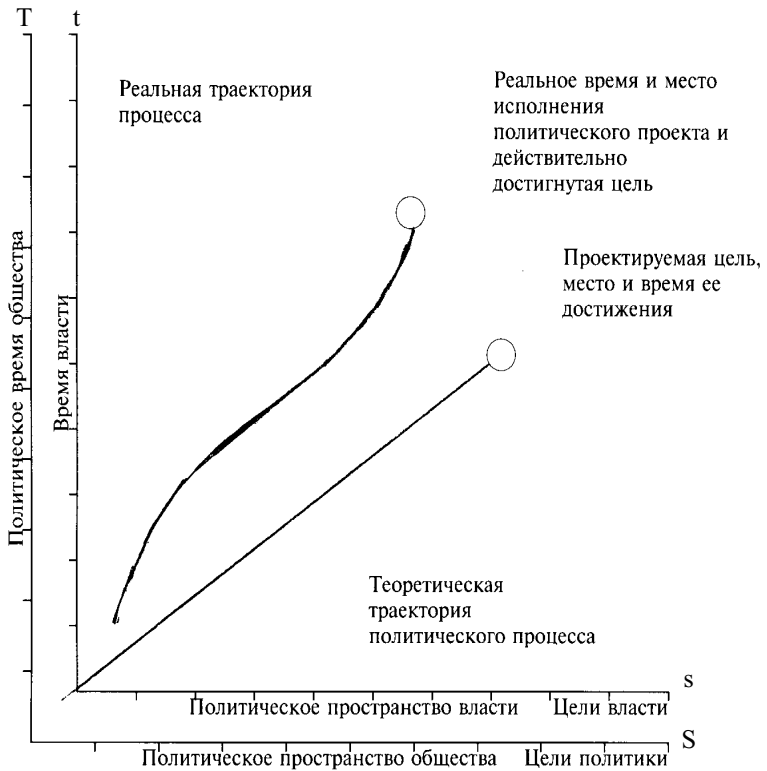

Схема 2

Конкретный политический процесс в реальном пространстве и времени

Анализ конкретного политического процесса позволяет синтетическое научное и философское исследование соответствующего масштаба целесообразности (политической, социальной и пр.) проекта, дать оценку рациональности и глубине целеполагания, технике планирования, логики и психологии принятия и исполнения решений, способности авторов проекта удерживаться в пределах действительного отношения к истинному положению вещей, наличию ресурсов, логике и психологии создателей и участников процесса и поведения общественного окружения; анализ включает оценку деятельности участников процесса, начиная с эффективности власти и конца ее способностью к критической самооценке, ее легитимности, иначе говоря, доверия окружения и участников процесса к политике и поведению власти, оценить целый интеллектуальный и эмоциональный мир, составляющий чувственную, человеческую основу соответствующей политики.

Но это далеко не все. что открывают в политическом процессе исследователи. За пределами действительных форм политики, ведущих от замысла к результатам, за пределами рациональных расчетов, которые могут не оправдаться (см. схему), исследователь вынужден исчислять независимые и зависимые переменные вероятностного общественного процесса, который в данном случае является политическим. Если процесс отклоняется во времени и пространстве от намеченной траектории, исследователь должен выяснить, не вошел ли в кризисную фазу, остановится ли на границе несущей способности системы, в которой он осуществляется (вследствие непоправимых ошибок власти, исчерпания материальных и духовных ресурсов политики и кризиса доверия к ней), либо может продолжаться с исправлением системы, изменением целей, пополнением ресурсов и т.д.

Но и это еще не все. Вместе с кризисом (если он наступает) должна начаться рефлексивная работа политического и общественного сознания, оценивающего ситуацию. Как бы не протекал процесс и чем бы он не завершился, неизбежен еще один рефлексивный этап, когда в сфере политики и в ее общественном окружении производится финальная оценка или переоценки его целесообразности, социальной (в том числе и экономической) стоимости и морального достоинства. Кстати сказать, именно моральные суждения *post factum* (после события) бывают в политике наиболее верными и свидетельствуют о неразрыв-

ных связях политики и морали и иллюзорности представлений о возможности «освободить» политику от морали.

Если процесс не доходит до конца или идет неверно, не имея перспектив, с ошибками, то его рефлексивный анализ призван признать этот факт. В противном случае возникает непроизвольная утопия самообмана авторов и исполнителей проекта и утопия тщетных надежд и ожиданий, иллюзий в общественном окружении политики. Процесс и его восприятие становятся иррациональными. Если иррациональность эта камуфлируется попытками рационализировать ее «срочными мерами», которые обычно не затрагивают подлинных причин кризиса (перестановка кадров, поиски «врага», наказания «стрелочников» и т.п.), в то время как продолжается реализация процесса в его превращенной форме, тогда и утопическая ситуация затягивается.

Философский анализ того, что мы называем политическим процессом, имеет давнюю традицию, во всяком случае, в таких областях, как противоречия целей и средств, формальных и реальных субъектов власти (откуда пошла гегелевская теория бюрократии) и других. Специальные дисциплины и в этой области многое переняли у философии, и, естественно, их конкретика сильно потеснила философский анализ. Целеполагание в области социально-политического развития взяли на себя многочисленные исследователи разной ориентации, от конструктивных и оптимистических, до теорий кризиса и катастроф, до теорий принятия решений, организации, управления, прогнозирования и т.п. Социальным и политическим проектированием занимаются социально-политическая теория общественного развития, пришедшая, как известно, к глобальным проблемам и создающая сейчас методологию, соответствующую масштабам этих проблем — глобального моделирования, проектирования и прогнозирования нового мирового порядка, новых видов общества и цивилизации. Политическое знание — непрерывная составная часть всех этих специфических теорий. Отойдя, таким образом, от философского анализа, исследование политики средствами нового научного знания значительно расширило масштабы и проблематику политического знания.

Стала особенно актуальной идея наднациональной власти — региональной и мировой, а, следовательно, и расширения политических процессов до интернациональных масштабов с соответствующими перспективами новых преобразований мира (создания «нового мирового порядка») или появления новых

глобаальных утопий. Эта идея может стать предметом новых философских исследований. Идея такой власти старше самой политической философии. Ее многократно стремились осуществить и осуществляли в значительных масштабах известные в ту или иную эпоху властелины земного мира, создатели могущественных империй прошлого и колониальных империй Нового и нашего времени. Идея мировой власти постоянно возникала в политической мысли средних веков и Возрождения. От Данте, Марсилия Падуанского и Оккама она дошла до мондиалистских и федералистских движений XX века. В наше время она стала актуальной в связи с необходимостью эффективно решать проблемы межнациональных и межгосударственных отношений и конфликтов, глобальных экономических, энергетических, информационных и многих других актуальных аспектов общественного развития. Все это тема самостоятельного анализа. Здесь мы можем лишь отметить реальное расширение сферы бытия политики и политической власти.

Бытие власти в обществе представлено и в схеме ее отношений с другими регулятивными механизмами, которая предвораеет ее дальнейший анализ (см. схему на с. 104).

Отношения политики и других организационных и регулятивных систем общества

Проблема регулятивной среды, в которой функционируют в той же регулятивно-организационной функции политика и политическая власть, т.е. системы экономических, правовых, моральных, культурных и других отношений, уже отмечавшихся, это также и проблема взаимодействия регулятивных средств, методов и целей. Особенно много недоразумений возникает в теории по поводу отношений политики и экономики. В догматике послемарковского марксизма политика (надстройка) выглядит как порождение экономики (базис) — ее «концентрированное выражение». Но если экономика действительно базис жизнедеятельности, то не только политика, но и все остальные общественные системы — ее «концентрированное выражение» — и идеология, и право, и, само собой разумеется, наука, культура, даже мораль и, в конце концов, религия. Если мы согласны

с мыслью о том, что экономика (технический базис общества, как говорил Маркс, его производительные силы, производственные отношения) действительно определяет уровень развития общества и само его существование, то следует согласиться и с тем, что условием самой экономики является существование того же общества. Оно же формируется всеми другими общественными системами, в первую очередь политической. Таким образом, экономика немыслима без политики, культуры, права, науки, идеологии и в отдельных случаях (например в архаических обществах) и без религии. Поэтому мы с равным правом можем утверждать, что экономика — это концентрированное выражение политики, культуры, науки, права и т.д. Причем эту мысль не столь уж трудно доказать. Достаточно вспомнить, какую роль играет политика в организации жизни общества, в ее создании, охране и регулировании и как она способна, в определенных обстоятельствах, подчинять экономику целям общества или власти, вплоть до ее милитаризации, национализации, приватизации и т.д., как также возможно политическими методами развивать и даже заново создавать экономику, не говоря уж о регулировании экономических отношений. Таким образом, формула «взаимодействия» лучше всего объясняет и отношения политики с экономикой, как и с другими системами.

К одному из лучше исследованных аспектов этой проблемы можно отнести взаимодействие и взаимопереходы между такими проявлениями власти, как сила и насилие, их юридическим выражением в законе, социально-политической норме и в культурном проявлении, когда эти нормы становятся фактом органически усвоенного и добровольно принятого обществом и человеком способа существования политики и самого общества.

В современной политической философии в исследовании этой области политических отношений сталкиваются традиционные и новые тенденции. К первым можно отнести стремление выявить наиболее общие отношения между регулятивными факторами политики и власти, в которых преодолеваются или могут быть преодолены противоречия между силой и насилием, правом и законом (юридически оформленным правом и неформализованным правом силы) и соответственно — противоречия между регулятивными механизмами политики/власти, юридическими, социальными и культурными. Эта тенденция очень близка современной социально-политической философии и общественной теории либерально-прогрессивистской ориентации,

всей идеологии консенсуса, социального порядка и развития. Истоки всего этого ярко выраженного направления философской мысли прослеживаются в социально-политических философских учениях о принципах разумной и целесообразной политической организации общества. Их можно обнаружить и в поисках политической истины и гармонического правления Платона, и во всех, в принципе, установках на рационализацию политического правления на любых — секулярных или религиозных — началах.

Активизация подобных идей, как известно, связана с политическими и философскими движениями XVII и XVIII вв. и актуальность их, как мы видим, неосыкла. Напротив того, идеология современного этапа общественного развития чрезвычайно обострила проблему преобразования политико-юридических механизмов социальной организации. Такова объективная необходимость эпохи. И развитие общества, создавшего сложную технику, обострившего свои отношения с природой и с другими обществами, живущего в обстановке острых внутренних противоречий, и развивающиеся, стремящиеся преодолеть исключительные трудности новые общества, равно нуждаются в рационализации экономических, социальных, политических отношений, в формировании человека нового современного облика.

Второе направление исследований, тоже не новое, образует детальным изучением отношений политики/власти с отдельными системами. Традиционные исследования политики и морали, хотя и в этой области еще можно многое сделать⁴. Остаются по-прежнему актуальными сопоставления политики и права, экономики, идеологии и других систем. Не проделан, однако, общий структурно-функциональный сопоставительный анализ места и роли всех этих систем в обществе, в частности, их способности институционализироваться, группироваться, объективироваться в разных формах. Общую схему этих сторон их общественного бытия мы и приводим ниже, чтобы затем рассмотреть более детально некоторые проблемы отношений политики и других систем.

⁴ См.: *Кравченко И.И.* Политика и мораль // Вопросы философии, 1995. № 3.

Политика и власть в составе организационно-регулятивных систем общества

Форма существования власти и политики	Совместные проявления взаимодействующих систем	Наличие центров власти	Организационные и регулятивно-контрольные системы и сферы общества
Политическая деятельность и политические отношения, управления ими	Политическая культура, политическое искусство	—	Культура
	Политическая этика/ целевая ориентация политики/, политическая нравственность	—	Этика и мораль
	Политическая наука, политическое знание	+	Наука, знание
	Политическая экономия	+	Экономика
	Политическая идеология	+	Идеология
	Законодательная деятельность, исполнение законов и др. правовые формы реализации политики	+	Право
	Прямые и обратные связи власти и общества Участие церкви в политической жизни общества	— +	Микропроцессуальные отношения и их массовые формы Религия
Объективированные формы политики и власти			
Духовные проявления и формы существования политики и власти	Политические идеи, теории, концепции и проекты; другие проявления политического сознания и самосознания — в нормах, законах, традициях, правилах; политическое знание, опыт, искусство; языковое политическое сознание, политическая речь, ее семантика и синтаксис, ораторское искусство, политическая риторика и демагогия; политическая символика и т.д.		
Материализованные принуждения;	Институты, органы, аппараты, учреждения и кадры политики и власти; средства физического принуждения; технические средства информации, контроля и т.д.		

Политика и право, власть и закон и их отношение к морали

Средства осуществления политики в любой общественной сфере, будь то политика, экономика или право, способы их применения, институциональные и неформализованные функции отдельных систем взаимодействуют и сливаются в общие или смежные регулятивные системы социальной организации. Поэтому они лишь весьма условно поддаются схематическим членениям. Так, весьма распространенное истолкование власти как проявления силы сразу же вынуждает ставить вопрос о природе самой силы – моральной, правовой, социальной, политикорепрессивной, экономической, идеологической и т.д. При этом, далее, возникает вопрос о соответствующей легитимации той или иной силы. Самое простое решение проблемы взаимодействия регулятивных систем – современных систем – системный же анализ, по крайней мере, смежных категорий. Так, например, Ж.Френд решает (следуя некоторым известным положениям Канта) проблему силы и права в проявлении власти. Воспользуемся некоторыми его мыслями и одновременно расширим анализ, дополнив обычную парную систему еще одним – моральным отношением.

И сам Френд вводит во взаимосвязь права и силы, то есть проявления политики и власти, нравственный аспект как основание права, но только как одно из оснований. Зафиксированное в законе, юридически легализованное право оказывается детерминированным многими факторами.

Концепция права, как напоминает Френд, подразумевает ограничение – оно разрешает одно и запрещает другое. Есть различие между естественным правом, охватывающим всеобщие «категорические» императивы (право на жизнь, жилище, безопасность и т.п.), универсальные нормы справедливости, равенства, свободы, и позитивным – совокупностью общих правил, действующих в данном обществе и предписанных властью – это гипотетический императив, который может не действовать в другом обществе, в другую эпоху, в иных условиях. Различие этих двух начал права – это различия морального начала, возможного в праве, и норм законодательства, то есть одного из проявлений власти. Но тем самым обнаруживается возможность понять, что мораль возникает не в правовых отношениях (если

она в них присутствует), а приходит в них из политики, либо (альтернативное решение) сосредоточивается в какой-то части права, уходя из политики или, наконец, право соединяет мораль и политику.

Различие права и силы применимо к «естественному», но не к «позитивному» праву, то есть не к морали, а к политике, ибо, как следует из мысли Френд, моральное право на силу снимает их взаимную оппозицию. Однако такое решение проблемы непротиворечивого отношения морали и политики, силы и права — лишь теоретическая возможность. Френд это показывает в исследовании политического закона: закон — это акт воли, как и командование и повиновение; он является соглашением (не в смысле взаимного договора или соглашения разных сторон) — согласием повиноваться (вольным или невольным). Оно может быть достигнуто спонтанной приверженностью, харизмой, страхом и террором, уважением и т.п. Закон означает порядок, предписанный и добытый путем той или иной его организации. Он фиксирует порядок, а не справедливость, как полагает Френд. Отсюда, по его мнению, проистекает неразрешимый конфликт между политикой и моралью.

Деление права на моральное, справедливое и нейтральное по отношению к морали («закон»), а следовательно, и непреодолимое разобщение политики/власти и морали не кажется таким неоспоримым, как полагает Френд. Помимо связей права и морали, в которые может быть включена и политика (ибо, подчеркнем еще раз, право вторично по отношению к политике/власти), тот самый порядок, о котором говорит Френд, может (и должен) означать и равенство, и свободу и чувство долга, ответственности и вообще все социальные и моральные ценности.

Что же касается справедливости, то не только власть, выраженная в законе, но и «естественное» право (которое кажется Френду независимым от политики) непосредственно не устанавливают никакой справедливости, ни естественной, ни общественной, потому что справедливости как самостоятельной ценностной категории не существует, эта ценность не субстанциональна, она лишена собственного бытия и потому вторична, производна от других, конкретных ценностей: права, равенства, свободы, чести, достоинства и др.⁵. Но если это так, то стирается и различие между

⁵

Не случайно категории справедливости как таковой не удается дать независимое определение в отличие от конкретных первичных ценностей, таких, как равенство, свобода и др., включая и моральные ценности — долг, честь, совесть, как ни трудны и сложны вообще такие определения.

«естественным» правом, которое оно образует понятие справедливости через совокупность прав, и позитивным правом, справедливость которого определяется совокупностью других ценностей, в том числе и моральных и политических.

Производный характер справедливости, которая и сама, кстати говоря, нуждается в моральной аргументации («что справедливо?»), как, впрочем, и другие ценности (первичные) свидетельствует о неизбежном проникновении морали в политику и право и о сложности этого проникновения и о противоречиях морально-правового бытия политики.

Понятно, почему критик репрессивных политических и правовых отношений вообще не ставит вопроса об их моральности. Но следует признать, что и негативная моральность, «антиформа» позитивной моральности может заменять в политике эту последнюю. Известное представление о политике, лишенной морали («макиавеллизм») — не более чем заблуждение, ибо оно исходит из предположения, что мораль обязательно позитивна. В действительности же политика может быть (с этой точки зрения) моральной или аморальной, но не бывает вообще лишенной морали.

Близкий этой мысли анализ Пуланзаса адресован государству и особенно насильственным формам власти. *«Любая форма государства, даже самая правовая, всегда строилась как юридическая организация, представлялась как правовая и функционировала в юридических формах...»*, — заявляет Пуланзас⁶. Для него нет поэтому самой проблемы идеальной этики политической власти. Непротиворечивая связь регулятивно-организационных систем общества (политической, правовой, экономической, культурной и др.) устанавливается, следовательно, не преодолением противоположностей и различий между ними, а прямолинейным соответствием власти/силы и закона/насилия.

*«Закон... составляет интегральную часть репрессивного порядка и насилия, осуществляемого любым государством... Закон, в этом смысле, это кодекс организованного общественного насилия»*⁷. Однако закон, как и норма, прежде всего регулирует отношения, устанавливает их порядок и пропорции, учреждает структуры, институты и другие регулятивные механизмы, «аппараты»

⁶ Poulanzas N. L'Etat, le pouvoir, le socialisme. P., 1987. P. 83.

⁷ Ibid. P. 84.

общества. Вот почему, например, архаичное правосознание (в частности, в российской традиции) стремится к суду «по правде», а не «по закону», видя в правде моральное начало правосудия, в законе же нечто чуждое, а именно — политическое, поскольку законы даются властью. Требуется глубокие преобразования политического и правового сознания, чтобы общество признало универсальность закона, его способность устанавливать равные для всех права (поскольку правда у каждого своя, а закон один для всех) и доминировать над самой властью, и следовательно, придти и к признанию моральности права и создающей его политики. Признание всеобщности закона означает и признание его объективности, а следовательно, и моральности его создания и исполнения. Таким образом, всегда имеет право на существование гипотеза закономерной связи трех начал: политики, права и морали. Это сознавали защитники демократии (точнее, остатков античной демократии) в очень давние времена, начиная с комментаторов кодекса Юстиниана (529 г. н.э.) — Ульпина, и др., Оттона (X в.), Уголино (XIII в.), Марсилия Падуанского (XIII-XIV вв), и другие романо-средневековые теоретики народного суверенитета, народа — обладателя власти и творца законов. В такой концепции народовластия политика и право были моральны по происхождению и по исполнению, ибо оно делегировалось правителю при неременном условии его подчинения закону. В этом прообразе идеи правового государства уже обнаруживается один из принципов моральности политики: ее подчинение праву.

Если романо-средневековая утопия демократического согласия общества (народа) и государства и моральности их отношений была развеяна историей, то сама проблема, естественно, сохранилась и сама по себе и как проблема общественного бытия политики. Противоречиво и неожиданно она всплывает в критике современного буржуазного государства.

Фуко отмечает (и правильно отмечает, так же, как и другие исследователи) тенденцию к использованию в современном обществе более тонких механизмов воздействия, чем насилие механизмов «дисциплины». Это переход от власти-принуждения к манипуляции-убеждению. Так ли уж реален такой переход — это особый вопрос, но сама проблема перехода порождена рядом весьма серьезных обстоятельств, продиктованных развитием современного производства, политической жизни и эволюцией

культуры в целом⁸. Не случайно эту тенденцию Фуко так настойчиво подчеркивает. «*Власть, основанная на изъятиях и смерти, — пишет Фуко, абсолютно чужда новым процедурам власти, которые основаны не на праве, а на технике, не на законе, а на нормализации, не на наказании, а на контроле, и которые оперируют на уровнях и в формах, выходящих за рамки государства и его аппаратов*»⁹.

Вся эта установка на смену организованного физического насилия продиктована, как отмечает Пуланзас, традиционным анализом власти с точки зрения биномов насилия (согласно репрессии-идеологии). В этой традиции насилие вытесняется идеологическо-символической¹⁰ манипуляцией, организацией согласия, его интерьеризацией. Концептуальная основа подобного анализа восходит к ранней политико-юридической философии, для которой противопоставление закона насилию было принципиально важной общественной, политической и идейной целью.

Пуланзас во многом прав, когда стремится выяснить идеологический смысл предполагаемого перехода от закона-насилия к интерьеризованной норме общественно желательного поведения дисциплинированного члена общества, т.е. к демократическим механизмам власти. Действительно, политическая философия либерального толка видела в правовом государстве и в торжестве закона гарантию ограничения насилия. Эта просветительская и либеральная, революционная для своего времени установка политической философии, как хорошо известно, дошла до нашего времени в многочисленных теориях прав человека, законосообразности политических и — шире — общественных

⁸ «Интерьеризацией» (добровольным и полным усвоением), которую Пуланзас воспринимает только негативно, как интерьеризацию репрессии.

⁹ *Foucault M. La volonté de savoir. P. 117-118.* Это также идея Фуко о переходе от тюрьмы к слежке: «Согласно экономии власти эффективнее и рентабельнее присматривать, чем наказывать» (*Foucault M. Les jeux du pouvoir // Politique de la philosophie. P., 1976. P. 158.*). Появление этой новой «техники» Фуко связывает с «капиллярной» механикой и формой существования власти, когда «власть добирается до самой сердцевины индивида, достигает его тела, внедряется в его жесты, привычки, речи, учебу, повседневную жизнь» (Там же. С. 159). Эту экспансию власти Фуко относит к XVIII в., имея в виду начало буржуазных преобразований.

¹⁰ То есть органическим усвоением (от лат. interior, внутренних).

процессов и отношений, их гуманизации и т.д. и т.п. Можно было бы добавить к анализу Пуланзаса и близость трактовок гуманизации и легального репрессивного принуждения к этической легитимации силы власти и закона как категорического нравственного императива. Однако Пуланзас, настроенный крайне оппозиционно против всех политико-юридических порождений капиталистического общества, не желает этого делать. Как ограничивает такой отказ оценку демократизации политики, мы сейчас постараемся показать.

Прежде всего, Пуланзас не обращает внимания на критическое отношение самого Фуко к дисциплинарному насилию. И, далее, Пуланзас (как и Фуко) не отмечает исторической необходимости преобразования силы политической власти в иные, более пригодные в условиях современного общества, современного производства регулятивные средства, способные интеръеризоваться не только как осознанные, но как желаемые нормы жизнедеятельности. То обстоятельство, что эта историческая необходимость реализуется в системе общественных отношений противоречиво и частично, — закономерность той же истории.

Пуланзас все же отмечает своеобразную идеологию подобной концепции: отступление физического насилия должно совершаться ради удержания и функционирования власти, усилением и увеличением идеологического воздействия, то есть интеръеризованной идеологической репрессии. Это воздействие может принимать различные формы: пресловутой тяги масс к сильной власти, любви к Шефу, поисков подчинения и его мотивов. Сама репрессия принимает форму запрета, и этот запрет может стать предметом почитания. В итоге пару «репрессия-идеология» вытесняют пары «закон-любовь», «запрет-желание», но во всех случаях речь идет о новых основаниях согласия, о дисциплинарной культуре нового типа.

Пуланзас дает свою интерпретацию аккумуляции политической силы в законе-насилии. Положив конец феодальным войнам и прекратив распри на своей территории, капиталистическое государство захватило «монополию на законное физическое насилие»¹¹. Монополизированное государством физичес-

¹¹ *Poulanzas N.* Op. cit. P. 87. Но это, как известно, открытие не Пуланзаса, а М.Вебера: монополия государства на законное насилие.

кое насилие, продолжает Пуланзас, непрерывно контролирует технику власти и механизмы согласия, оно вписано в структуру дисциплинарных и идеологических «устройств» и кроит материал социального тела, на которое воздействует господство, даже если это насилие непосредственно не осуществляется.

Насилие, таким образом, концентрируется в специализированных аппаратах государственной власти. Именно это (при том, что насилие остается условием существования и воспроизводства центральной политической власти) позволяет развиваться иным политическим механизмам, организующим общество. Однако репрессивность закона (и власти) сама по себе имеет необходимый позитивный аспект. Закон материализует господствующую идеологию. Он играет важную роль в организации согласия, легитимации, даже если она не совпадает с законностью (легальностью) власти.

Дело в том, что деятельность, роль, место государства в политической жизни далеко выходят за рамки закона или юридической регламентации¹². *«...Всегда существует, — пишет он, — набор практик и техник, ускользающих от юридической систематизации и порядка. Это не означает, что он «аномичен» (обезличен), произволен в полном смысле, но он подчинен относительно иной логике, чем логика юридического порядка, логике силовых отношений между борющимися силами, что отражено в законе отдаленно и по специфической мерке»¹³.*

Поставив здесь вопрос о законности власти (и, стало быть, самого закона), Пуланзас вольно или нет обращается к различию легитимности и легальности (которое подчеркивает и Френд), то есть обращается к различию между оправданием в глазах общества, условно или безусловно убедительными и общепризнанными, на словах или на деле, аргументами власти и ее политики и их формальным обоснованием законом. Иначе говоря, и Пуланзас так или иначе обращается к этическому аргументу. Его историчность и относительность несомненны так же, как вся процедура легитимации. Важно здесь, что она служит действенным средством связи регулятивных механизмов, которые она объединяет общей аргументацией.

¹² Poulanzas N. Op. cit. P. 92.

¹³ Ibid. P. 92-93. Напомним здесь, что говорилось выше о скрытой власти, о криптоправлении.

Отношения между политическим бытием власти и ее юридическим бытием, объективированном в законе, в юридической мысли и процедуре определяются в большой мере относительной самостоятельностью этих двух регулятивных сфер — властью и правом. Правовые отношения, которые, естественно, определяют не только отношения власти, хотя они устанавливаются и контролируются властью, становятся относительно независимыми от нее уже в силу самого процесса легализации/легитимации. Выше уже отмечалась сложность отношений власти и права. Она может быть прослежена далее на отношениях власти и закона. В классической философской традиции, в частности в исследованиях Гегеля и в марксовской критике гегелевской философии права, такого рода проблематика обсуждалась как отношение между политическим и правовым, гражданским обществом, обществами разных исторических, формационных типов, иначе говоря, регулируемых различными средствами и различным образом. Эта тема обсуждается политической философией и поныне, хотя и не на уровне таких обобщений. Она не утратила своей остроты, напротив того — приобрела новую и социально очень серьезную актуальность.

Санкционирование власти ею же созданным средством — законом, правовым регулятивом достигается, как известно, самой властью на основании тем или иным путем полученного права регулировать общественные отношения посредством правовых процедур, что можно расценивать как своеобразное самоуправление, самоорганизацию на макроуровне, форму самолегализации власти, и такой же ее легитимации, если созданный ею порядок признан оправданным и необходимым хотя бы частью общества, но социально существенной. Но более сильной формой легализации является законодательство, которое непосредственно легализует власть (акты о наследовании престола, об избрании парламента, президента, образовании правительства и т.п.) и, следовательно, ее право правового регулирования жизни общества. Таким образом, взаимодействие политического и правового регулятивных механизмов порождает их относительную самостоятельность. Возникает круговая зависимость взаимной легализации и легитимации власти и права, которая непременно должна включать их взаимный контроль, иначе говоря, взаимное регулирование средствами регулятивных механизмов общества: контроль, право на него и власть осуществлять его. Эта проблема всегда была важной, сейчас она

приобрела новый смысл. Он формируется в процессе общественного развития и состоит в повышении уровня организации усложняющегося общества, а следовательно, и усложнения самой его организации. Отсюда и усложнение отношений между политической/властью (политическим регулятивным механизмом) и правом (правовыми регулятивами) и усложнение самих этих регулятивных сфер, их целей, функций и средств, их общественного окружения (другими организационно-регулятивными сферами).

Сложность их взаимодействия обнаруживается уже в исходных отношениях власти и закона. Право власти использовать закон как одно из своих средств фиксируется законом же, в самом существовании закона; закон включает право, а правовая система — юридическую власть санкционировать существование и действия политической власти.

Власть-право и право-власть, объединенные этой круговой взаимозависимостью, по-прежнему представляют собой актуальный предмет философского и научного анализа. Можно назвать несколько таких проблем, смежных, конечно, со сферой прерогатив политической теории, но не утрачивающих философского значения, которые определяют философскую проблематику бытия власти.

Одна из них — вопрос о полноте центральной институциональной власти и ее возможном ослаблении в процессе децентрализации (разделения властей, выделения их аппаратов, бюрократизации и т.п. явлений).

В эволюции отношений власть-закон¹⁴ (она же история становления правового государства) известна эпоха политического всевластия (феодализм, абсолютизм, самодержавие), слияние регулятивно-контрольных и организационных механизмов, когда власть и закон не дифференцировались, точнее, кодификация права была лишь частичной, а интерпретация, применение и исполнение закона принадлежало самой политической власти; не разделялись исполнительная и законодательная власти; часть регулятивно-контрольных функций осуществлялась без посредствующего участия юридически оформленного законодательства, на основе различных культурных традиций и просто произволь-

¹⁴ Видимо, есть основание отличать эти отношения от отношения власть-право (право действий), поскольку признание властью своей правомочности может не быть юридически оформленным.

но. Борьба против этого архаического, наиболее простого способа взаимодействия регулятивов привела, как известно, к разделению властей, созданию только что кратко обрисованной системы отношений политика/власть-право, но она не гарантировала полной эффективности этой системы. Отсюда рецидивы самовластия, политического произвола, которые привлекают не только политологию, но и философию¹⁵. Исследование этого отношения показывает, что политическое бытие власти богаче, сложнее и многообразнее ее юридического бытия. Это обстоятельство помимо других причин обуславливает возможность и даже неизбежность их несовпадения. Но как только такая возможность из потенциальной становится реальной, возникает новая сложная диалектика легитимности, подлинной оправданности самого такого несовпадения, его легальности и реальной необходимости или негативности, чего-то фактического, обусловленного какими-либо обстоятельствами, но не признанного властью и тем более обществом.

Другой вопрос существования власти в социальном окружении политических и неполитических регулятивных механизмов — ее отношение с правовой сферой, в которой применяется объективированная в законе власть. Это также вопрос об отношении макровласти, государства и общества. Мы создаем возможность обратиться к проблеме взаимодействия микро- и макрополитических процессов. Здесь она рассматривается еще как отношение политической власти с ее регулятивным окружением и прежде всего — ее правовой объективации.

Такую проблему власть-закон-законность вынуждены решать общества любого типа. Пуланзас это подчеркивает. Государство, пишет он, часто действует, переходя собственный закон-правило, и не только параллельно ему, но и против него. В подлинную диалектику отношений власти и права, в которой заложена их противоречивость, и попытался проникнуть Пуланзас. *«Всякая юридическая система поощряет в самой своей редакции, составленной как переменные правила игры, которые она организует, неуважение государственной власти к собственному*

¹⁵ Один из больших сюжетов политической мысли — возможность захвата политической власти террористическими группами и создания деспотических режимов, подобных фашистскому или национал-социалистическому при полной формальной легальности этого акта.

закону..., — полагает он. — *Всякое государство организовано в своей институциональной основе так, чтобы оно функционировало (как и господствующие классы) одновременно и в соответствии с законом и против него... Незаконность и законность составляют части одной и той же институциональной структуры»*¹⁶.

Истоки двойственного отношения власти (государства) и закона были и остаются важной проблемой политического исследования и они обнаруживаются не в одном лишь объяснении государства как диктатуры класса, партии или отдельного всевластного лица в той диалектике власти и закона, которую разработал Пуланзас. Никакое современное общество никогда не будет абсолютно однородным, останутся интересы большинства и меньшинства, а точнее, различных и многих меньшинств, отражающих новаторские, антиноваторские, региональные, массовые или локальные и т.п. интересы, взгляды, инициативы и пр. Закон-норма-правило будет тогда лишь усредненным, приблизительно верным результатом применения всех этих различий, либо бесспорным отражением воли большинства. Возникает, таким образом, и вопрос об относительности политической (а также и любой другой) истины, отраженной в таком законе. Он будет с нарастающей силой обостряться в социально более сложном обществе, особенно в посттоталитарном. Отсюда (а не просто от «специально предусмотренных приемов, пробелов для обхода закона»), с одной стороны, наиболее обобщенная, с другой — ограниченная по охвату легальность власти.

Правовая регулятивная сфера связывает политическую сферу с другой частью ее регулятивного окружения и прежде всего с идеологическими регулятивными механизмами.

Закон — аспект материализации господствующей идеологии. Закон также фундаментальная категория государственного суверенитета. Он выполняет и функции легитимации, заменяет отсутствующую или невыраженную идеологию, например, религиозную, формулировки общих целей, исторических задач общества, идеологию какого-либо развития, будущего и т.п. Он сам становится своеобразной идеологией, призванной формировать социальное единство под эгидой господствующего класса.

Политическая власть связана с идеологической регуляцией и организацией общества и непосредственно. Идеологическое

¹⁶ Poulanzas N. Op. cit. P. 93.

бытие власти в политической истории всегда имело первостепенное значение, вплоть до официальной идеологизации политики, а также формирования специальной идеологической власти — теократической, например. Всякая социальная, классовая характеристика политической власти означает, как хорошо известно, и ее идеологическую характеристику. Такого рода оценки — важнейший аспект политических, социологических и идеологических исследований. Концептуальная политическая философия им не чужда, но она чаще всего концентрирует внимание на одной, хотя и важнейшей политической функции идеологии, которая и формирует идеологическое бытие политики и власти: их идеологическую легитимацию. Политическая власть и сама по себе обладает возможностью самооправдания. Самый простой и обычный аргумент для этого исходит из самой власти — это ее непосредственное воздействие на объект — общество, класс, человека, аргумент авторитета, убеждения, интереса, целей политики или силы, принуждения. Нетрудно, однако, увидеть, что такой прямой путь самоутверждения так или иначе порождает идеологию: систему взглядов, убеждений, верований, расчетов, надежд или подчинения, повиновения и т.п. — идеологию, соответствующую данной власти и ее политике. Этот наиболее простой способ самоутверждения остается основным для микропроцессуальной власти, но к нему регулярно прибегает также и власть любого другого типа и уровня¹⁷. В конечном счете процедура такой легитимации превращается в идеологический процесс, в столкновение взглядов, убеждений и предубеждений. Поэтому обоснование власти, ее утверждение в обществе превращается в особую процедуру законодательной легитимации. Однако и сам закон, в свою очередь, нуждается в легитимации (о связи закона и идеологии уже говорилось). Поэтому, если право связывает власть и идеологию, то идеология еще более освящает и власть и закон. Идеологическое оправдание — более сложное и тонкое, но весьма эффективное средство, обеспечивающее существование власти. Оно не легализует, но, минуя процедуру легализации (в отличие от закона), легитимирует власть, а также и закон.

¹⁷ В практической политике и в политической теории, в культуре, в художественном творчестве подобная процедура самолегитимации не случайно служит темой постоянного обсуждения.

Идеологема власти — одна из самых древних проблем политической философии, а в определенные периоды истории и одна из самых острых. Борьба за власть неизбежно выливается в борьбу идеологий. Сама политика, как это имеет место в ее отношениях с правом, может полностью сливаться с идеологией, которую она поддерживает и на которую она опирается¹⁸. Более того, закон и идеология могут быть одной из целей политики. Закон, правовое регулирование — несомненная цель власти, стремящейся использовать их в своих целях. То же целевое отношение имеет место между властью и идеологией, но в еще более высокой степени. Идеология может быть одной из ведущих целей политики. Все это хорошо известные темы политической теории.

Политическая философия и наука и в прошлом и в наше время много занимались конкретными аспектами легализации и легитимации власти. Их современный анализ представлен работами Ж.Френда. Именно он, возможно, опираясь на мысль Канта, различает легальность от подлинного морального оправдания, дифференцирует эти процедуры. Как отмечает Френд, различие между ними в политической философии нередко забывалось и бывало опущено. Между тем оно существенно и подвергалось неоднократно исследованию¹⁹. По-русски эти термины лучше различаются, если говорить о специальном обосновании необходимости политики и власти и об их законности (то есть юридическом обосновании). В этом смысле Френд и толкует их: «*Власть придает легитимность, правительство гарантирует легальность*»²⁰. Легитимность состоит в длительном и единодушном согласии общества принять правление и власть данного класса, иерархии и т.п. Легитимность не навязывается принуждением, она возникает из однородности политических установок, нравов, традиций, экономической системы, общего духа данной коллективности. Следует, однако, отметить, что добровольно, а тем более осознанно и единодушно принятая власть (что предполагает ее адекватность условиям, о которых

¹⁸ Теократия, санкционированная религией власть, власть религиозных партий — все это хорошо известные и полные формы идеологического бытия власти.

¹⁹ См.: Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Т. 1, кап. 1, par. 7; Schmitt C. *Legalite et legitimité*. P., 1936. P. 50-51.

²⁰ Freund J. *Op. cit.* P. 259; Bobbio N. *Legitimité e Legalité* // *Dizionario di politica*.

пишет Френд) — лишь один из вариантов легитимации и притом сравнительно редкий. Чаще всего легитимность власти оспаривается и ее легитимация является предметом особых забот правящих сил, поиска специальных способов легитимировать власть, оправдать ее перед обществом или отдельным классом. Хорошо известен аргумент какой-либо трансцендентной санкции правления (от бога, от истории, от идеи и общественной задачи и т.д.). Целью этой процедуры и является общественное признание или его имитация.

Легитимная власть как бы признается относительно лучшей, это признание способно ее смягчить, полагает Френд, и создать отношения доверия между правлением и обществом. В то же время такая власть присваивает право прощать себе ошибки. С другой стороны, подчинение утрачивает характер уступки из страха перед грубыми насильственными средствами, к которым прибегает непризнанная власть, наталкивающаяся на вражду, пусть даже потаенную.

Если легитимность — явление политическое, то легальность — юридическое, по крайней мере, по процедуре: она устанавливается и гарантируется специальными законодательными актами власти. Легальность, однако, означает (по крайней мере, в начальный момент) лишь формальную законность и определение норм, соглашений и порядка, пока не будет признана и не станет легитимной государственной монополией на законное правление или насилие. Легализация — это прежде всего санкция самоутверждения власти и ее политики юридическими средствами, юридическое обоснование ее существования, а затем и ее методов, прерогатив и самих политических норм и законов государства. Для граждан легальность состоит в повиновении законам и их исполнении. Легальность, в отличие от легитимности (которая может быть неосмысленной, эмоциональной, навязанной традицией, легендой, харизматической) рациональна. В конечном счете легальность, если она признана обществом, оказывается весьма сильным, если не самым эффективным средством легитимации (что и побуждает смешивать эти два средства самоутверждения власти и политики). Эту рациональность или ее видимость она сообщает и командованию и повиновению, которые сами по себе отнюдь не очевидно рациональны.

Легитимация политики и власти

Несмотря на очевидную справедливость этих замечаний, они не исчерпывают проблемы легитимации, которую можно разработать как целостную и актуальную теорию, предупреждающую к тому же от смешения этой процедуры с легализацией. Не избежал этого смешения и М.Вебер в работе «Экономика и общество». Во всяком случае, он классифицировал способы легитимации, не отделяя их от легализирующих приемов. Эта его классификация признается классической, и часто воспроизводится как веберовское деление на легитимацию по традиции, или обычную (то есть обусловленную обычаем, наследованную, непродуманную, но устойчивую), как, например, признание власти отца, директора и т.п.), рациональную, основанную на доказанных и осмысленно принятых аргументах, и харизматическую, внушенную доверием к эмоциональной, яркой, привлекательной личности лидера, руководителя, вождя, способного увлекать и олицетворять привлекательную идею, либо доверие к самой такой идее. Вебер разделяет эти три типа легитимации (по существу же два — рациональный и иррациональный), но в реальном легитимационном процессе они не только взаимодействуют, но и объединяются в единый механизм легитимации. Характерное для политики сочетание рациональных и иррациональных начал²¹ в процедуре легитимации объясняется самим ее механизмом. Поскольку легитимация представляет собой обращение (апелляцию) к тем или иным аргументам, она рационализируется самой логикой легитимирующих обоснований, какими бы иррациональными ни были сами аргументы. Так логически выстраивается аргументация политики волей Провидения, заветами предков, историей народа, его особыми качествами и т.п. К тому же политика в принципе должна быть рациональной, направленной на достижение тех или иных целей, целесообразной, рационально организованным процессом целеполагания, выбора средств, методов, мобилизации ресурсов и т.п., в этот рационализирующий процесс включена и логика легитимации всех его элементов. Исходный аргумент может быть самым фан-

²¹ Его исследование — одна из больших тем политического знания на всем протяжении его истории.

тастическим (истребление вымышленных врагов, идея расового господства и т.п.), но его иррациональность исчезает в рациональности логически организованного политического процесса (подготовки и проведения войны, например). Ясная, доступная, убедительная, располагающая к доверию, рациональная по всем признакам, такая аргументация представляет или представляется сознанию человека и общества как несомненная истина данной политики. Ее расхождение с истиной мира или общественной действительностью может оставаться совершеннейшей тайной, подобно пресловутому рациональному обоснованию существования бога для верующего человека. Трудно уловимые грани отделяют разные формы или стадии рациональной аргументации политики от ее реальных обоснований — к рационально построенным, но ложным по существу — и даже к полностью абсурдным, хотя и действенным в определенных условиях, иррациональным, но отвечающим конкретным состоянием умов, например, потребности верить в безусловную непогрешимость вождя, универсальности его знаний и пр. Наконец, как и в политике вообще, все непознанное, все вероятностные процессы, которые не могут быть рационализированы, остаются естественным дополнением рациональности — верой, безотчетными убеждениями, доверием к тому, что не поддается рационализации.

Теория легитимации Вебера отличается еще одной особенностью: она характеризует способ легитимации, но не ее содержание. Между тем содержательный анализ разных видов легитимации, иначе говоря, классификация ее аргументов конечно возможна. Она позволяет к тому же обнаружить сложную структуру легитимирующей аргументации, обращенной и к истокам, предназначениям политики и власти, и к обоснованию их целей и содержания политического процесса, вплоть до техники власти.

Поскольку легитимация состоит в обращении к доводу, аргументу, который призван убедить в правильности, закономерности, подлинности политики и в легитимирующей аргументации используется система обращений к идеалам, ценностям, теориям, земным и сверхъестественным персонажам и силам (богу, природе и т.д.) вплоть до практических соображений (интересов, пользы, задач, целей и пр.), все аргументы, как высшие, так и конкретные, призваны доказать естественность, подлинность политики, т.е. максимум того, что можно сказать в ее пользу. Естественна, например, и политика, опирающаяся на доверие и на знание, хотя понимание знания существенно из-

меняется во времени, это может быть знание воли богов, велений природы, желаний властелина, законов общества, его интересов и т.д. Процесс легитимации ведет, таким образом, к открытию истины политики, которая ее оправдывает. Знание истины позволяет определять теоретическое и практическое содержание политики, задачи власти, ее средства, методы и т.д. (ее «истинное содержание»). «Истинная политика» сама по себе верна и оправданна. Апелляция к истине (особенно выразительно разработанная Платоном) — один из самых распространенных видов легитимации. Однако подобная процедура таит в себе несомненный риск: она приводит к проблеме специфики политической истины, настолько относительной в сравнении с истиной действительности, что аргументация способна выйти за пределы рациональных обоснований. Так возникает проблема естественности в политике, столетиями обсуждавшаяся в форме естественного закона: закономерно, т.е. правильно все, что естественно, не вызывает сомнений, общезначимо и общепризнанно как нечто всеобщее²². Формула, как мы видим, тавтологична, но она наделена скрытым и весьма важным смыслом: коль скоро естественное закономерно, то и закон естественен. Отсюда следует один из принципов политики — стремление представить ее естественной, оправданной и закономерной в самом высшем легитимирующем смысле: естественное не нуждается в особом дополнительном обосновании. Отсюда возможность множества реальных и фиктивных апелляций в политике: к справедливости, революционной или демократической, к реализму, безусловной своевременности тех или иных решений и т.д. Не случайны в политике и самые крайние формы естественности, санкционирующие самовластье, деспотизм, субъективизм и т.д.

Политическая истина остается истиной в последней инстанции, пока она действительна в специфических условиях, для которых она выработана. В этом ее рациональность. Она относительна не в сопоставлении с иной, более полной истиной, а в зависимости от ее эффективности. Исчерпав себя, такая истина становится условной или вообще отрицается как нелепость. Так происходит переоценка политических идей, фигур и событий.

Истинно в политике именно то, что она открывает в действительности для формирования политического процесса, выбора це-

²² А не просто и не только данное свыше, богом или просто природой, как обычно принято толковать это понятие (архаическая форма естественного).

лей и средств, организации исполнителей и т.п. Иначе говоря, всего того, что необходимо обществу и без чего неосуществима политика, по крайней мере, с точки зрения ее авторов. Идеальны в этом смысле истины науки, на которые хотя бы номинально ориентируется политика (так называемая «научная политика»). Но и истины науки не абсолютны, особенно общественной и в применении к политике, они формируются и реализуются в острой конкурентной борьбе идей и в сфере вероятностных процессов. К тому же общество многообразно, оно выбирает истинное для него (и потому естественное) из альтернативных вариантов и потому то, что истинно для одной его части — неистинно для другой (вспомним хотя бы дискуссии о направлениях перестройки и экономической реформы в бывшем Советском Союзе, да и в других странах). Далее, существуют интересы власти, которые могут не совпадать с интересами общества или каких-либо его частей, особое видение истины политиками и идеологами. Такова общеизвестная социальная основа проблематики истинного в политике. Другая ее фундаментальная основа — познавательная, гносеологическая, не менее существенная мера возможного постижения действительности, подлинных интересов политики, соотношения реальности с задачами власти, которые, как мы видели, постоянно и весьма неожиданно возникают в обществе, — все это ограничения подлинно истинного знания, доступного политике.

В результате политическая практика вооружается условным знанием, особой «политической истиной» — инструментом, в действительность которого должны верить и власть и народ. Неистинность политики — это самый суровый приговор, полностью ее перечеркивающий. Однако и истинность такого уничтожающего вывода может оспариваться и в свою очередь превратиться в политическую истину, т.е. в истину только для тех, кто в нее верит. Вера (в лучшем случае — доверие) потому и играет столь важную роль в политике. Естественное как бы не проверяется, в него нужно верить. Поэтому и истина становится предметом веры, ибо естественное и есть истинное, а истина — естественна, не подлежит сомнению²³.

²³ Для политической жизни общества подобная логика весьма рискована. Она предрасполагает к самым бездоказательным, нередко фантастическим, произвольным и возбуждающим идеям и действиям, особенно в период смут и раздоров. Не случайно тогда во множестве плодятся предубеждения, на поверхность всплывают политические пороки, экстремизм, шовинизм, национализм и иные весьма опасные отходы политического процесса.

Проблема истины приводит нас к особой проблеме политической философии — юридическому обоснованию политики и к одной из проблем философии права: соотношении права и закона, к которой мы вкратце вернемся в связи с анализом легитимации. Юридическая, правовая легитимация, основа которой — легализация политики и власти, по сути своей шире рамок закона. Представление о праве, правомочности политики распространяется и на систему всевозможных норм (порожденных общественными отношениями, политической практикой, обычаями, традициями, стереотипами культуры, требованиями и законами экономики и т.д.). Соответствие норме придает политике и действиям власти правомочный характер, облик истинности. А так как отнюдь не все отношения и ситуации в обществе могут быть кодифицированы в системе законов, их значительная часть может, и, по-видимому, должна оставаться в нерегулируемой властью сфере культуры, в сфере неформализованных, но действенных нормативных обоснований и регуляций. Эта свобода (при условии достаточной зрелости общества) придает политическим отношениям необходимую для развития динамику (ср. проблему «зарегулированности» общества в командно-бюрократической государственной системе). Таким образом организуется особая культурная легитимация политики очень широким контекстом гражданских, культурно-исторических отношений в обществе.

Руководящий принцип той или иной легитимации может быть выделен как специфический этический аргумент, определяющий ее общественную ориентацию. Этический аргумент политики может быть не только нравственным, как уже отмечалось, но более близким к нравственному его значению. Существует, таким образом, этика справедливости, равенства, человечности, но и этика законности, земного или божественного правопорядка, политической мудрости (Демокрит, Платон), свободы и ее ограничения (Т.Гоббс), космической предопределенности политики (греческая философская традиция, религиозные учения и др.) и т.п.

Сама по себе нравственность политики — это ее чрезвычайно действенный аргумент, и так как нравственность может быть истолкована весьма различным образом и порой спорно, этот аргумент тоже неотделим от критерия истины, которым оценивается политика. Но и толкования истины, как отмечалось, крайне множественны, особенно политической истины. Истинна ли

нравственность той или иной политики? и нравственна ли истина той или иной власти и ее политики? — это вечные и почти всегда спорные вопросы политической жизни. Ответы на них определяются историческим моментом, условиями времени, жизни и политической борьбы, множеством объективных и субъективных причин. Диапазон этих ответов очень широк — от догматической нравственности («если враг не сдается, его уничтожают») до нравственности высших идеалов, конкретных политических ценностей (свободы, равенства и т.п.), от негативной нравственности повиновения, приказа, команды тоталитарных и авторитарных режимов до нравственности демократии со свободным, полным и дисциплинированным участием граждан в политической жизни. Примечательна в этом отношении аргументация Н.Макиавелли, который считал нравственным достижение целей власти любыми средствами и любой ценой (при условии, что иным способом они не достижимы) по той причине, что общество (народ и власть) не готовы к демократии и иному толкованию политики и ее нравственных основ.

Таким образом, и истина, и этика, и нравственность в политике ситуационны, подчинены логике конкретного политического выбора. Вместе с тем, задача человечества состоит в подчинении политики этим высшим ценностям, о чем всегда говорят и сами политики, когда стремятся легитимировать свои действия. Поиски выхода из этого противоречия извечны. Они обычно приводили к апелляции к общечеловеческим универсалиям, высшим критериям прогресса, морали, знания.

Так или иначе нравственная легитимация политики неизбежна. Ошибочно предположение о возможности разделить мораль и политику. Безнравственная политика, даже если представления о гуманности, справедливости, чести и т.п. официально исключаются из ее программы (почти невозможный случай, известный разве что из практики гитлеризма) изобретает свою собственную нравственность.

Итак, когда власть и ее политика теми или иными средствами легитимированы и приняты обществом, следует выяснять, как эта политика реализуется.

Типология и структура политической власти

Можно с полным правом утверждать, что ни одно политическое исследование, ни одна, пусть даже весьма ограниченная и тем более развитая школа политической философии не обходит, не может обойти проблематику структуры и типов власти и политики¹. Практически весь анализ власти опирается на представления о дифференциации ее типов, структурных отношений, социальных, политических и многих иных функций. Структурно-типологические проблемы не только содержательны, но и весьма остры и ценны для социально-политического исследования, если, разумеется, оно само подчинено решению значительных общественных и познавательных задач. Одному из мало изученных аспектов этой темы, которую мы уже затрагивали, посвящена эта глава.

Отношением, которое может быть положено в основу типологии политической власти, служит отношение между субъектом власти разных уровней и обществом, в котором тоже выделяются разные уровни. Ряд важных элементов такой типологии намечен современной политической философией и общественной наукой. В научный обиход экономических, политических, многих естественных наук вошли понятия микро- и макропроцессов. Появился термин мезо-уровня — среднего или промежуточного. Представляется возможным выделить четыре уровня политической власти с присущими им масштабами, объемами прерогатив, средствами, характером и свойствами субъектов власти, ее объектами и отношениями между ними: макро-уровень

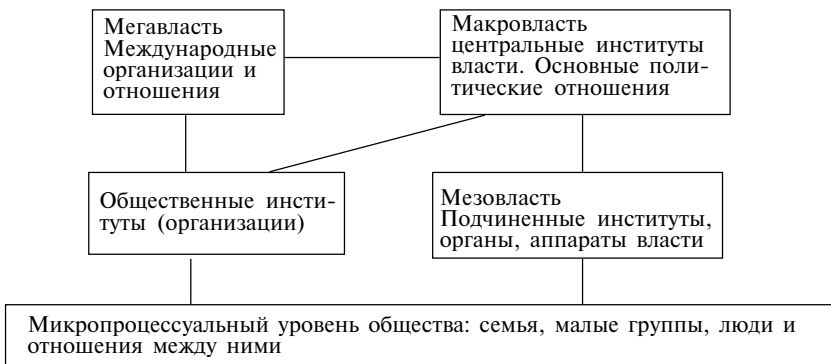
¹ См.: Hage J. Theories of organization. N.Y., 1980.

(центральные институты власти), мезоуровень (органы и аппараты власти, подчиненные политические институты), микроуровень (уровень отношений волеизъявления в личных отношениях между людьми и малыми группами, который мы более не считаем дискуссионным) и мегауровень (распространение центральной макровласти и микропроцессуальных отношений вовне, власть в международных организациях и отношениях).

Взаимодействие уровней и сам их характер требуют особого рассмотрения. Отметим здесь лишь, что они расположены в политическом пространстве не изолировано друг от друга или в какой-либо одной общей плоскости. Зрительно схему их взаимосвязей можно представить как голограмму. Микропроцессуальный уровень, которому менее всего присущи собственные политические структуры и отношения, формирует культурный и интеллектуальный человеческий материал, из которого образуются высшие и средние уровни власти, составляет их социальную ткань. Это также уровень обратных связей, массовый общественный уровень исполнения политики. Поэтому он повсюду политичен и связан с политической властью. Подобная топология власти, так же, как ее типология – важная, но неравномерно и непоследовательно разработанная тема политической философии, хотя она не выходит из поля зрения социологии политических наук и художественного творчества, как все, что касается политики.

Таким образом, типологическая схема политической власти может выглядеть следующим образом:

Схема 4

Такое схематическое распределение политической власти, конечно, упрощено. В нем не показаны связи с другими видами власти, о которых шла речь выше и которые совместно участвуют в воспроизводстве политической и социальной жизни общества. Схема рассчитана на анализ только политической власти вне тех связей, которые уже рассматривались. О макроскопическом уровне институциональной власти ряд вводных положений уже был представлен, о микропроцессах политических и неполитических отношений речь уже шла и пойдет ниже, обратимся теперь к среднему уровню политических отношений и структур власти.

В первой главе уже шла речь о классификациях различных проявлений власти, которая используется для ее определения. Следующим шагом типологического исследования феномена власти (политической прежде всего, но не только) может быть анализ ее места в обществе и в общественных процессах (политическом в первую очередь). По этому признаку отношения власти складываются как отношения между высшими институциональными (политическими, экономическими, правовыми) инстанциями и обществом. Этот уровень можно назвать макроскопическим. Макровласть и макрополитические отношения (организация и регулирование крупных общественных процессов, управление основными сферами жизни общества и ее контроль) осуществляются в оптимальном варианте как взаимодействие субъекта власти и объекта политики, общества в целом и отдельных его частей.

Другой контрагент центральных институтов власти и макрополитики, которую они проводят, — микропроцессуальный уровень самоорганизующихся отношений, о которых уже шла речь выше. Напомним, что это отношения на короткой дистанции между людьми и группами, непосредственно взаимодействующими в повседневной жизни, в труде и любой иной деятельности. Эти отношения включают все обычные проявления власти — убеждение, распоряжение, влияние, принуждение и т.д., вплоть до насилия в разных смыслах. В ответ на эти импульсы в микропроцессах возникают исполнение, следование образцам или разного рода побуждениям и, конечно, повиновение, подчинение. Подобные отношения носят самый разный характер и проявляются фактически во всех сферах жизни общества. Они не знают исключений и охватывают все другие виды и типы отношений, все формы и типы власти.

Политизация самих микропроцессуальных отношений происходит несколькими различными путями. Во-первых, такие отношения составляют духовную и материальную ткань общественного бытия политики и власти; люди в их взаимоотношениях, малые группы, коллективы с отношениями между ними составляют ткань всех политических институтов и неинституциональных связей. Во-вторых, между микро- и макроуровнями существуют постоянные связи кибернетического типа, проводящие политическое воздействие на массовый уровень и ответные реакции микроуровня. В-третьих, на самоорганизующемся уровне происходят собственные политические движения, функционирует демократический процесс, складываются массовые политические мнения и настроения. В-четвертых, этому уровню присуще своего рода иносказание реальной политики и подлинных отношений власти: возникают разного рода «политики» и «власти» — семейные, общественные, производственные, экономические, научные, культурные и т.д. и т.п. В истории политических отношений микроуровень власти всегда, как известно, генерировал ее организованные и институциональные формы. Работы Л.Г.Моргана и Ф.Энгельса, исследования современной политической антропологии — формирования предгосударственных форм власти, выделения вождей («chefferie» — «вождизм») на самом раннем уровне формирования первобытного общества, не оставляют на этот счет сомнений. Процесс этот в модифицированных формах продолжается непрерывно и по сей день и институционализируется в форме выборов, назначений, захватов «власти» и т.п.

Первобытная община, классовое общество все более развитых формаций неизменно вели к выделению из микромира новых политических институтов, их формализации и централизации. При смене формаций новые формы власти зарождались, как известно, в том же микропроцессуальном политическом мире, вступавшем в борьбу с центральными господствующими формами власти. Так, например, формировалась феодальная система власти — от выделения родо-племенной верхушки к образованию племенной знати, созданию союзов формально или практически равных вождей (с соответствующей феодальной вольницей и междоусобицей), далее — к возникновению центральной королевской власти и вассалитета при сохранении крестьянского общинного самоуправления и городского коммунального самоуправления, из которого впоследствии возникли

новые политические силы с новыми буржуазными отношениями. Когда абсолютизм в конце концов подчинил себе феодальную периферию и добился чрезвычайного усиления центральной монархической (то есть государственной) власти, он вынужден был вступить в борьбу с политическими силами нарождавшейся буржуазии. Последствия этой борьбы хорошо известны, они привели к новому этапу противостояния и взаимодействия макро- и микрополитических отношений.

Этот процесс может быть представлен следующим образом (см. схему 3).

В движении от микроструктур и микропроцессов («снизу») к высшим институциональным политическим отношениям и формам власти и возникает средний уровень управления и контроля, организующий и обслуживающий политический процесс, регулирующий конкретные отношения между слоями, классами и отдельными членами общества.

Речь идет о функционировании в обществе особого типа власти и политических отношений, которые размещены в социально-политическом пространстве общества в так называемом публичном пространстве между центральными, государственными институтами власти (макроставью) и обществом с присущими ему самоорганизующимися регулятивными процессами (микропроцессуальными отношениями власти), общественным самоуправлением в приватной частной зоне межличностных отношений, внутри малых групп, неформализованных видах общения и т.п. В этом же пространстве расположена ассоциативная жизнь общества, формализованных и неформальных группировок, партий, союзов, движений и т.п. Власть, о которой идет речь, связывает эти два крайних и весьма различных уровня политических и властных отношений. Поэтому мы называем ее уровень средним, или промежуточным («мезоуровнем» по аналогии с макро- и микроуровнями). Политическое руководство обществом, макроструктуры власти, обладают развитыми аппаратами, осуществляющими власть и проводящими соответствующую политику (административную, научную, идеологическую, экономическую и т.п.).

Формирование и взаимодействие этих организационно-регулятивных сфер — сложный и не во всем изученный процесс, и его анализ — это, конечно, тема более обширного исследования. Здесь мы рассмотрим лишь некоторые проблемы только одной из многих общественных систем — политической.

К выделенному из микроструктур и формализованному уровню промежуточной, средней власти присоединяются формы власти, образованные центральными институтами, их органами, учреждениями, аппаратами, которые также связывают макро- и микроуровни и организуют их взаимодействие. Формирующиеся «сверху», из центра и возникающие на микроуровне структуры власти объединяются в ее средний уровень (см. схему 1).

Средний (мезо) уровень власти

Итак, политическое пространство организовано, как уже отмечалось, не геометрически. Различные уровни власти расположены в нем не в разных его частях, они заполняют его целиком, хотя поле каждой конкретной власти различно по интенсивности в зависимости от ее специфики, может быть ограничено ее функциями, средствами, ресурсами и т.д. Сфера центральной политической власти (ее поле) выходит за территориальные границы государства и распространяется на все общество, но проникновение этой власти в микромир непосредственно осуществляется средним уровнем мезовласти, как политической, так и иной — экономической, правовой, административной, научной и др. Проникающая способность (инклюзивность) власти среднего уровня наиболее высока. Она непосредственно устанавливает связи между людьми, между человеком и обществом и его центральной властью. Через нее осуществляются решения государства и выражается воля отдельной личности или группы. В типологической структуре макровласти этот уровень ближе всего к микроструктурам саморегулирования и поэтому непосредственно занят происходящими в этом процессе событиями.

Мезовласть сама по себе тоже структурна. К ее высшим эшелонам мы здесь относим то, что называют аппаратами власти. Это многочисленные ответвления центрального органа государственной власти. Это аппараты партий, всевозможных законодательных и исполнительных учреждений, администраций, министерств, ведомств, служб и т.д. Свойство мезосферы, в которой функционирует власть среднего уровня, по-видимому, состоит в нарастающем по мере удаления от центральных орга-

нов власти сближении политических и неполитических функций власти. Так, скажем, центр местного городского или сельского управления объединяет практически если не все, то большинство функций, которые входят в сферу прерогатив такого управления. Политизация неполитических видов власти на этом уровне возможна и необходима, как и на всех других уровнях власти, включая высшие, государственные, где политическое, классовое и социальное начала объединены самим процессом институциональной материализации политики. Консолидацию аппаратов власти, их объединение общими интересами, задачами и методами можно рассматривать как процесс кооперации разделенного на разные сферы и функции интеллектуального труда. Именно так трактует эту проблему Н. Пуланзас, хотя идея мезовласти – не его изобретение.

«Разделение труда внутри государства, – указывает он, – ведущее к формированию административного аппарата, армии, школы, средств информации и т.п. дополняется созданием сети объединенных межаппаратных связей, которые представляют в каждом аппарате, внутри его специализации общее им единое начало, правление, состояние в действиях государства»². Таким образом, в системе специализированных аппаратов власти, непосредственно осуществляющих различные функции государства, формируется своеобразная система, общий, унитарный аппарат более сложного и имманентного строения. Иначе говоря, этот «аппарат» представляет собой более глубокую, интимную ткань политической и иной власти, особенно тесно связанную с социальными, экономическими и другими основами и фундаментальными процессами. «Жесткость» этой связи, как отмечает Пуланзас, имеет свою логику. С одной стороны, такой аппарат менее подвержен влиянию конъюнктурных смен правительственного курса и самих правительств и может существовать и действовать в относительном противоречии с официальной государственной или партийной политикой. Политическая «игра» двух- или многопартийных систем в Европе и США об этом убедительно свидетельствует. Этот аппарат, как отмечает Пуланзас, во многом определяет преемственность государства. Он служит и одной из основ государственной бюрократии. Аналогичную роль играют механизмы межинституциональной и меж-

² Poulanzas N. Op. cit. P. 189.

функциональной связи и в политических партиях, структурах местной власти, в общественных организациях и т.п. Подобные механизмы служат продолжением давно известного бюрократического чиновнического выражения власти, но содержательно несравненно более развитым.

Другая сторона объединенного и сплоченного аппарата (мезовласти) – отражение в нем общественных и классовых противоречий, возможность борьбы, борьбы за власть. Именно межинституционные связи делают мезовласть действенным проводником власти правящих сил в наиболее непосредственной и всеобъемлющей форме. Если какой-либо специализированный аппарат власти (например, идеологический, школа или армия) может осуществлять свои функции избирательно либо неполно, ошибочно или даже фиктивно, ткань межаппаратных связей обычно остается неразрывной.

Неоднозначны механизмы, связывающие макро- и микросферы экономической, политической, социальной, культурной жизни общества, которые образуют аппарат мезовласти. Было бы неверным представление о линейности такого рода связей. Одни из них ближе к структурам деятельности, целям и интересам центральных институтов власти, другие – к микроотношениям. По типу социальной детерминации власти и функциям аппарат, о котором идет речь, относится к макросфере власти. По типу диффузного саморегулирования, экстенсивного распространения и относительной автономии он близок к микроуровню. *«Именно рассматривая экономический процесс и производственные отношения как сеть различных видов власти, – подчеркивает Пуланзас, – можно понять, что производственные отношения как отношения власти конститутивно слиты с политическими и идеологическими отношениями, которые их санкционируют и легитимируют»*³. Отношения власти не являются «внешними по отношению к другим типам отношений», подчеркивает он, в частности к экономическим процессам. Власть никоим образом не сводится к государству и не тождественна ему, и если речь идет о власти государства, то она локализована в государственном аппарате и потому отождествляется с государством. Пуланзас, однако, справедливо считает неверным юридическое и обуженное понимание власти государства, сведенное к работе ап-

³ Poulanzas N. Op. cit. P. 39-40.

паратов его общественного «ядра»: армии, полиции, тюрьмы, суда и т.п. Подобный взгляд позволяет думать, что власть существует вне государства: в клинике, госпитале, спорте и т.д., то есть в тех «местах власти», которые сами включены в «стратегическое поле государства», в такие его аппараты, как идеологические, культурные, церковные, которые и образуют совокупность «промежуточной» власти, ее средний, или мезоуровень, даже если они юридически не относятся к государству.

Взаимодействие центральной и промежуточной власти организуется как сочетание двух политических процессов. С одной стороны, государство «все более и более концентрирует в себе различные формы власти», начиная с разделения физического и умственного труда до «коллективного потребления» (транспорт, жилище, здравоохранение, досуг и т.п.). С другой стороны, власть правящих в обществе сил (классов, партий и т.д.), не только экономическая, всегда превосходит рамки государства. Она переносится его аппаратами в общество, достигая малые группы и отдельного человека. Это особенно относится к идеологическому аппарату, идеологии, превосходящей рамки отдельных аппаратов власти. Отсюда и известная нам власть аппаратов и номенклатуры.

Уже М.Вебер видел в аппаратах/институтах место зарождения и первичную сферу формирования отношения власти. Подобный подход не грешит ни этатизмом, ни институционализмом. Возможна, однако, и другая тенденция: расширить истолкование власти за счет неинституциональных процессов, в которых она действительно формируется, как уже говорилось выше. Так, для Пуланзаса наиболее глубокой основой отношений власти, доминирующей над государством, служит не только общественная борьба, но некая совокупность всех видов борьбы, включая политическую и идеологическую, в которой определяющую роль играют производственные отношения. Вместе с классовыми отношениями вовлеченные в эту борьбу аппараты власти включают и все их аксессуары. В наибольшей мере именно они связаны с дисциплинарными процедурами, распространяющимися на общество. В соответствии с родом этих процедур, аппараты власти четко дифференцированы. Они входят в соответствии с их функциями в структуру специализированных общественных учреждений: школу, армию, тюрьму и т.п. Отсюда и М.Фуко ведет свой анализ дисциплинарных механизмов власти. Такого рода учреждения формируют особый класс средств

власти, которым Фуко отводит важное место в технике власти (надзор, наказание, выучка и т.п.)⁴.

Пуланзас отмечает и некоторые другие моменты деятельности механизмов власти.

Существует, пишет он, разделение функций между наглядным (включая физическое, телесное) воздействием на тело субъекта и идеологическим воздействием: легитимацией насилия и внушением. Соответственно различаются аппараты: репрессивный, идеологический, культурный, информационный, религиозный и т.п. Но это юридический образ власти государства, не включающий реальное функционирование ее аппаратов по производству и воспроизводству общественных отношений. Эти функции осуществляются различными путями.

Власти среднего уровня, дифференцируясь в форме различных учреждений, могут переходить границу, за которой они становятся «невидимыми» для общества, скрытыми, не утрачивая при этом своего значения и своих функций и даже, напротив, укрепляя их. В эту категорию входят и скрытые правящие силы, организации крупного бизнеса, замкнутые и нередко конспиративные клубы правящей верхушки, интеллектуальной политической элиты и т.д.

Внимание политических исследователей, социологов и философов в последние десятилетия неоднократно обращалось к такого рода скрытым формам власти и мы о них уже писали как о способе разделения власти. Н.Боббио выделяет две различные формы власти в зависимости от ее «видимости», чрезвычайно важным критерием демократической политической системы, поскольку демократия — это правление видимой, власти, которая осуществляется или должна осуществляться публично. Такое правление подобно спектаклю, на который приглашены все граждане. Уже две тысячи лет тому назад Платон обозначил ее термином «театрокрация».

Анализ власти и тем более аппаратов и учреждений среднего уровня был бы неполным, если бы он не охватывал проблему кадров власти, составляющих особую категорию государствен-

⁴ М.Фуко именует их обобщенно «устройствами», механизмами («dispositifs»), которые организуют власть в микромире. Учреждения (аппараты) власти, видимо, близки к такого рода «диспозитивам». (См.: *Foucault M. Surveiller et punir*. P., 1975).

ной и иной бюрократии, чиновничества. По существу, эта категория работников аппарата власти конкретно и непосредственно осуществляет те именно функции организации, регулирования и контроля политической и любой иной жизни общества, которые выше обобщенно именовались механизмами, аппаратами и т.п. Некоторые объективные особенности функционирования этого аппарата определяют его специфические качества, которые отрицательно расцениваются обществом и негативны по ряду признаков при всей необходимости самого аппарата. Речь идет о бюрократии и бюрократизме, которые уже в весьма отдаленные эпохи превратились в общественную проблему.

Существует солидная философская традиция исследования бюрократии⁵. Гегель заложил ее основы. Он обратил внимание на онтологическую специфику средства и цели в деятельности аппарата управления: средство обладает той «всеобщностью наличного бытия», которой лишена цель — «субъективная единичность». В этом «преимущество» средства, ибо «единичность» цели не объективна, цель не существует иначе, чем идеал, замысел (в этом смысле она и «субъективна»)⁶. Средство поэтому предопределяет цели (объект целеполагания). Но это «преимущество», если так продолжить анализ, оказывается условием того, что власть, утрачивающая связи с целью, может предпочесть определенность своих методов неопределенности целей, или другими словами, неочевидности результатов своей деятельности, превращаясь в деятельность, лишенную исходных установок. Такая власть становится сама целью собственной политики (ее частной целью). Разработанный в процессе целеполагания (идеализации, выработки целей) замысел, эта «субъективная единичность» политики утрачивается как цель и сохраняется только как предлог, мотивировкой самоцельной политической деятельности бюрократического аппарата, ее конкретной и непосредственной причиной. Общая (идеальная) цель оказывается не только недостижимой, но и утопической, приближение к ней делается невозможным и перестает быть задачей власти либо остается лишь формальным обозначением ее.

⁵ Автор, естественно, намечает здесь лишь некоторые, но исходные философские аспекты этой традиции.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1939. Т. 6. С. 202.

Средство имеет и другое содержание, которое связывает его с деятельностью, — это власть как средство реализации политики. Очевидно, в только что рассмотренном случае именно это содержание и должно в бюрократизированном политическом процессе возобладать вместе с утратой содержательного отношения с целью: само осуществление власти оказывается ее политической целью, гораздо более определенной, чем все прочие цели.

Если же власть, ее аппарат, ее организация становятся самоцельными, ориентированными на самосохранение, то сама политика превращается для нее в средство вместе с утратой ее первоначального отношения с общественной целью политики. Но власть ради власти и ее собственных целей имеет еще одно объяснение: функциональная взаимосвязь власти и политики делает возможным превращение средства в цель, а цели в средство: и власть и политика служат друг для друга и целью и средством. Бюрократические дисфункции начинаются, когда такая взаимосвязь становится односторонней зависимостью, самоцелью политики оказывается власть; политика становится прежде всего средством воспроизводства власти и т.д., общественные же цели политики отступают перед самоцелями власти. На уровне мезовласти такого рода трансформации и проявляются как ее бюрократизация.

Живая ткань власти: отношение управления и самоуправления

Однако существует и еще одно различие между средством и целью, которое побудило Гегеля говорить о средстве как «более высоком» феномене целеполагания, более «почтенном», чем цель. Дело в том, как поясняет Гегель, что человек владеет деятельностью, но не ее целями⁷. Объективности наличных средств цель противостоит как альтернативная возможность, вероятность решения. Однако превращению этой возможности в действительность подчинены средства политики. Поэтому и власть подчинена идеализации, определению целей в политическом процессе, а затем и их реализации. Подчинение власти политической

⁷ Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1939. Т. 6. С. 205.

цели, понимаемой как историческая или общественная необходимость, — важный фактор адекватности средств и цели.

Нарушение этой адекватности также ведет к доминированию средств над целями, аппарата власти над целями политики, если в самой идеализации заложена ошибка, цель определена либо неверно, либо в ходе ее реализации возникла опасность, что реальный политический процесс может привести к непредусмотренным результатам. И этим путем мы приходим к тому же выводу: средство функционирует так, как если бы оно соответствовало замыслу, в действительности же оно обособлено от него.

Как известно, после Гегеля Маркс в «Критике гегелевской философии права» продолжил исследование бюрократии. Марксистская и немарксистская политическая литература на эту тему обширна и достаточна известна. Современные исследователи, однако, дали ряд новых объяснений процесса формирования аппаратов и кадров власти и ее бюрократизации, особенно управляющих механизмов мезополитики. Исследования в этой области вкратце резюмируются следующим образом.

Управляющая система по своей информационной емкости должна соответствовать многообразию возможных состояний управляемой системы, в которых последняя может оказаться в процессе своего внутреннего развития или в результате воздействия на нее внутренних и внешних факторов. Разнообразие состояний управляемой системы требует определенного разнообразия и организации также и управляющей системы. Но информационная емкость управляющей системы всегда беднее управляемой, хотя она не должна быть ниже определенного предела (предела необходимого разнообразия, по Эшби)⁸. Согласно закону Эшби, разнообразие (неопределенность) поведения управляемого объекта может быть уменьшено за счет соответствующего увеличения разнообразия, присущего субъекту управления. Когда же это соответствие нарушено, управление становится невозможным или малоэффективным. Если состояние системы измышлено, то управление на основе неадекватного представления о ней ведет не к уменьшению энтропии, а к ее увеличению, то есть к нарастающему дефициту информации и уменьшению меры организации системы управления. Этот процесс и означает проявление и рост ее бюрократических свойств.

⁸ См.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.

Поэтому к свойствам управляющей системы предъявляется ряд требований: более высокая степень упорядоченности и организации, специфическая структура, созданная для выполнения целевых функций системы (включающая механизмы прямой и обратной связи с окружением, обмена информацией со средой, регулирования и т.д. и т.п.), относительно развитое целеполагание, более высокий уровень идеализации и т.д. Если управляемая система по всем этим или некоторым характеристикам превосходит управляющую, возникновение бюрократических ситуаций неизбежно. Тогда управляющие действия не окажут регулирующего влияния на управляемую систему, она будет эволюционировать по правилам собственного самоуправления. Политические цели власти могут при этом оказаться неосуществимыми. Непонимание этого и всякие попытки реализовать проект управления в столь невыгодных условиях, несомненно, приведут к бюрократическим решениям. Если же нормальная асимметрия систем (управляющий аппарат – управляемый объект) своевременно не восстановлена и их взаимодействие не организуется, то вместо устранения бюрократических тенденций, повышения качества политического проекта и эффективности аппарата власти возможна и иная реорганизация: изменяется не управляющая система, а управляемая с целью понизить уровень ее организации, сделать ее менее сложной и легче управляемой простейшими средствами⁹.

Задача управления, преследующего в какой-то мере общезначимые позитивные общественные или общечеловеческие цели, – перевод управляемой системы в более упорядоченное состояние вместе с повышением эффективности управляющей системы на всех ее уровнях. В этом случае взаимодействие систем происходит как регулирование извне и самовоздействие-саморегулирование в самой управляемой системе. Поскольку же такие системы непрерывно расширяются и усложняются, соответственно умножаются функции власти и разрастается аппарат управления с одновременным усилением централизации самого управления. Этот процесс подвергается острой критике и расценивается как одно из проявлений кризиса власти. У теоретиков

⁹ Это путь репрессивных, тоталитарных режимов, с командно-приказным управлением, жестким политическим и экономическим планированием и т.п. «атрибутами». Подобный путь обычно ведет в жизни общества к состояниям, получившим ныне наименование застойных и примитивных.

управления возникает «лишь отчасти шуточный» вопрос: управляемо ли само государство? В западной, в частности американской, науке широко распространяется теория «перегрузки» государственного аппарата. Выполнение возрастающих по объему и по большей части новых для государства функций (управление экономикой, научными и другими учреждениями государственного подчинения) ведет ко все более острым организационным проблемам: кризису способности власти к самопониманию, «инкрементализму» (безудержному разрастанию учреждений), к превышению допустимых, с точки зрения работоспособности, объемов аппаратов мезовласти. Сложность внутреннего устройства и внешнего окружения аппаратов власти считается в теории организации жестким ограничением их эффективности. Эти ограничения объясняются внутренними проблемами руководства обширными и сложными системами управления и их контроля. Превышается также *«предел допустимого соперничества между бюрократическими учреждениями... Правительственная политика не становится продуктом рационального выбора, гораздо чаще она отражает соотношение сил бюрократического соперничества»*¹⁰.

Считается, что сама пирамидальная структура организации власти ограничивает ее объем, поскольку пирамидально сформированная организация порождает некомпетентность, низкую нравственность, снижающую ее эффективность. Управляющая организация такого строения имеет тенденцию замыкаться в самой себе по отношению к окружению и в результате становится неспособной «обучаться». Ее работники управляются методами принуждения и иерархического контроля, в том числе и контроля ее кадрового и структурного роста. В этой ситуации у работников аппарата остается весьма мало возможностей для проявления инициативы. Результатом самоизоляции такой организации становится расшатывание ее позитивных характеристик и в особенности ее способности обновляться.

«Инкрементализм» порождает в руководстве постоянное напряжение. Инкрементальное правление не предвидит проблем. Обычно оно реагирует на них с опозданием, когда они обостря-

¹⁰ The global predicament: Ecological perspectives on worldorder / Ed. by D.W.Orr. M.S.Soroos. Chapel Hill, 1979. P. 313.

ются. Такое правление — «чаще всего консервативная сила»¹¹, неспособная направлять движение общества.

Объективные и субъективные процессы (которых тоже немало — преследование личных интересов определенного клана, группы и т.п.) в итоге приводят к возникновению замкнутых самоуправляющихся образований внутри аппаратов власти. В этом самоуправлении, естественно, и возникают системы социального, идеологического, родственного взаимодействия, патернализма и кумовства.

Деятельность аппаратов мезовласти, конечно, не сводится к негативным аспектам — это сравнительно редкий случай их полного бюрократического перерождения. Необходимость власти среднего уровня определяется ее позитивными функциями. На их исследовании концентрируется внимание политико-философской теории, но и анализ дисфункций мезовласти составляет ее важную теоретическую и практическую задачу. Эффективность власти и политики тем более не определяется функционированием мезовласти или вообще какого-либо одного уровня власти. Это проблема любой политической системы и политики той или иной страны в целом, а также взаимодействия различных уровней и структур политической организации общества. Поэтому прежде, чем затронуть проблему эффективности, следует остановиться еще на одной из важнейших проблем политики (уже намеченных в теме разделения власти) — соотношения управления и самоуправления в обществе.

Ни центральная власть, ни органы промежуточной власти, которая непосредственно обращена к обществу, не образуют всей сферы власти в обществе. Они организуют и регулируют не инертную, аморфную массу, а активную социальную среду, сложную систему своими организационными и контрольными механизмами и отношениями власти. Так же, как другие регулятивные сферы, эта система относительно автономна и одновременно связана с другими аналогичными регулятивными механизмами. Из этих связей политические отношения принципиально ничем, по-видимому, не выделяются. Если сфера культуры и ее механизмов полностью охватывает всю микропроцессуальную систему общества, все его классы, то то же место занимают в обществе и сферы морали, экономических отношений и других,

¹¹ The global predicament. Chapel Hill, 1979. P. 313.

включая и отношения власти, которые также проникают во все общественные структуры, где они взаимодействуют с неполитическими видами власти — семейной, сословной, половозрастной, властью педагога и наставника, руководителя («лидера») в различных коллективах и т.д. вплоть до власти одного индивида над другим в межиндивидуальном общении.

Если политический характер отношений власти утрачивается по мере ее диффузии в обществе, то в целом вся регулятивно-организационная система микропроцессуальной власти составляет не только культурную или какую-либо иную, но и адекватную политическую сферу, с которой соотносится центральная политическая власть.

Ряд значительных открытий заметно изменил подход к проблеме власти. Традиционное, но широко распространенное представление об одностороннем асимметричном отношении субъекта власти к ее объекту, в котором действие субъекта (носителя) власти выступает как причина действий объекта, которые оказываются следствием этой причины, дискредитировано объективным ходом политической жизни и ее анализом. Отношение власти, побуждение-действие (управление-исполнение или, в терминологии Френда, командование¹²-подчинение) не односторонне. Оно двусторонне по двум, по меньшей мере, причинам: самостоятельности политического объекта и его способности к самоуправлению. Оба эти свойства проявляются не только в сопротивлении власти (давно известный феномен), но и в согласии с ней, и потому направляющее (командное) воздействие власти реализуется как ее взаимодействие с самоуправляющимся объектом (обществом, классом, группой, индивидом).

Самоорганизация управляемого политического объекта эволюционировала во времени и при переходе в разного рода последовательно сменявшие друг друга структуры — от первобытной до крестьянской общины предкапиталистического типа, общинной и цеховой демократии, производственной и профессиональной коллективности различных типов, вплоть до современных профсоюзных, общественных, партийных и многих других.

Возникшие в буржуазном обществе новые формы демократии (при всех ее хорошо известных ограничениях) достигли со-

¹² Стоит, видимо, отметить, что французский термин означает также управление людьми и вещами.

временной формы так называемой «демократии участия» — навяванного борьбой масс участия в некоторых процессах управления. Завоеванием организованных масс явилось демократическое право политического протеста, борьбы за гражданские права и экономические требования.

Таким образом, если развивались и совершенствовались, усложнялись и переходили к более гибким, динамичным методам политические и неполитические централизованные институты власти (макровласти), то аналогичный процесс происходил и в другой, управляемой стороне «властного» отношения субъект-объект. Вместе с развитием и усложнением всех аспектов жизни общества растет и взаимосвязь обеих сторон этого двустороннего отношения. Отсюда, в частности, идеи социал-реформизма, консенсуса, общественного порядка в социологии и социальной философии, общего блага в политике, политической экономии, идеологии и общественной теории в целом.

Современные кибернетические теории организации и управления показали значение обратных связей в отношениях между субъектом и объектом власти. Наконец, для новейших синергетических¹³ воззрений неупорядоченные спонтанные процессы предстали как самоуправляющиеся и саморегулирующиеся. Такое свойство живых систем может быть распространено и на общественные системы. Тем самым микропроцессуальная среда общества со свойственными ей отношениями власти получает объяснение как среда с процессами самоорганизации и саморегулирования.

Очерченная здесь поневоле столь кратко новая проблематика политической философии и научной теории обсуждается как дилеммы организации — самоорганизации, деятельности — самодеятельности, рационального детерминизма — вероятностных, стохастических, включающих случайные события, статистических процессов, централизации — децентрализации, сочетания или противостояния государственных — общественных форм и центров власти, этатизации (огосударствления) — дезэтатизации.

Как структурно организованное саморегулирование, самоуправление во многом изучено различными социологическими дисциплинами. Какое место занимают в этом процессе отноше-

¹³ Саморазвивающихся за счет внутренних ресурсов.

ния власти — предмет исследования также и политических наук. Известны исследования политического поведения, поведения избирателей и многие другие. Все конкретные механизмы, как и в других областях, политическая философия оставляет конкретным нефилософским наукам. Для нее остается обширное поле ее собственных мало исследованных проблем.

Одна из таких проблем — порождение власти в процессах саморегулирования и возможность (пока, насколько можно судить, еще никем не реализованная) построить какую-либо типологическую схему микровласти.

Предварительное обсуждение такой возможности может показать насколько это предприятие реально.

С точки зрения универсалистской концепции власти, она имманентна любой деятельности как отношение командования-повиновения (или распоряжения-исполнения и любых других аналогов таких отношений). Как считает Френд, командование состоит в иерархическом отношении между одним носителем воли и другими внутри группы. Оно направлено на ее упорядочение. Политическое командование редко осуществляется в наше время непосредственно, оно опирается на аппарат управления, на социальные слои и классы. Социальная совокупность, проводящая команды, образует власть, которую Френд определяет следующим образом: *«Власть — социально структурированное руководство, разделенное на иерархические функции, носителями ее являются один или несколько социальных слоев, изменяющихся в зависимости от режима. В этом смысле власть по своей сущности — социологическая реальность, предпосылкой которой служит существование командования (распоряжения)»*¹⁴.

Вместе с тем, в основу представления о власти может быть положена исходная мысль Вебера о власти как продолжении социального действия, движимого волей его агента вызвать действие другого лица (субъекта власти и ее объекта) или добавим: порождение волей субъекта власти социального действия другого лица.

Отсюда и известное определение М.Вебера самой власти как социального действия: *«Мы понимаем под действием поведение человека (не имеет значения, идет ли речь о внешнем или внутреннем акте, о несовершении поступка или о том, что человек*

¹⁴ Freund J. L'essence du politique. P. 108.

переносит) постольку и поскольку агент или агенты действия придают ему субъективный смысл. Под социальным действием мы понимаем такое действие, которое в соответствии с избранным смыслом его агент или агенты передают поведению другого, чтобы ориентировать его продолжение как следствие самого действия»¹⁵.

Поэтому власть Вебер предлагает считать «шансом индивида добиться торжества своей воли в некоем социальном отношении, вопреки сопротивлению, не вводя в расчет то, на чем этот шанс основан», идет ли речь о страхе, уважении, полезности, выгоды, традиции и т.п.¹⁶

Ориентация Вебера на индивида и межиндивидуальные отношения в принципе может быть преодолена, поскольку его определение приложимо к отношениям власти всех видов (что и делают его многочисленные последователи). Важно при этом, что оно действительно объясняет социальное действие как такое, в котором присутствуют отношения власти. Такое определение по-своему и более доказательно, чем наличие друга или врага, объясняет универсальность власти.

Социальное действие в таком широком смысле межличностных отношений, а следовательно, и микроотношение власти и составляют механизм или один из механизмов самоуправления и саморегулирования в обществе. На этом уровне происходит согласование индивидуальных и групповых интересов, решаются вопросы обыденной жизни, общения, творчества, производства.

Саморегулирование давно открыто в товарно-денежной экономике, в социальных отношениях, в культуре, искусстве. Политика, как видно, осталась последней (или одной из последних) сфер жизни общества, где саморегулирование и самоуправление стали предметом обсуждения сравнительно недавно. Следует оговориться, что в отечественном и зарубежном марксистском общественнознании процессы политического саморегулирования традиционно исследуются в терминах массовых народных и революционных движений, стихийных движений общности, социального расслоения (деревни, общины), в исследованиях новой послереволюционной власти и мн. др. В последние годы идея переоценки стихийных социально-по-

¹⁵ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 1.

¹⁶ Ibid. S. 28.

литических процессов как процессов саморегулирования стала в некоторых работах формулироваться достаточно отчетливо¹⁷.

В то же время в современных общественных исследованиях продолжалось совершенствование конкретного и формализованного аппарата микропроцессуального знания. Известны достижения социологии в анализе отношений в малых группах, между индивидами, социальных ролей, лидерства и т.п. — практически во всех сферах жизни и деятельности.

Микромир и отношения в нем, в том числе и отношения власти, исследуют, как известно, многие науки (именуемые на Западе «науками о человеке») — социальная антропология, социальная психология, конкретные политологические дисциплины так называемого бихевиорального «поведенческого» направления и другие. В отличие от обычного (неоднократно отмечавшегося) процесса перехода проблем и целых исследовательских областей от политической философии к нефилософским наукам, в области микропроцессуальных явлений политическая философия, как видно, идет вслед за конкретным знанием. Не удивительно, если многие проблемы для нее остаются не только дискуссионными, но и мало исследованными. К таким проблемам относится соотношение микро- и макровласти и соответствующих политических явлений.

М.Фуко исследовал и показал механизмы подготовки микромира к его использованию центральной властью на той стадии, когда абсолютизм подчинил его своим дисциплинарным механизмам, муштруя одновременно и готовя человека к жизни и труду в будущем промышленном буржуазном обществе.

Эта взаимосвязь также подтверждается фактами: последовательным разрушением общины разных типов, родоплеменных отношений, имеющих свои особые процедуры выделения власти, распаде так называемых традиционных крестьянских связей, о котором писали К.Маркс и Ф.Энгельс и которые стали предметом бесчисленных социологических исследований индустриализации, урбанизации, секуляризации, явлений аномии и отчуждения и мн. других.

В современной политической теории все эти движения осмысленны неполно и двойственно. Для значительной части философов политики и для политологов предметом исследова-

¹⁷ См., например: Керимова Т.В. Социальный прогресс и управление. М., 1980. С. 174.

ния остается централизованная (макро) власть. Микропроцессы в их трактовке — это уровень исполнения импульсов институциональной власти. Другие, менее многочисленные авторы, увлеченные вслед за Фуко исследованием микропроцессуальной власти, отказываются видеть ее связь с центральной властью и вообще предпочитают ее не замечать, прокламируя ее крушение. Власть для них — это власть микроотношений. Так отражается одна сторона процесса противостояния двух взаимодействующих уровней власти. Третьи, как, например, Дюффрэнн, осознают противостояние двух уровней власти, но не их связи. Для академических школ, представленных здесь Ж. Френдом, универсальность отношений власти снимает и противостояние, и эту связь уровней. Соответственно варьируются и мнения о власти — от невнимания к микропроцессам до утверждений об их преобладании, ослаблении и кризисе центральной власти.

Кризис центральной власти в капиталистическом государстве — особая тема для политической теории, которой она неустанно занимается вместе с теориями управления и организации, социологией и другими дисциплинами. Но если бы ослабление такой центральной власти было доказано, то речь могла бы идти не об ослаблении ее вообще, а именно об очередном процессе разрешения противоречий политического развития, о котором только что говорилось.

Обвинения государства в гигантизме, неоперативности, бесчеловечности, разрыве с регулятивной сферой общества сыграли важную роль в широком распространении утопических теорий децентрализации общества, его разделения на автономные самоуправляющиеся общины.

Сфера микропроцессуального самоуправления — это вся неформализованная или формализованная в начальной форме влияния, принуждения жизнь общества, сфера повседневности и в то же время народной жизни, где формируются массовые социально-психологические, эмоциональные процессы, складываются те или иные состояния массового сознания. Что они политизированы или могут быть политизированы либо стихийно, либо под воздействием центрального правления, видимо, не может вызывать сомнений. Во время политических мобилизаций общества (в критические моменты его жизни) правящие власти обращаются именно к этой саморегулируемой среде.

В политической философии обновляется давнее противопоставление общества и братства людей (*Gesellschaft* è *Bruderschaft*).

Самоуправление рассматривается как действенное средство борьбы с этатизмом.

Модель этатическая, пишет Л.Коэн-Танюжи, «начинает проявлять признаки истощения перед лицом множества сочетающихся проблем: экономических и финансовых, технологических, идеологических»¹⁸. Эти противоречия направляют общество (Коэн-Танюжи имеет в виду «французское общество») к другой модели – саморегулирующегося общества. *«В такой модели общество живет независимой от государства жизнью и располагает собственными инструментами регуляции»*¹⁹. *«... Саморегуляция, – полагает он, – несомненно, отображает большую зрелость и большую самостоятельность гражданского общества, чем государственный способ регуляции, при котором общество живет под опекой, как бы инфантилизированное»*²⁰.

Политическая философия, как уже отмечалось, отнюдь не чужда утопизму. Утопизм популистского, народнического толка дает себя знать и в апологии самоуправления. Верно оценив самоуправление как средство, Коэн-Танюжи отмечает его историзм.

Вся история Франции, подчеркивает он, это наследие абсолютизма и конфликтов старого режима, революционные теории закона и общей воли, наполеоновская кодификация – все это отнюдь не послужило возвеличению права, как часто думают, а напротив, способствовало подчинению юридикзма политике, поглощению права политикой, его интеграцией с государством.

*«Преобладающая во Франции со времен революции концепция права, – пишет Коэн-Танюжи, – превратила его в орудие государственной опеки над гражданским обществом. Право есть эманация государства, освященная суверенностью закона; правосудие, эта общественная служба, интегрированная государственным аппаратом»*²¹.

Результатом этатизации права стала деюрисдикция общества, находящаяся в противоречии с теориями служения обществу, всеобщего интереса, идеологии диалога, солидарности и социальной справедливости.

¹⁸ *Cohen-Tanugi L. Le choix sans l'Etat: Sur la democratie en France et Amerique. P., 1985. P. 5.*

¹⁹ *Cohen-Tanugi L. Op. cit. P. 5.*

²⁰ *Ibid. P. 6.*

²¹ *Ibid. P. 62.*

Идея Фуко о юрисдикции, которая монопольно представляет власть как код, язык, инструмент политики, обращена, отмечает Коэн-Танюжи, к анализу монархического института власти как инстанции регуляции, арбитража, разграничению множества феодальных, аристократических проявлений власти и целостной юридической системы монархии. Объединение политической и юридической власти самодержавной и абсолютистской монархией не может рассматриваться нормой современной политики. Восстановление юридического начала на новой основе распределенной власти — путь к сохранению за правом его функции представлять власть, то есть защищать гражданина и гражданское общество от противоправных и неконституционных действий властей.

В самом деле, диффузная власть, микровласть, лишена своего юридического выражения, если не существует демократического механизма обращения власти к закону, юридической регуляции. Это последняя, как полагает Коэн-Танюжи, служит установлению равновесия властей. Действительно, во взаимоотношениях макро- и микровласти (и соответствующих «политик») равновесие, то есть эффективное и непротиворечивое взаимодействие, необходимы. Сама политика служит наиболее эффективным началом такой регуляции. Но политика государства, макрополитика расценивается (и вполне обоснованно — речь идет о политике буржуазного государства) как противостоящая распределенной власти, и диффузной микрополитике, и обществу с его историей борьбы за демократию и против засилья государства. Коэн-Танюжи уже обнаруживает в современном — американском — обществе самоуправление, сложившееся при посредстве отделенной от государства правовой контрольной системы. Возможно, это заблуждение или преувеличение, но сама по себе мысль Коэна-Танюжи затрагивает сразу ряд острых проблем политической власти: отношение власти и закона, возможности такой связи институциональных регулятивно-контрольных механизмов, при которой они корректируют друг друга; коррекция эта производится в интересах общества и отдельного человека и, следовательно, один, по крайней мере (правовой), механизм оказывается инструментом саморегулирования.

Возрастающая сложность общества, продолжающееся развитие демократии, создание новых средств социальной организации, основанной на распределении власти и ее горизонталь-

ной коммуникации, требует новой, более развитой, юридической системы.

Помимо политической власти в такой системе развита и юридическая власть. Она состоит, помимо судебной власти, во влиянии права и юридической проблематики как способа социально-политической регуляции и во власти совокупности юристов в обществе и государстве. Такое определение сталкивает оба вида власти, и Коэн-Танюжи это признает. *«Судейская власть состоит в конкуренции с исполнительной и законодательной, — пишет он, — которые связаны с политикой; юридические профессии могут принимать более или менее важное участие в разрешении конфликтов, волнующих общество и в определении отношений между сторонами, право может быть более или менее эффективной формой социальных и экономических регуляций, соревнующихся с деятельностью государства»*²².

Движение к самоуправлению, как считает Коэн-Танюжи, объективно и аргументируется фактами. Повышение уровня образования и революция коммуникаций бесповоротно осуждают представительную демократию. *«Непосредственно информированные, более способные судить о событиях, граждане не желают доле полностью и необратимо делегировать свою суверенность. Не будет ли когда-нибудь мандат представительства (американской!) цивилизации складываться, как считает Коэн-Танюжи, из правовых правил и рынка: с одной стороны, плюрального, атомизированного общества, которое саморегулируется посредством правил права, реализуемых юридическими механизмами; с другой стороны, рыночной экономикой, управляемой законом спроса и предложения (под надзором антitrustовского законодательства — Коэн-Танюжи все же вводит государство в процессы регулирования).*

Коэн-Танюжи выделяет из ведения государства и экономику. Экономическое саморегулирование в сочетании с правовым обеспечивает новые отношения самоуправления общества с государством, из-под опеки которого оно выходит. Не государство в его концепции воздействует на самоуправление и контролирует его, а самоуправление должно стать регулятивным институтом, контролирующим государство.

²² Cohen-Tanugi L. Op. cit. P. 69.

²³ Ibid. P. 84.

Однако только правовые гарантии самоуправления, как его себе представляет Коэн-Танюжи, не могут обеспечить его противостояние центральной власти. (Коэн-Танюжи, естественно, мыслит их отношения только как противостояние). Поэтому он и связывает такое саморегулирование с экономическим саморегулированием. *«В саморегулирующейся модели, — подчеркивает он, — главный инструмент регуляции общества, параллельно функции рынка в экономической области, это юридическая система, которая определяет соответствующие компетенции и отношения различных агентов, включая государство»*²⁴.

Государственно-монополистический капитализм концентрирует власть и стремится регулировать экономические отношения в силу необходимости предотвратить их кризис. Суть протеста против этатизма и есть борьба против этого нового абсолютизма, который, как пишет Коэн-Танюжи, сковал общество монополистами, которые могут сообщаться друг с другом только через государство, рынок остается под гнётом регламентированной или контролируемой экономики, которую характеризует центробежная (центростремительная) модель. Эти два движения олицетворяют ее, в отличие от многополюсной и договорной, то есть более развитой модели.

Развитое самоуправление и сочетание централизованных и децентрализованных механизмов власти, несомненно, наиболее эффективная модель политического и социального, экономического или культурного развития и управления им. Коэн-Танюжи использует этот аргумент.

*«Модель договорного общества, — пишет он, — противостояит вполне естественно, по самому смыслу слова, другой основной регулятивной модели — модели общественного договора, глобальному макро-контракту, объединяющему общество в совокупности, чтобы дать начало государству, статьи которого сводятся к полной и абсолютной передаче власти от общества — государству»*²⁵.

Более того, он сознает, что сильная политическая государственная власть тоже служит гарантом самоуправления. *«Но договорное общество — не антитезис общественному договору и не исключает его, — подчеркивает он. — Оно интегрирует, напротив, регламентацию, институты, статус и балансирование сил,*

²⁴ Cohen-Tanugi L. Op. cit. P. 7.

²⁵ Ibid. P. 10.

категорий, которые отличаются от классического контрактуализма»²⁶. Поэтому «в военной, политической, дипломатической областях сильное государство — лучший инструмент. В экономике и культуре, — к которым теперь переместился решающий акцент, никакое государство не сумеет заменить динамизма и жизнеспособности общества»²⁷.

Коэн-Танюжи — выразитель весьма распространенных идей. В борьбу против доминирования государства включились сейчас многие — и левые и правые²⁸. Апология суверенной власти народа, общественного самоуправления, как известно, сама по себе не нова, как и защита свободы предпринимательства. Идет борьба двух тенденций — обобществления и концентрации государством и силами центральной правительственной власти или частного и коллективного корпоративного капитала. В объективном процессе обобществления и концентрации средств производства и капитала, экономической и политической власти настал период, когда государство как конкурент оказывается несостоятельным, а как правящая власть — не эффективной. Государство обвиняется поэтому в расточительной социальной политике, чрезмерных тратах на общественные нужды и во многих других просчетах и дефектах, но особенно в нерациональном ведении хозяйства, которое экспансивная конкурентная экономика рационализирует жесткими методами замены живого труда техникой со всеми последствиями — безработицей, давлением на человека, его права и т.д.

Идея прогрессирующего самоуправления, как его представляет себе Коэн-Танюжи²⁹, в такой ситуации приобретает особое значение и новый, очень актуальный смысл. Она реальна как самоуправление и саморегулирование в разнообразных ячейках микромира — в семье, в группах, коллективах, разных общественных объединениях людей по самым разным признакам. Поли-

²⁶ *Cohen-Tanugi L. Op. cit. P. 10.*

²⁷ *Ibid. P. 6.*

²⁸ *Cannac Y. Le juste pouvoir. P., 1983; Prevost F. Gulliver enchainé. P., 1983; Mine A. L'avenir en face. P., 1984.*

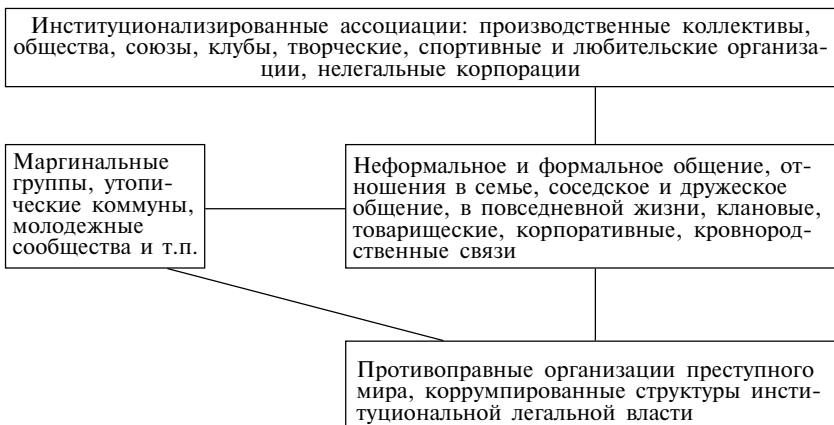
²⁹ «Саморегулирующиеся общества вдвойне на стороне современности: по степени внутренней зрелости, которую они обнаруживают, и по новой ответственности, которую ветер истории на них теперь нагнал» (*Cohen-Tanugi L. Op. cit. P. 6.*).

тический характер самоуправления, как неоднократно отмечалось выше, конституируется тремя путями. Во-первых, его взаимодействием с внешним организационным и регулятивным действием институциональной власти высшего (макро-) и среднего (мезо-) уровней. Во-вторых, собственным политическим творчеством микропроцессуальной власти. И, в-третьих, тем, что человек, любая малая группа и любой коллектив принадлежат миру микроотношений в повседневной жизни этих образований, к какому бы уровню власти они функционально не относились.

Есть, однако, и другая проблема, предмет изучения политических и социальных наук и в определенной мере – политической философии. Эта проблема – возможность институционализации микровласти. Она определяется, по-видимому, образованием относительно или полностью формализованных и нередко замкнутых малых общностей, таких, например, как добровольные или профессиональные общества, союзы, клубы и т.д., вплоть до смежных с ними централизованных институтов политической власти. Более полное описание этой системы может быть получено как результат сложного междисциплинарного исследования. Для целей политического исследования, видимо, достаточно общей схемы.

Схема 5

Структура самоуправления и отношений власти на микроуровне

Задачи и цели политической власти

Определение целей и их достижение — важнейшая, если не основная функция политики, как вообще всякой другой деятельности. Целенаправленность политики — это огромная проблемная область. Проблемой, вызывающей разночтения, является вопрос, какое знание опосредует целеуказание и вообще целерациональную политическую деятельность.

Деление уровней как социального явления политики на наиболее общий, системообразующий, и уровни конкретной, реальной политики, которую осуществляет та или иная политическая власть, определяет и дифференциацию самой власти и всех ее атрибутивных признаков, свойств и качеств. Соответственно этим делениям дифференцируются и цели политики и власти.

Если следовать концепции наивысшего предельно общего политического начала организации общества, то можно предположить существование наивысшей общественной цели политики и политической власти³⁰. Первая проблема политической философии, подчеркивает В.Поссенти, — определение цели политики. *«Обоснованно определить цель политики означает научно сформулировать политическую философию; видеть ее в хорошей жизни человека означает постоянную критико-революционную задачу разума»*³¹. Такая абстрактно-общая цель известна политической философии. Она же рассматривается как основная цель конкретной политической власти — это благо общества, или общее благо. Это так называемая прескриптивная цель политики, предписывающая задачи власти. О возможности такой цели учил еще Аристотель («хорошая жизнь»)³². В томистской традиции (*bona vita* у Фомы³³) она закрепились и была принята также

³⁰ Аналогичные «высшие» цели предполагаются и у всех других типов власти — экономической, административной, юридической и т.п. Однако они не обладают универсальностью политического, регулятивного механизма и подчинены высшей цели политики.

³¹ *Possenti V.* La buona società sulla ricostruzione della filosofia politica. Milano, 1983. P. 58.

³² *Аристотель.* Политика. 1278 в. // Соч. М., 1983. Т. 4.; ср. также: История животных. Т. 1. 448 а, 8.

³³ См., например: *Maritain J.* La personne et le bien commun. P., 1960. P. 41-47; *Jouvenel B. de.* De la souverennete. Geneve, 1955. P. 117 etc.

и схоластической традицией. Эта идея широко используется и современной политической философией, как религиозной, так и светской³⁴.

Стремление человека не только жить, но и хорошо жить в сообществе, в политическом «Мы», отмечает Поссенти, означает самовыражение, свободу от материального порабощения, страха, болезней, нищеты, невежества, свободу развития личности, свободу общения, основания семьи и т.п. Политическое общество может строиться только в соответствии с основными потребностями человека, природа которого духовна и животна. Подлинное политическое общество образует народ. Цель политики поэтому – общее благо всего народа; это «хорошая жизнь», т.е. морально справедливая, счастливая и соответствующая основным запросам человека и общества³⁵.

Из идеи хорошей жизни как цели политики следует, что *«достоинство государства в каждый момент, его использование и способ, которым оно организовано, должно зависеть от оценки его роли в помощи членам (общества) достичь хорошей жизни»*. Идея такой жизни содержит материальный, духовный, социальный компоненты и приближается к идее счастья и самореализации³⁶.

Политическая философия нашего времени делится в основном на два направления по отношению к идее блага общества. Одно из них, традиционно-академическое, продолжает разрабатывать философскую концепцию общего блага, имея в виду не только непреходящее значение этой идеи, но ее конкретные политические проявления, о которых пойдет речь ниже. Другое, лево-радикальное ориентации, примыкающее к течениям социальной критики, движениям протеста, обходит эту идею, поскольку не видит никакого блага, ни общего, ни частичного в макрополитической деятельности институциональной власти, микрополитические же процессы, как видно, считает чуждыми целенаправленным установкам. Не останавливаясь на этом весьма спорном пункте, обратимся к разработкам целей политики, которые здесь только начаты, отметим лишь, что и спонтанные политические процессы социально направлены и результирующе

³⁴ *Possenti V.* Op. cit. P. 57.

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Graves H.R.G.* The foundations of political theory. L., 1958. P. 42-49.

шая стихийных процессов, если к ним подойти как к явлению социально-политической самоорганизации, может быть также обращена к достижению общего блага (или блага части общества), как, собственно, и происходит. К той же цели направлена и критика власти, не преследующей подобной цели.

Концепция высших целей политики

Цели общего блага, которые будто бы преследует политика, институционализированная в государственной власти, могут показаться иллюзорными, а сама идея общего блага — почти гротескной, риторической или просто демагогической, если вспомнить, чем на самом деле занимается власть, какие групповые, классовые, клановые и своекорыстные личные интересы ее в действительности могут вдохновить: ограбление более слабого соседа, захват чужих земель, подавление собственного народа и т.п. хорошо известные предприятия, которые вечно вынуждают ставить вопрос — что такое политика и власть, значительное (и тоже общее) благо, созидающее и охраняющее общество, или социальное зло? Дело, однако, в том, что любая власть, самая эгоистичная, вплоть до самых зловещих террористических режимов, апеллирует к идее блага и притом блага общего. Даже войны, не исключая и самых несправедливых, кровопролитных, мировых и тотальных, затеваются во имя блага народа, нации, государства, величайших всеобщих ценностей, либо в интересах всего человечества. Трудно забыть, что взлет идеологического, политического и вооруженного насилия в уходящем столетии был едва ли не центральной целью государственной политики ведущих держав мира, которые, однако, официально вдохновлялись идеями борьбы за благо спасения от варварства (со взаимными обвинениями в этом варварстве). И хотя апелляция (к общему благу) могла быть утопией или почти откровенной демагогией, любое государство, любая власть, пусть даже антинародная, вынуждена решать общие задачи страны, создавать коллективные блага — строить дороги, развивать промышленность, обеспечивать (хотя бы скудно) население энергетически, продовольственными и иными ресурсами, создавать хотя бы видимость порядка и благополучия.

Прогресс, (если не парадокс XX в.) состоит в том, что медленная реализация цели общего блага (не всегда и не во всем последовательное и устойчивое проявление исторического прогресса) ускорила в развитой части мира во второй половине столетия как бы компенсацией ужасов войн и социальных потрясений первой половины столетия.

Современные исследователи политики отдают себе отчет в сложности понятия общего блага. Политику Френд определяет как «царство целей». В своем высшем выражении оно включает наиболее общие измерения социальной жизни и сложную иерархию целей. Высшие, наиболее финальные цели политики экстраполитичны, «они совершенно не специфичны для политики»³⁷. Такие ценности, как свобода, равенство, справедливость и благоденствие – это общие чаяния человечества и их достижение – задача и морали, и экономики, и религии и достигаются они отнюдь не только политическими средствами. Выделение политики в этой связи объясняется смешением трех уровней финальности: специфических целей деятельности, конкретных и высших. Эти последние, однако, не чужды политике – они играют в ней регулятивную роль, они упорядочивают деятельность, ориентируют ее и придают ей смысл. Они сообщают веру в смысл действия. Без веры в конечные цели политическая деятельность была бы бессмысленной. *«Вера экзистенциальна и как таковая, она в центре действия, иначе говоря, если мы возьмем пример свободы, человек никогда окончательно не свободен ни индивидуально, ни социально, но он должен постоянно трудиться для достижения свободы через последовательность политических целей»*³⁸.

Френд видит социальность политики прежде всего в социальности ее целей. *«Цели – это всегда проекты, они остаются идеями, которые служат нормами или моделями конкретным политическим целям и действиям»*, – подчеркивает он. В этом их определяющий смысл. *«Учитывая, что они являются человеческими целями, обращенными к человеку именно как таковому и не представляют собой ни исключительно, ни преимущественно политических ориентаций, они служат основанием интеграции политики в совокупность жизни человека, в постоянной зависимости с другими видами деятельности, экономическими, нрав-*

³⁷ Freund J. Op. cit. P. 100.

³⁸ Ibid. P. 102.

ственными, религиозными, которые со своей стороны регулируются целями свободы, справедливости, равенства и счастья или любыми другими»³⁹. Маркс, как отмечает Френд, считал, что политика будет преодолена именно потому, что коммунизм будет завершением конкретных целей и откроет царство финальных целей.

Политическая философия не чужда актуализации проблемы целей власти. Н.Боббио разработал понятие обязательных для любой власти минимальных целей политики (общественный порядок и целостность государства), за пределами которых завершаются задачи философии, уступающей место политической науке. Это цели, которые определяются интересами какой-либо группы, класса, правящей силы⁴⁰.

Френд, стремясь оставаться в пределах философского анализа, конкретизирует цель общего блага, разделяя его на две категории: внешнюю безопасность и внутреннее благоденствие. Так формируются различные аспекты общего блага.

1. Внешняя безопасность определяется антитезой друга и врага и обеспечивается мирными и военными средствами. Высшая ее форма и одновременно – выражение общего блага – вечный, или постоянный мир. В этой политике заключено отношение силы, или «отношение между способностью одних воздействовать на других, которой обладают политические единства»⁴¹.

«Мы считаем, следовательно, – пишет Френд, – что специфической целью политики или общим благом является, с одной стороны, укрепление внешних отношений, что соответствует безопасности и сохранению у Гоббса и, с другой, – поддержанию порядка и созданию разумных условий жизни, что отвечает идее Гоббса о внутреннем мире и процветании»⁴².

2. Внутренний конкурс и процветание.

Если безопасность обеспечивает жизнь коллектива, то процветание есть ее второе условие и это признается практически всеми политическими философами. Эта традиция также имеет давнюю историю.

Аристотель утверждал, как мы уже отмечали, что люди живут в обществе не просто, чтобы жить, а чтобы хорошо жить⁴³.

³⁹ Freund J. Op. cit. P. 102

⁴⁰ См.: Potere // Dizionario di politica.

⁴¹ Freund J. Op. cit. P. 40.

⁴² Ibid.

⁴³ Аристотель. Политика. 1278 в, 20-25.

Фома считал миссией государства обеспечение «хорошей жизни» (*bona vita*)⁴⁴. Гоббс был того же мнения. Руссо прямо определял цель политической ассоциации людей как «сохранение и процветание его членов»⁴⁵.

Среди немногих политических авторов, которые отрицали и мир и благодетельствие человечества как цель политики и указывали иную цель, был М.Вебер, писавший: *«Не мир и не счастье человечества мы должны обеспечить будущим поколениям, а вечную борьбу за сохранение и возвышение нашего национального характера. Мы не имеем права предаваться оптимистическим надеждам, согласно которым наша задача была бы выполнена, если бы настало полное процветание экономической цивилизации, тогда как свободная и мирная конкуренция сама произвела бы отбор и способствовала бы проявлению наиболее развитого типа»*⁴⁶.

Процветание это прежде всего вопрос предвидения, рационального прогнозирования, «иногда планирования», но также и внутреннего согласия. Общее благо названо Аристотелем именно согласием жизни и дружбы⁴⁷. Согласие для него не только общность взглядов на общий интерес коллектива, но и идентичность чувств, а также совпадение в образе поведения⁴⁸.

Френд считает, что градации благ позволяют ставить вопрос о первичности либо внутреннего аспекта общего блага (то есть политики), либо внешнего, безопасности и согласия.

В наши дни, отмечает он, существует тенденция отдавать предпочтение реализации внутреннего блага. Особенно это присуще социализму — полное и окончательное примирение человека, общества и природы, иначе говоря, доктрина совершенного блага в совершенном обществе.

Возможность деления целей политики несомненна, даже если не переходить к анализу конкретных и частных целей власти. Неверно к тому же удерживать философию от исследования такого рода целей, тем более, что и такие исследования

⁴⁴ *St. Thomas d'Aquin. De regimine principum. Tr. ital Lanciano. 1933.*

⁴⁵ *Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. Кн. III. Гл. IX. М., 1938.*

⁴⁶ *Weber M. Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik //Gesammelte politische Schriften. Tubingen, 1958. S. 14.*

⁴⁷ Цит. по *Freund J.* Op. cit. P. 50.

⁴⁸ *Аристотель. Этика Никомаха // Соч. М., 1983.*

имеют солидную традицию в западной и отечественной философской мысли.

Правда, Френд отмечает, что общее благо может быть различным по масштабам и содержанию. Каждое общественное образование — семья, армия, школа и т.п. — также ориентированы на присущее и доступное им общее благо.

«Специфическая цель политики определяется в зависимости от смысла коллективности, иначе говоря, она состоит в воле одной политической единицы сохранять свою целостность и независимость при внутреннем согласии и свою внешнюю безопасность», — указывает Френд⁴⁹. Власть служит для реализации этой цели. Сочетание различных видов деятельности, политика — это также место (не единственное) реализации общих и высших человеческих целей, таких как справедливость, свобода, счастье и т.п.

Поэтому Френд предлагает различать 1) чисто телеологический уровень, определяющий специфическую цель политики; 2) «технологический» уровень, который характеризуется реализацией конкретных целей; 3) эсхатологический уровень «царства целей»⁵⁰.

Френд связывает достижение общего блага с ростом центральной государственной власти. Он оставляет открытым вопрос об отношении к высшим и специфическим целям политики неинституциональных политических процессов и их носителей, не затрагивает и проблемы реализации общего блага самим обществом, микросферой его социальной и политической жизни, хотя и различает в обществе различные политические зоны: приватную и публичную, на которые также распространяется власть государства. Он ограничивается скептическими замечаниями в адрес политической власти современного государства, сомневаясь в его способности осуществить для общества желаемое благо или блага, особенно внешней безопасности (Френд — видный теоретик в области войны и мира). В частности, его внимание привлекает противоречие между ростом могущества государства и возможностью реализации им высших политических целей.

Постоянное расширение общественного пространства и рост служб и деятельности государства, отмечает он, делает его все

⁴⁹ Freund J. Op. cit. P. 37.

⁵⁰ Ibid P. 28.

более уязвимым. Оно сталкивается с возрастающим объемом интересов и требований, которые не может одновременно удовлетворить. «В самом деле, — замечает Френд, — речь идет о характерной черте современного государства, которое, как подчеркивают Дж. Ферреро и Б. де Жувенель, утрачивает свой прежний авторитет, становясь все могущественнее»⁵¹.

«...Нет ничего более спорного, — подчеркивает Френд, — чем идея: самая значительная сила — гарантия безопасности. Прежде всего, могущество не является специфической целью политики, оно только средство реализовать ее более эффективно!»⁵². Как он к тому же считает, «безопасность целиком относительна: она зависит то от собственных сил общности, то от слабости возможных соперников. Какова в этих условиях степень силы, которую не следует превышать, достаточная для сохранения равновесия и установления длительного мира?»⁵³.

Френд имеет в виду намерение сохранять равновесие мира. Но история постоянно свидетельствует о том, что гарантия безопасности вплоть до наших дней была не обоюдной и не состояла в поисках равновесия. Напротив, она заключалась в попытке обеспечить лишь собственную, одностороннюю безопасность. Максимум превышающей окружение силы именно и рассматривался как такая гарантия. Френд справедливо отрицает подобное решение, как, впрочем, и возможность абсолютного благоденствия. «Нигилист в политике тот, кто верит в абсолютную безопасность и в абсолютное процветание...», — пишет он⁵⁴.

Общее благо достигается противоречиво, в постоянной борьбе. Таким образом, цель политики, по Френду, это внутренний и внешний мир, тем более, что эта финальность постоянно служит предметом споров, борьбы и порой войн, то есть требует повсюду и всегда преодолевать препятствия односторонней или обоюдной вражды.

Скепсис Френда по поводу реальности общего блага побуждает его сделать ряд существенных замечаний об ответственности за осуществление этой цели. Он, впрочем, отвергает ответственность политической власти за финальные цели. Этика

⁵¹ Freund J. Op. cit. P. 55.

⁵² Ibid. P. 57.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid.

этих целей подразумевает анализ и сопоставление доктрин, политики и идеологий, их достоинств и недостатков, что трудно осуществимо. К тому же сами цели относятся к вечным идеалам свободы, равенства и другим, которые всегда порождают этические коллизии в политике. Ответственность, как считает Френд, начинается на уровне средств и следствий, которые и представляют собой ближайшие частные цели политики (власти)⁵⁵. Реализация частных целей важна уже потому, что ориентирована на достижение финальных целей — именно эта ориентация придает смысл промежуточным, частным целям. Диалектика целей всегда была одной из самых острых проблем политики и политической власти. Острота ее нарастает вместе с ростом могущества власти и ее способности действовать во благо или во вред собственному обществу и другим обществам — теория общего блага не случайно включает фактор безопасности высших благ и целей политики.

Френд, вероятно, не прав, когда стремится разграничить цели политической власти так, чтобы вывести финальные цели за пределы политической ответственности власти. Политика, как видно, только начинается на уровне достижимых целей, реальных средств и непосредственных функций власти, но продолжается она в направлении высших, финальных целей. Политическая этика тоже не ограничивается ближайшими целями. Она конкретизируется в них, но также с условием ориентации на высшие цели, как уже говорилось ранее.

Ставя чрезвычайно важный и актуальный вопрос о политической ответственности, Френд также не последователен и к тому же уклончив. Он считает ее коллективной — это ответственность государства, коллектива, слишком общая ответственность, в которой растворяется реальная политика классов, партий, правящих элит, узурпаторов власти, всякого рода диктаторов, властвующих разных толков. Френд не рассматривает и проблему ответственности того, более широкого коллектива, который дает установки власти, то есть реального субъекта политики, а также всех ее исполнителей, наконец, общества в целом с его культурой, традициями, историей, уровнем развития. Лишь вскользь,

⁵⁵ В этом Френд следует идеям, в свое время высказанным М.Вебером (в «Политике как призвании и профессии» // *Вебер М. Избранные произведения.* М., 1990. С. 644–706. См.: *Freund J. Op. cit.* P. 56, 58.).

язвительно, но слишком общо он отмечает, что эта коллективная ответственность создает *«иллюзию укоренения зла, превращая всякое индивидуальное сознание в своего невольного и неосознанно-го сообщника»*⁵⁶.

Социальное содержание политических целей рассматривается социальной и политической философией с неменьшим вниманием, чем их концептуальные установки. Эта содержательная сторона политического целеполагания изучается в рамках философии истории, в исследованиях современного общественного процесса, в политико-экономических и социально-философских учениях разных ориентаций – историко-политических, прогностических (футурологических), экологических и других. Идеология этих учений может быть конструктивной, когда речь идет о созидательных целях власти, или деконструктивной, если она ориентирована левым, но не революционным протестом, апологетическими или консервативными политико-идеологическими установками. Господствующее в сложной гамме этих учений и теорий конструктивное проектирование концентрирует, в свою очередь, фундаментальные идеи общественного развития, так или иначе заложенные в классической политико-философской традиции. Известно в то же время сочетание концепций развития, идеологии роста, совершенствования, разрешения многообразных общественных и планетарных проблем с антикризисными исканиями, идеями выживания человечества. Идея благополучия общества трансформируется в социально-философском проектировании в концепции материального благоденствия, тема же внешней безопасности принимает и по сей день весьма сложные контуры военно-политических концепций разных масштабов, хотя теперь, после окончания холодной войны и с новыми мотивами: не столько глобального противостояния, сколько коллективной безопасности и подавления очаговых войн. Конечно, невозможно утверждать, что вся социально-политическая теория разворачивается из идей именно политической философии, но их близкое или отдаленное интеллектуальное родство несомненно. Можно, во всяком случае, говорить о глубоком влиянии современной политической и социально-философской мысли на западную общественную мысль и на практическую политику.

⁵⁶ Freund J. Op. cit. P. 92.

Исследование политической философии могло бы быть продолжено на почве социально-политических теорий общественного развития. Однако это было бы уже иное, во многом более специально-научное исследование, которое не может быть здесь осуществлено. Но одну особенность социально-философских приложений философии политики важно здесь отметить: ее основную институциональную ориентацию на деятельность государственной власти и крупных общественных образований — экономической, технико-производственной, экологической сфер жизни общества.

Многообразие концептуальных связей политической мысли, которое обнаруживается в определении ею целей власти, может быть в известной мере продемонстрировано схемой актуализации некоторых ее важнейших идей о целях власти в других концепциях и теориях. Развитие этих идей прослеживается здесь только за послевоенный период (см. приводимую ниже таблицу).

Развитие социально-политической теории, естественно, не является ни простой конкретизацией идей политической философии, ни только актуализацией логики естественноисторического процесса. Эта теория и разработанная ею концепция целей общества отражает прежде всего конкретные события второй половины XX в., реальную борьбу за решение проблем эпохи. Объективные противоречия и закономерности, определяющие развитие этой концепции — научно-технического прогресса, возникновения новых условий и форм жизни, новой культуры, массовый характер этих инноваций — в свою очередь глубоко влияют и на проблематику политических целей. Она расширяется до интернациональных масштабов и отражается в проблематике глобальных проблем и задач человечества. Эта проблематика отображается в проектах будущего мирового порядка, в которых получает новый облик идея блага.

Идея достижения общего блага имеет, несомненно, поучительную философскую и политическую историю. Каждая эпоха, каждое общество или отдельная идеология по-своему трактовали эту идею. Она могла концентрироваться в крайне узких пределах блага отдельного слоя или личности и расширяться до границ общества или человечества, например, у утопистов.

Современные теории общего блага формировались на многоплановой основе политического и экономического либерализма XVIII-XIX вв., экономических концепций развития нашего столетия и их конкретизации в рамках пресловутой Кембриджской эко-

номической школы. Не забудем, что идея общего блага всегда рассматривалась как цель политической власти и в соответствии с нею — как цель общества (благо подданных, благо короля, аристократии, различных сословий и т.п.). С развитием буржуазных отношений телеология общего блага претерпела характерное изменение: ее экономический компонент перестал быть целью политической власти или, точнее, стал такой целью лишь косвенно, как результат политической гарантии либерализации экономических отношений. Сама же реализация экономического благоденствия становилась задачей индивида, целью и результатом индивидуального успеха, той идеологии, которая в утилитаристских воззрениях стала известна как альтруистический эгоизм: «успех каждого» обеспечивает общее благо. Иначе говоря, экономическое благо рассматривалось, с современной точки зрения, как результат самоуправляющегося, саморегулируемого процесса товарно-денежных отношений. Функцией этого процесса невольно становилось и социальное благо общества, так же, как и его политическая защита. В политической гарантии подобного процесса состояла цель власти.

Таким образом сформировались политические, социальные и идеологические установки оптимистической либеральной концепции общего блага, которые можно суммировать следующим образом.

1. Общество становится настолько развитым, что может самостоятельно или при посредстве политической власти решать проблему благоденствия.

2. Общее благо может быть обеспечено на основе экономических отношений как всеобщее благоденствие по принципу: благо перестает быть общим, если оно обеспечено не всем членам общества. Это означает полную занятость (допускается не более 4% незанятого трудоспособного населения) и достойное вознаграждение за труд.

3. Общее благосостояние имеет атомарную структуру (концепция маржинализма). Оно достигается суммированием индивидуальных благ, в результате их агрегирования (идея Кембриджской школы)⁵⁷.

⁵⁷ С этой идеей связаны попытки перейти от микроэкономических процессов к макроэкономическим, от микроэкономической теории — к теории макроэкономической. Они очень похожи на аналогичный процесс в социологии (стремление перейти от эмпирической социологической теории среднего уровня к «большой» социальной теории). Подобные же задачи решают и политические науки. Для них теорией высшего уровня служит или может служить политическая философия.

4. Помимо государственной политики (на основе автономных самодействующих процессов) или при ее поддержке возможны совершенные, равновесные экономические процессы рыночной конкуренции, свободные от внешних возмущающих воздействий. Иными словами, институциональная экономическая политика в этой нелиберальной концепции так или иначе обеспечивает бескризисное и бесконфликтное общественное развитие.

5. Индивидуальное поведение, индивидуальная аргументация полезности, ее субъективные оценки считаются рациональными; преследование индивидом целей благосостояния также рационально, и не может ни ограничиваться, ни преследоваться, поскольку является составляющей общего блага.

6. Субъективная рациональность может стать объективной, поскольку возможны агрегирование и взаимное согласование индивидуального и группового поведения, которые превращаются в коллективное поведение, преследующее коллективные цели.

7. Формирующаяся таким образом «идеальная» экономическая система свободной рыночной экономики опирается на соответствующую политику власти, обеспечивающей коллективность целей и экономической деятельности. Политическая власть обеспечивает коллективный, социальный масштаб и коллективные решения относительно целей общества, корреляцию организованных действий ради достижения благосостояния.

8. Непосредственные экономические функции государства еще не предусматривались. В рамках маржинализма известна лишь патерналистская модель участия в достижении благоденствия: государство предоставляет так называемые общественные товары (транспорт, территорию, администрацию, образование, безопасность и т.п.), обеспечивает управление, порядок и др. условия функционирования экономики и общества во всех его проявлениях.

Реальные экономические функции государства отнюдь не сводились и не сводятся к достижению прокламированных либеральными экономическими и политическими учениями целей общего блага или социального благоденствия, не говоря уж о всеобщем экономическом процветании. Однако они действительно сконцентрированы на задачах обеспечения расширенного воспроизводства социальных и экономических отношений. Поскольку же их нормальное саморегулирующееся функционирование оказалось невозможным, стала очевидной необходимость

прямого вмешательства государства в экономику и социальную сферу общества.

Неизбежность активного вмешательства государства в экономическую деятельность была показана марксистами XIX-XX вв. и другими исследователями государственно-монополистического капитализма задолго до того, как к этой мысли пришли неолиберальные теоретики общественного развития. Кризис 29-31 гг., как известно, вызвал к жизни кейнсианскую реформу классической политической экономии, за которым последовало осуществление ряда регулятивных антикризисных мер на практике. Послевоенный экономический подъем вновь оживил концепцию благоденствия и служит по сей день основой обширного и разветвленного политического, экономического, социального и философского теоретизирования перспектив прогресса. Именно в этот период достигли максимума обоснования общего блага (в форме благоденствия) как высшей цели политики. Появилась новая надежда на реализацию этой цели.

В предвоенный период возникла первая теория государственного вмешательства в экономику, теория Кейнса. Однако это вмешательство (инфляционная политика, регулирование инвестиций и т.п.) преследовало антикризисные цели и к идее общего блага оно могло иметь отношение только как мера преодоления кризисных явлений в экономике. Лишь в послевоенный период экономического подъема и начавшейся научно-технической революции достижение благоденствия стало рассматриваться как целевая функция макрополитической власти уже не опосредованная автоматизмом стихийных товарно-денежных механизмов. Были сформулированы цели государственного вмешательства в экономическую деятельность: поддержание полной занятости, высокого устойчивого темпа роста экономики и такого же устойчивого, возрастающего уровня доходов, более справедливого распределения и т.п. Обоснование политики благоденствия было в те годы связано с деятельностью ряда видных экономистов, особенно Я.Тинбергена. Оно было вскоре подхвачено теоретиками индустриального и постиндустриального общества и затем переосмысленно создателями теорий нового мирового порядка, «инового» посткапиталистического общества и т.п. Идея блага конкретного общества логично переросла в идею общего блага человечества на новой основе преображенного обновленного мира.

Серьезный просчет концепции блага в конкретном обществе связан с ее внутренним противоречием: всеобщностью этой идеи, предназначенной для любого общества, для человечества в целом, и попытками реализовать ее в качестве европо- или американоцентрического плана, иначе говоря, в развитых капиталистических (так называемых «богатых») обществах. Обнаружение глобальных проблем быстро выявило это противоречие, открыло разрыв между группой передовых промышленных стран («первого мира»), способных если не решить проблему блага, то по крайней мере поставить ее, и огромным большинством слаборазвитых обществ («третьего мира»), для которых благом остается решение самых элементарных задач выживания, международного равноправия, государственной и экономической независимости.

Глобальный подход к проблемам человечества быстро выявил еще один порок проектирования благоденствующего общества. Оно построено по традиционной схеме благоденствия, как и безопасность для себя за счет других обществ или, по крайней мере, безотносительно к ним, тогда как взаимозависимость и глобальность процессов современного мира требуют обеспечения общего блага для всех, интернациональной безопасности и такой же гарантии развития и повышения уровня и условий жизни, ее качества и количества, ибо качество во многом определяется количеством благ и не только экономических, но и культурных, интеллектуальных, духовных. Концепция блага единичного общества должна с необходимостью перерасти в идею действительно всеобщего масштаба.

В основу ее реалистической интерпретации ложатся конкретные абсолютно императивные условия, факторы блага: предотвращение ракетно-ядерной катастрофы, прекращение гонки вооружений, ракетное и ядерное разоружение, борьба с угрозой глобальной экологической катастрофы из-за загрязнения и перерождения пресловутой окружающей среды, нарушений температурного баланса атмосферы, хронических инфекций, новых «технологических» болезней экологического происхождения.

Между тем, параллельно гуманистической и либерально-демократической линии трансформации современного общества и политики современных государств, идее экономического и социального благоденствия разрабатывалась и другая линия — обособление внешней безопасности как составной части общественного блага. В этой сфере цели политической власти не были

новыми, непосредственное участие государства во внешнеполитической деятельности составляло одну из его постоянных функций. Однако конфронтационный характер и гиперидеологизация концепции безопасности завлекли военно-политическую мысль в ловушку: если идея общего блага — это идеальная цель и путь к ней бесконечен, то стратегия военно-технической безопасности реализуется безотлагательно и бесконечна сама эта реализация, то есть гонка вооружений и так называемой «холодной войны», которая в действительности никогда не была «холодной» — сопровождалась бесчисленными локальными войнами и конфликтами, разогретой до предела политикой и воинственной дипломатией.

Сосуществование либерального прогрессизма в концепциях политики благоденствия с радикальными военно-стратегическими целями, концепциями внешнеполитических целей государства на первый взгляд представляется парадоксальным. Однако в действительности эти две функции политики тесно связаны. Идея благоденствия опирается на концепцию сильной власти, гарантирующей беспрепятственное процветание. Само по себе это закономерно в условиях современного мира, тем более, что содержание безопасности значительно расширилось за послевоенный период. Оно включает понятия экономической, идеологической, экологической безопасности и может расширяться в дальнейшем за счет новых изменений в материальной и духовной жизни общества⁵⁸.

Таковы высшие цели макро- и мегавласти. В этой перспективе может быть дан ответ на поставленный выше вопрос: имеют ли цели микровласть и целенаправлены ли микропроцессуальные формы самоорганизации и «стратегия власти» М.Фуко? Ответ на него, по-видимому, очевиден: они целенаправлены, телеологичны не только потому, что способны охватить общество капиллярными отношениями господства и подчинения (М.Фуко) или командования и исполнения (Ж.Френд), но как организационно-регулятивные механизмы, самоорганизующиеся отношения, которые сами по себе являются важнейшей целью общества и в этой функции взаимодействуют с институциональной властью, в том числе и центральной властью государ-

⁵⁸ Например, информационной безопасности в связи с развитием радиотелекоммуникаций.

ства. Суть их взаимодействия в самом смысле общего блага: всеобщем участии, в том, что тонкие личные отношения образуют его не в меньшей мере, чем политические институты, в том, что они составляют его важнейшую часть, специфику благополучия, культуру благоденствия.

Если государство становится способным направлять общественные и политические процессы, то реальный успех политики развития и обновления общества возможен лишь при условии, что поиски *общего блага* станут *общим делом* страны, идеологией совокупной коллективности, охватывающей общество или по крайней мере его активную часть, микропроцессуальную основу его политической и социальной культуры, самоуправления и самоорганизации.

Структура политических целей

Общими и высшими целями иерархия целей политики и власти, естественно, не ограничивается. Эти цели возникают и реализуются в политике крупных масштабов, на уровне государства, общества или государственных союзов, стран, связанных единой цивилизацией, общим уровнем исторического развития. В рамках этого единства и вне его каждый частный политический процесс включает выбор целей, а следовательно, и процедуру идеализации: максимального приближения избираемой цели к предельно возможной и максимально близкой к высшим общественным целям или, во всяком случае, не вразрез с ними. Таким образом возникают упоминавшиеся выше минимальные цели, минимальные не по масштабу, а потому, что без их решения невозможно решение любых других целей (сохранение мира, получение ресурсов и т.п., например, достижение согласия без желания конфликтующих сторон договориться о всех разделяющих их проблемах) и совокупность конкретных целей, которые различаются в зависимости от содержания политического процесса и вида власти – внутриполитических, международных, экономических, научных и т.д. и т.п. Исчисление целей политики непосредственно связано с распределением функций власти.

Количество конкретных целей политики и власти поэтому нет смысла определять. Но есть специфические цели, число которых ограничено, а сама их реализация в конечном счете определяет содержание всех остальных целей и самую возможность различать их по содержанию: это взаимодействие с другими организующими общество системами. Взаимодействие с ними — экономикой, идеологией, правом, наукой, культурой и другими — проникновение в них, овладение ими определяет и содержательную типологию целей (их деление на экономические, политические, идеологические, социальные и т.д.) и цепочку целей, входящих в структуру политического процесса. Если ее можно построить как последовательность начальных, ближайших промежуточных и отдаленных, главных и второстепенных, сопутствующих и т.д., вплоть до конечных или конечной цели, то в эту последовательность войдут и цели разных по содержанию типов. Так, процесс обновления политической организации общества может включить проведение выборов в представительные органы власти (законодательное, учредительное собрание, парламент), проведение избирательной кампании (ближайшая цель, которая может быть расчленена на ряд непосредственных целей — выдвижение кандидатов, их состязание, селекцию кандидатов избирателями, предвыборную агитацию и пропаганду и т.д.), обсуждение и принятие соответствующего протокола о выборах. В этот процесс неизбежно будут включены правовые, идеологические, экономические, социальные и другие аспекты кампании. Избранный в конечном счете орган законодательной власти неизбежно вступит в правовой и научно-политический (конституционный) процессы, связанные с формированием исполнительной и арбитражной (судебной) властей, а следовательно, он включит и экономическую, и идеологическую (в некоторых странах и религиозно-конфессиональную) проблематику и вся она в совокупности неизбежно сомкнется с культурной и моральной сферами политической жизни общества. Конечная цель процесса аккумулирует тем самым сложную совокупность общественных начал и целей, включенных в политические преобразования, и может вообще потеряться в последовательности событий, если процесс преобразований не будет подчинен тому началу, которому посвящена эта работа: политическому знанию, которое и делает политику эффективной. Возникает, правда, вопрос: что такое эффективность политики, можно ли отождествить ее с рациональностью науч-

ного знания? О сложности отношений с экономикой, правом, моралью, культурой общества мы уже знаем и потому не можем однозначно обосновать результативность политики овладением каким-либо одним из этих начал. Лишь овладение их совокупностью создает более надежную основу политического процесса (если не говорить о политическом успехе, к которому предъявляются совсем иные, нередко иррациональные критерии). Но владение многими началами означает владение значительными знаниями, и потому в XX столетии особый смысл приобрел вопрос: может ли политика быть научной, и если да, то в какой мере и при каких условиях. Мы только что видели, каких исключительных результатов добивается общество, успевшее пройти необходимые (иногда весьма длительные и болезненные) стадии развития и создавшее современное социальное и политическое знание. Зададим тем не менее вопрос: что такое научная политика?

Чтобы ответить на него, рассмотрим еще более общую и актуальную проблему XX в. — выхода общества из кризиса и средств, которые обеспечивают этот выход. Их обзор вернет нас к проблеме высших целей: выход их кризиса такая же высшая цель политики и власти и составная часть общего блага, как и само по себе благо общества.

В состав целерациональной политической деятельности входит нормирование политической жизни общества, работы политических институтов, нормативное планирование политических процессов. В этом смысле можно сказать, что сама цель является нормой, определяющей задачи, масштабы, направление, характер политической (как и какой-либо другой) деятельности. Решение это было бы совсем простым, если бы мы не знали, что политика рациональна лишь относительно, а политическая деятельность включает и случайные независимые переменные, и эмоциональные, эмотивные моменты, что политика — это не только наука, но и искусство и оно во многом иррационально, так что норма — цель может принимать и иррациональные и превращенные формы, утопические, в частности, то есть все то, что не поддается нормированию и подвластно лишь некоторому ограничению.

Можно, с другой стороны, считать, что создание и соблюдение политических норм составляет одну из важнейших целей политики. Действительно, практическая политика, власть, работа политических институтов в высшей степени нормативна.

Режим работы политических учреждений, участие граждан, отношения внутри политических иерархий, все вопросы субординации — все нормируется. Это хорошо известно, однако существуют разные мнения о том, какое политическое знание опосредует подобное нормирование. Распространено представление о нормативных функциях политической философии. Это несомненное недоразумение и возникает оно от нежелания выяснить, что такое сама норма. Здесь нет места для подробного ответа на этот вопрос⁵⁹. Отметим, лишь, что все виды норм включают точные и конкретные стандартные требования (режим работы, круг обязанностей, численные показатели, скажем, нормы представительства, сроки выполнения и т.д.). Естественно, политическая философия таких предписаний не разрабатывает, но практически ориентированная наука, которая разрабатывает, например, конституционные проблемы, теорию государства и права, управления, демократического процесса и т.п. и т.д. обязана нормировать и она это делает.

Далее, любые нормы рассчитаны на их точное соблюдение. Именно для этого они и разрабатываются. Но ни одна идея политической философии не предполагает ее точного и неукоснительного осуществления. Таковы идеалы, универсальные истины, конструктивные проекты, которые продуцирует политическая философия, — это ориентиры с определенным утопическим компонентом, которым призвана следовать политика. Свобода, равенство, гражданское общество, правовое государство и мн.-др. — это задачи и загадки бесконечной реализации, к которой какие-то общества идут, другие нет, пойдут впоследствии либо не пойдут никогда.

Иное дело, как мы уже говорили, нормы, выстраданные при участии науки. Таким образом, нормотворчество — это цель политики, задача политической науки, но не философии.

Кризис и выход из него

С конца XIX в. капитализм вступил, как известно, в кризисный период — стадию империализма; это понятие, по-види-

⁵⁹ См. цит. статью о концепции политической философии в «Вопросах философии», 1994. № 3.

тому, нет основания пересматривать. Оно предложено далеки-ми от марксизма историками, такими крупными, как например, Момзен, который его широко применял ко всем имперским проявлениям в любые эпохи. Империализм XIX-XX вв. отличали, как известно, в числе прочих, симптомы глубокого кризиса: колониальные империалистические войны, переход межгосударственных войн в мировые и тотальные⁶⁰; колоссальный рост насилия и жестокости, насильственный передел мира и расистское безумие (две мировые войны и гитлеровский геноцид); появление террористических режимов и тоталитарных государств; создание и применение оружия массового поражения (ядерного, а также химического и биологического); гонка вооружений; появление неклассических форм вооруженной борьбы – ночная война, война в воздухе и под водой и т.п.; за всем этим последовали кризис колониализма и распад империй. XX в. ознаменовался также рядом значительных культурно-исторических изменений – появлением стандартных «массовых» форм культуры, концом «золотых», «серебряных», «прекрасных» эпох и веков (упадком романа и оперы, распадом классического музыкального и изобразительного стиля в живописи, появлением модернистских, авангардистских и постмодернистских течений,

⁶⁰ Предсказанные еще знаменитым военным и политическим теоретиком XIX в. М. фон Клаузевицем и затем развитые уже в нашем веке теоретиком и участником Первой мировой войны Э. фон Лютендорфом и др. (См.: *Aron R. Penser la guerre, Clausewitz. P., 1976. Т. 2. С. 326 и сл.*). Логика нарастания вооруженной борьбы, ее превращения в массовый процесс нарастания вооруженного противостояния включала и эволюцию военно-политической стратегии: перехода от малых, «кабинетных» войн XVIII в. ко все более значительным, включающим одно или несколько решающих сражений, в которых происходит уничтожение армии противника (стратегическая линия, идущая от Наполеона к Мольтке, Фалькенгайну, Лютендорфу). (См.: *Delbruck H. Ludendorff, Tirpitz, Falkenhayn. Berlin, 1920*) и втягиванием населения воюющих стран в процесс борьбы и уничтожения (ср.: теорию воздушной войны Б.Лидл-Гарта). Эта логика ярко выразилась в концепциях ракетно-ядерной войны и уже во второй половине нашего века и привела, по существу, к кризису самой идеи тотального вооруженного противоборства, ведущего к термоядерному самоубийству. Не забудем при этом, что Шмитт, создатель конфликтной концепции политики, не будучи в принципе сторонником вооруженного насилия, следовал (в цитированной работе) той же логике: с войнами должно быть покончено, но в результате последней, решающей войны (!), которая устранил «врагов» и оставит только «друзей».

стандартизацией художественного творчества вместе с возможностью его безграничного тиражирования средствами аудиовидеотехники и т.д.). Середина века ознаменовалась массовыми движениями протеста по разным политическим и гражданским поводам, массовой безработицей, постоянной военной опасностью, социальными конфликтами, освободительными движениями и борьбой за гражданские права и т.п., общей идеологией протеста и ощущением смены эпох (выражением чего и стали авангард в искусстве и нравах). Кризис угрожал и самой идеологии развития. Прогресс сопровождали экономические кризисы, экологический кризис, осознанный и развившийся в полной мере в 60-70-ых гг., кризисом созидательных, производительных сил общества, их прогресс – умножением их разрушительных результатов, порождающий сомнения в положительном смысле прогресса знания, человека, истории. Их осложняло появление глобальных проблем (производства продовольствия, голодания сотен миллионов людей), загрязнения среды обитания человека и всего живого мира планеты, истощения ископаемых ресурсов, источников энергии и др., вероятность ракетно-ядерной катастрофы; кризис человека, его способности управлять развитием, самим собой, обществом и политикой. Ситуацию усугублял раскол мира на две соперничающие общественные системы и холодная война между ними. Как бы то ни было, возникала дилемма: катастрофа или выход из кризиса, третьего, как принято говорить в таких случаях, не дано.

Сейчас мы знаем, что кризис капитализма не разразился и катастрофа не произошла. Что спасло наиболее развитую часть мира и может стать залогом решения многих глобальных проблем? Назовем основные факторы спасения, часть которых подробнее будет рассмотрена позже.

Это создание, по крайней мере в основных чертах, гражданского общества: формирование развивающегося активного общества⁶¹ и динамического типа его развития и стабилизации; создание правового государства; создание и укрепление основ демократических режимов; антикризисная экономическая реформа (кейнсианская и посткейнсианская); развертывание научно-технической революции и непрекращающийся рост про-

⁶¹ См.: *Etzioni A. The active society: A theory of social and political processes.* L., 1968.

изводства (несмотря на его периодические спады); принципиальные изменения экономических структур — формирование сервисной («третичной») экономики (экономики обслуживания человека и производства); накопление невиданного в истории общественного богатства, производственных мощностей, интеллектуального и научного потенциала; заметные сдвиги в организации социальных служб и создании известных социальных гарантий; снятие наиболее острых социальных противоречий (при сохранении, естественно, сложившихся социальных отношений); общая ориентация экономики, культуры, форм материальной, духовной и политической жизни на человека, его потребности; достаточно развитая свобода слова (печати, информации), значительный прогресс науки, образования, заметное смягчение остроты национальных проблем и определенные успехи защитной экологической политики.

Западный мир вышел из кризиса ценой огромных потерь и усилий; чего стоят хотя бы две мировых войны, распад империй и всемирная деколонизация. Он едва не погиб от гигантской внутренней распри между фашизмом и демократией и сохранился благодаря тому, что один его угол, самый уродливый и чуждый ему, был отторгнут и все-таки рухнул. Само же здание в целом устояло. В сущности, фашизм не выдержал ударов именно того кризиса, который угрожал всему мировому общественному порядку и породил этот тоталитарный режим. Его падению послужили, таким образом, не только военные причины — победа антифашистских сил мира, но и внутренние, структурные — наиболее далеко зашедший кризис общества и цивилизации именно в наци-фашистском и милитаристском регионе и его же самое катастрофическое разрешение⁶². Кризисная ситуация в Европе и ее катастрофическое разрешение были предопределены с неотвратимостью античного рока. Суть его в серии крупнейших политических ошибок: гитлеризм, этот гибрид реликтового феодализма и ультрасовременной промышленности, не только не сумел соизмерить свои силы с силами противника (это обычный просчет военной политики), он попытался создать грандиозную, притом континентальную, наиболее арха-

⁶² Западная общественная и политическая мысль отозвалась на кризисы теорией пределов роста и развития, объясняющей кризисы и выходы из них (см. источники к схеме теорий развития ниже).

ичную империю, да еще рабовладельческого типа в то время, как передовой мир уже проходил индустриальную стадию развития и уже готовился вступить в постиндустриальную эпоху. Это тема особого исследования «политика и история», охватывающая все процессы — исторического, политического, экономического, культурного, военно-технического развития. Военный кризис оказался наиболее опасным, но не последним, как мы знаем, и не единственным кризисом XX в. Стойкий синдром кризиса сохранялся долго, но теперь ясно: кризис, подавленный в одной части мира, разразился совсем в другой, кризис настоящий, с финальной катастрофой: кризис социализма, как бы его ни назвать — реального или нереального, но порожденного, как известно тем же кризисом истории XX века.

Его главные, наиболее глубокие проявления — в кризисе того же тотального режима, хотя и иного по форме и по содержанию (скажем, с другим знаком), что и рухнувший до того германский. И тот и другой были порождены более общим одним и тем же историческим кризисом и оба стали жертвами конфликтов одного исторического масштаба: двух войн — мировой и вдобавок холодной. Выражением этого кризиса и некоторых более давних исторических причин стал и кризис самого тоталитаризма со всеми его проявлениями — кризисом диктаторской власти, кризисом форм и методов командного правления, вождизма, отношений власти и народа, кризисом самого общества, экономики, национальных отношений, экономическим и политическим кризисом власти, отставанием науки и техники, производительности труда, коррупции, политической и экономической преступностью, милитаризацией экономики, государства и общества и т.д. и мн. др. Все это сочетание кризисных процессов делало страну опасной и для нее самой и для ее цивилизованного окружения — и в политическом, и в военном, и в экологическом, и в культурном смысле. Начавшаяся с опозданием на 68 лет⁶³ перестройка кризис такого масштаба разрешить уже не могла, она была способна лишь подтолкнуть его и направить на путь мирного разрешения, по крайней мере в отношениях с внешней геополитической средой. В этом и под-

⁶³ Символическая цифра — 68; в 1968 г. появился исторический шанс сменить курс, демократизировать режим, сделать общество открытым для развития и обновления, но мы знаем, как он был отвергнут.

линейная, самая глубокая причина ее неудачи внутри страны и ее успеха вовне.

Можно с полным основанием теоретизировать на тему исторических, политических, идеологических, экономических, культурных и прочих истоков советского тоталитаризма — это, кстати сказать, одна из задач политической науки и философии — но ясно одно: мировой исторический опыт дал уже к началу послереволюционной эпохи весь комплекс основных знаний о политическом и социальном развитии: формировании правового государства, демократического строя, гражданского общества. Ни один из этих трех решающих факторов развития не был использован. Разумеется, выбор в их пользу не был никогда и нигде делом одной лишь свободной воли и теоретического разума, они сами нуждаются в реализации усилиями практического разума — конкретной политики. Реален был другой ряд условий — история страны, исторический опыт народа; остается вопрос — могли ли быть использованы в такой ситуации эти факторы? Во всяком случае очевидно одно: о них не было и речи⁶⁴. Политическая мысль страны Советов не знала и не желала знать современной мировой политической теории, выстраданной поколениями мыслителей и добытой в борьбе народов.

В результате капитализм стал системой, в которой государство соотносится с развитым социальным сообществом, сильным средним классом — опорой демократии — в центре⁶⁵, крепким и компактным классом промышленных рабочих и работников быстро расширяющейся отрасли «третичной» сервисной экономики. Как бы ни складывались отношения власти с таким обществом, это отношения государства со зрелым, основательно сформированным партнером, знающим свои права, обязанности и сознающим свои свободы, так же как и соответствующие права и долг власти, с относительно сложившимся граж-

⁶⁴ В расчет не приходится, естественно, принимать идеи (точнее, пропаганду) высшего демократического смысла диктатуры пролетариата, социалистической демократии и законности.

⁶⁵ Вспомним, как недоброжелательно воспринимались у нас мысли о формировании так называемого «среднего класса», пресловутого «нового» класса профессионалов всех отраслей практики и науки, равно как и связанные с ним теории нового качества жизни, процветающего общества и прочие подобные идеи.

данским обществом и правовым государством, со стабильным общественным порядком и развитой экономикой. Отношения такого общества с таким государством — это отношения равнозначных партнеров. Они симметричны, а это залог социального и политического равновесия сторон, залог стабильности. Связанные друг с другом отнюдь не бесконфликтно, эти две стороны составляют тем не менее одно достаточно прочное целое. Что же социализм? Не создав ни такого же зрелого гражданского общества, ни действительно развитой экономической и политической свободной личности, организовав только сильную деспотическую (чтобы не сказать больше) власть, связанную с обществом отношениями господства, а не партнерства, прокламировав единство партии и народа, государства и общества, социализм на деле создал превращенную форму этого единства, утопию согласия, которая скрывала глубокий разлад социальных и политических партнеров. В результате социализм распался почти моментально. Так называемое монолитное единство (партии, партии и народа и т.п.) оказалось лишь единством одних правящих сил, да и то непрочным. Слабой власти оказалось не на кого опереться, общенародное государство рассыпалось с непостижимой легкостью, народ же (новая историческая общность) столь же быстро разделился по самому простому, более всего понятному и потому единственно возможному в условиях неконтролируемых преобразований признаку — национальному. Но мы только что говорили, что единство государства и общества стабильно и выдерживает удары исторических и социальных кризисов лишь при равенстве сторон, то есть одинаково развитой государственности, политической системы стран и эквивалентной, такой же развитой и суверенной системе общественных отношений. Но их симметрия была грубо и сознательно нарушена.

По другую сторону геополитического пространства расположено, конечно, еще далеко не совершенное общество, вне всякого сомнения, но общество, преодолевшее кризис, не избавленное вообще и навсегда от кризисов, но обнаружившее средства бороться с ними и даже научившееся до известной степени их предупреждать. Среди этих средств едва ли не основное — общественная и в частности и в особенности политическая наука и философия, их многовековой мировой опыт, как и опыт столь же продолжительной борьбы за осуществление их открытий. В переломные послевоенные годы произошел насто-

ящий взрыв творческой активности социальных и политических философов и ученых. Одна за другой появлялись концепции и теории общественного развития, программные труды и кропотливые исследования на эту волнующую общество тему: индустриальное общество и социальное благоденствие, влияние индустриализации, обеспечения и организации сервисных служб, социального благополучия — характерная тема множества авторов и исследовательских школ. И изменения действительно произошли⁶⁶.

Кризис, которого ждали, боялись, к которому так готовились, с которым были связаны самые серьезные и ответственные расчеты, этот кризис не состоялся. Не произошло ни кризиса, ни «общего кризиса», ни «углубления этого общего кризиса» — вспомним заклинания всех последних семидесяти лет. Следует сказать и даже подчеркнуть, что всех событий ждали — по причинам вполне реальным, о которых только что шла речь — не по одну сторону линии раздела мира, а по обе. Вся западная социальная философия, социальная и политическая наука также были полны ожиданиями кризиса и всевозможных катастроф. Возникла целая концепция катастрофизма⁶⁷ и появились многочисленные теории выхода из кризисов. Этой теме посвящена вся послевоенная социально-политическая теория Западной Европы и Америки, все концепции развития, проекты посткапиталистического общества — теории модернизации, индустри-

⁶⁶ Wilenky H.L., Loboux Ch.N. Industrial society and social welfare: the impact industrialization, the supplay society. N.Y., 1958.

⁶⁷ Теория множественного (политического, социального, экономического, экологического, культурного, кризиса человека, цивилизации и т.п.) — едва ли не центральная тема западной философии второй половины века и науки (см., в частности, *Mesarivuc M., Pestel Ed. Mankind at the turning point. The secod report tu the Club of Rome. N.Y., 1974. P. 2 etc.*). Предрекались в ближайшие будущие времена, когда люди задумаются, как они будут «выбираться из-под обломков последней катастрофы», «в потерявшем контроль мире» (*Toffler A. The ecospasm: Report. Toronto etc., 1975. P. 64.*). Наиболее встревоженные исследователи не верили в спасение и предлагали, как известно, остановить развитие традиционными техническими и научными средствами и радикально преобразовать его на новых экологических и гуманистических основах. Появилась обширная литература о пределах развития. Напомним по этому поводу классический труд: *The limits to growth: A report for the Clube of Rome's projet on the predicament of mankind / Meadows D.H. a.o. L., 1972.*

стриального и постиндустриального развития⁶⁸, всевозможных иных, «новых» обществ⁶⁹ и цивилизаций.

Остается вопросом, как поведет себя в этих условиях «второй мир» бывших социалистических стран, вошедших в полосу посттоталитарного кризиса. В политическом пространстве этого мира происходят события, порой очень бурные, и само появление столь сложной промежуточной политической среды между Западом и Востоком, между Севером и Югом, капитализмом и социализмом, отжившим и новым намного превосходит известное философское положение о единстве и многообразии мира: не слишком ясно, какой мир сложится в конце концов на этом пространстве и какая политика способна его направить и куда.

Для политического знания эта ситуация тоже многозначна. Это ситуация общества, которое ищет свою политику, но еще не усвоило ее основы, алгебру ее исторического опыта и не пережило глубоко и серьезно ту политическую философию, которую выработал этот опыт, опыт поисков и борьбы за действительно новый, лучший мир, за вступление в лоно современной цивилизации. Необратимость модернизации делает неотвратимой и политическое образование этого противоречивого переходного мира.

Какие из подобных обществ действительно возникнут когда-либо, покажет будущее, но это будет, надо полагать, будущее, приготовленное с помощью науки, вместе с ней и не вопреки ей. Какое же будущее ожидает нас? – вопрос, на который можно сейчас, пожалуй, ответить только другим вопросом: есть ли знание, которая поможет это будущее создать? Правду сказать, состояние нашей политической науки и тем более философии пока не позволяет дать на него положительный ответ. Однако существует гигантский опыт мировой и отечественной об-

⁶⁸ См., например, из числа более известных и доступных работ: *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1976; *Aron R.* Trois essais sur l'âge industriel. P., 1966; *Jons Th.E.* Option for future: A comparative analysis of policy-oriented forecasts. N.Y., 1980; *Bell D.* The coming of post-industrial society: A ventury in social forecasting. N.Y., 1973. См. подробнее об этом: *Кравченко И.И.* Экологическая проблема в современных теориях общественного развития. М., 1982.

⁶⁹ См.: *Кравченко И.И.* Концепции обновления современной цивилизации в западной социальной философии // Перспективы мирового развития в западной литературе. М., 1990. Ч. 1. С. 4-29. См. также таблицу-схему целей общества и власти и соответствующих концепций.

щественной и политической мысли, к которому мы начинаем приобщаться. Может быть, в этом опыте и наше будущее, во всяком случае, одна из его важнейших основ (если мы сумеем ею овладеть): знание общества и мира, в которых мы живем или можем жить вместе со всем мировым сообществом, и способность самопознания, понимания собственного опыта.

Анализ суммы этого знания или даже простое перечисление хотя бы части составляющих его идей, философских и научных формул и соответствующих произведений здесь просто невозможны — это тема не одной книги и не для одного автора. Но так как представление об эволюции и хотя бы основных результатах развития политической и общественной мысли необходимо и позволяет понять роль политического знания в жизни общества и решение его наиболее значительных, кризисных проблем, путь общественно-политической мысли второй половины XX в. представлен здесь в виде схематической таблицы основных концепций социального развития и целей политики. Ее дополняют несколько замечаний о последних двух десятилетиях века.

Не все прежние и новые проблемы решены современным обществом и не всеми обществами тем более. Новые группы государств одна за другой вступают в конце столетия в полосу исторических испытаний. Не все их проблемы, разумеется, может решить или даже до конца исследовать политическое и другое общественное знание, каким бы глубоким или предельно конкретным оно не было. Но владение его лучшими достижениями открыто для всех.

**Концепция высшей цели политической власти – общего блага
(или блага общества), максимальных целей политики
(свободы, равенства, благосостояния, безопасности)
общественного развития**

1. Политико-экономические теории общего блага

Маржинализм XX в. (30-е гг. и позже), развитие идеи благосостояния (Дж.С.Милль, И.Бентам).

Развитие микроэкономических исследований и переход от них к макроэкономической теории.

Теория инвестиций Кейнса и создание основ экономического учения о социально-экономическом росте (долгосрочная макроэкономическая теория Кейнса): концепция максимизации занятости («полной занятости»), динамической экономики на основе стимулирования спроса (Кейнс) и производства (Харрод).

Пересмотр теории «совершенного соревнования» (свободы торговли) и разработка теории «несовершенного соревнования» (Робертсон): его регулирования.

Разработка антикризисной теории экономики на основе неолиберальной идеологии управляемого общественного развития. Легитимация государственного вмешательства в интересах технико-экономического роста. Идея «планирующего государства», преследующего цели всеобщего блага (Мюрдаль, Геллнер) – процветания.

Теория и методы государственного вмешательства в период послевоенного восстановления (в Европе) в форме внешней помощи.

Теория соответствия темпов роста дохода темпу роста рабочей силы, что дает устойчивый рост при полной занятости (Джоунс).

Дальнейшее развитие экономической теории, связанное с разработками методов экономического регулирования («государственные расходы»), в идею повышения благосостояния, теорию «общественных товаров», удовлетворяющих материальные и социальные потребности и т.п.

Развитие концепции доминирования новой третичной (терциарной) экономики обслуживания (сервисной), в отличие от первичной (добывающей) и вторичной (обрабатывающей) и соответствующих перестроений социальной структуры общества: роста занятости в сфере обслуживания, формирования «нового класса» квалифицированных профессионалов во всех сферах деятельности, расширения средних классов.

Развертывание (начиная с 50-х годов) концепций научно-технической («второй промышленной») революции, компьютерной (микро-процессорной) революции.

Разработка оптимистических концепций «грядущего подъема» (Г.Кан).

II. Социально-экономические концепции общественно-политического развития

Разработка концепции социального благосостояния Кембриджской школы и уточнение ее экономических основ (Маршалл, Джевонс, Пигу, Вальдрас) на основе идеи Парето (оптимизм Парето): благосостояние индивида (минимальной единицы общества) – основа общего благосостояния.

Кейнсианство как особая идеология и теория государственного регулирования экономики. Экономическое обоснование последующих теорий роста (1939-1947, Домар, Харрод, Курихара).

Осознание необходимости формулировать цели развития. «Неоинституциональная социальная теория» (Стритен, Мюрдаль) и первая мысль о переходе послевоенного восстановления в развитие. Техничко-экономический рост становится предметом политики (доктрина Трумэна, 1947).

Замена классической теории колониальной сырьевой экономической специализации теорией «институциональной» структуральной экономики (Пребиш). Теория слаборазвитости (Джирвен, Фуртадо) и зависимых развития новых независимых модернизирующихся стран.

Теория роста («путь к росту» как императив экономики), преследующего цель процветания – модель благоустроенного и стабильного общества (Солоу). Идея роста как интенсивности, активности, сноровки членов общества.

Теории развития слаборазвитых стран, создание социальных ориентаций, культурных предпосылок модернизации (Доклад ООН 1951 г.).

Разработка концепций социального изменения и развития (Т.Парсонс, А.Боскоф, У.Мур и др.). Идея альтернативного развития для слаборазвитых стран и далее – идея независимого развития. Разработка идеи модернизации, которая рассматривается как целенаправленная государственная политика, решающая задачу повышения благосостояния от крайне низкого уровня до относительно более приемлемого, одновременно с развитием культуры, общественных структур.

Разработка (силами организаций ООН) национальных и мировых программ общественного, политического, экономического развития стран «третьего мира» (Я.Тинберген и др.).

Разработка теории «благоденствующего капитализма» или «социал-капитализма» (Жискар д'Эстен) и т.п. Одновременная разработка проблем равенства и др. социальных условий развития.

Идеи радикальной трансформации общества, «поворотного будущего» (О.Тоффлер).

70-80 гг.: появление теорий глобальных проблем, кризисов и катастроф; катастрофизм становится антиподом концепциям развития и благоденствия. Обострение внимания к противоречиям технико-экономических процессов

развития (алармизм — ощущение тревоги; экологические движения, первые доклады Римскому клубу).

Дальнейшее развитие теории и практики правового государства и гражданского общества. Появление концепции «социального государства», то есть государства с развитой системой социальных гарантий (здравоохранения, образования, материальных субсидий, пенсионных и жилищных и др.). Идея социальной революции, возникновение новых цивилизаций: «поворотной» (Ж.-П.Квентин), «могущества» (Б. де Жувенаель), «рациональной» (Ю.Хабермас), «досуга» Ж.Дюмазедье), «простого мира» (К.Хаммар), «нового мира» (Б.Сен), «истинного мира» (Ю.Галтунг) и т.д.

III. Конструктивные прогностические теории общественного процесса

Активное государственное вмешательство с целью создать экономическую базу агрессии в Германии в предвоенный период.

Государственное вмешательство в экономику в период войны (в Европе и в США). Первые крупные военно-промышленные государственные программы (Манхэттенский проект и др.). Программы послевоенного восстановления.

«Неоинституциональная прогрессистская социально-политическая теория» (Стритен, Мюрдаль) общественного развития и демократического государства.

Появление концепции «открытого общества» К.Поппера.

Активизация идеи общественного развития.

Появление ранних теорий модернизации — теорий развития для слабо развитых стран, впоследствии обобщенной до универсальной концепции формирования современного общества.

Стремление реализовать классическую концепцию эгоистического альтруизма и индивидуализма как преследования индивидуальных целей под влиянием представления о зависимости общего блага от вклада в него каждого члена общества.

Возникновение идеи индустриального общества (Р.Арон, Дж.Гэлбрейт, П.Дракер и др.) и его связи с апологией высокого материального уровня жизни (дохода и его устойчивого роста — Ростоу).

Начало прогностических проектов (футурологических теорий) развития.

Концепция постиндустриального общества, преодолевшего материальные трудности, решившего проблемы техники и развивающегося на новой культурной основе (Д.Белл, А.Турэн, Т.Розак и др.).

Дальнейшее развитие теории ориентировано на расширение объема понятия блага общества и включение в него в возрастающем объеме политических, социальных, культурных благ, появление категории «качества жизни» в дополнение к понятию «уровня жизни».

Раскол конструктивного проектирования на оптимистические в целом, но более трезвые прогностические теории (Г.Кан, Гудзоновский институт), технологические утопии (Бакминстер-Фуллер), антитехницистские (Эллюль) и теории кризиса и катастроф (ядерная катастрофа — Р.Теобальд и др.); экологическая — Дж.Форрестер, Римский клуб. Идея изобилия и общего блага деградирует. Благом становится выживание, замедление или остановка роста, замена

его материального выражения – совершенствованием сознания, этики, культуры и человека во всех его измерениях (Д. и Д.Медоуз и др.). Разрабатываются теории выживания в стационарном обществе «нулевого роста» (Г.Дэли, А.Бауги и др.), пределов роста и развития.

«Частные блага» – технические, информационные и пр. заменяют общее благо. Появляется идея ограничения материального потребления, для чего используется качества жизни в противовес ее количественным измерениям. Концепция блага общества акцентируется на проблемах демократического процесса.

Формируется серия концепций нового («иного») общества: нового гуманистического общества (Хармэн и др.).

Развитие конструктивных теорий обновления цивилизации, преодоления кризиса отношений Севера и Юга, Востока и Запада (С.Менделовиц, А.Мазруи, Р.Котари, Р.Фальк, Дж.Галтунг и др.). Появление концепций неокapиталистического и посткапиталистического типа – новых («иных») обществ, развитие посттехнического общества, обновленного социокультурными изменениями: «новое общество» (П.Дракер), «постсовременное» (Ж.-Ф.Лиотар), «новое индустриальное общество» (Дж.Гэлбрейт), «зрелое» (Д.Габор), «завершенное» (Д.Макклеланд), «великое общество», «активное» (А.Этциони), «кооперативное» (Д.Клиффорд), «организационное» (Р.Престус) и др. Эсхатологические аспекты глобальной экологии («нулевой рост» и т.п.) отклоняются и переводятся в сферу демографических, природоохранных и др. технологических мероприятий. Берет верх идея стабильности, прогресса без сенсаций, но и без кризисов.

Библиография

Полная библиография литературы, связанной только с общими целями политики и ее философскими и научными концепциями могла, бы сама по себе составить солидное исследование, включающее сотни работ (если охватить только имеющуюся в стране литературу). Здесь указана только ее небольшая доля, частично отраженная в приведенной выше обзорной схеме.

Абашкин Л. Ленинская теория империализма в свете современных реальностей // *Мировая экономика и международные отношения.* 1986. № 5. С. 61-73;

Лившиц А.Я. Современные буржуазные теории экономической политики. М.: ИНИОН, 1980. 133 с.;

Современная внешняя политика США. Т. 1. М.: Наука, 1984. 456 с. и мн. др. работы отечественных авторов.

Теории пределов обобщены и исследованы в статье *И.И.Кравченко.* Проблемы пределов общественного развития // *Перспективы общественного развития и социальное прогнозирование.* М., 1988. С. 27-44.

Из многих сотен зарубежных исследований о целях политики и экономических, социальных и политических аспектах общественного развития и преодоления его кризисов отметим лишь некоторые. Более подробное описание и перечисление этой литературы см. в работе *Кравченко И.И.* Экологическая проблема в современных теориях общественного развития. М.: Наука, 1982. 214 с.

Arrow K. The limits of organization. N.Y.: Norton, 1974. 86 p.;

Barret N. The theory of macroeconomic policy. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972. X, 406 p.;

Current economic problems. The proc. of the Assoc. of teachers of economics, Manchester, 1974/Ed. by Parcin M. and Nobay A.R. Cambridge univ. press, 1977. XII,377 p.;

Economics and sociology. Towards an integration/Ed. by Huppes T. Leiden: Nijhoff, 1976. VII,181 p.;

Gaddis D.L. Strategies of containment. A critical appraisal of postwar american security policy. N.Y.; Oxford: Univ. press,1978.;

- Hirsch W.L.* The economics of state and local government. N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1970. XVIII, 333 p.;
- Nath S.* A perspective of welfare economics. Basingstoc: Macmillan, 1973. 73 p.;
- Preston P.W.* Theories of development. L.: BRP, 1982. XIII, 296 p.;
- Previtt K., Verba S.* Principals of american governmaent. N.Y. ect.: Harper and Row, 1975. XI, 372 p.;
- Rowley Ch., Peacock Ch.* Welfare economics. A liberal restatment. L.: Robertson, 1975. VII, 198 p.;
- Streeten P.* The frontiers of development studies. L.: Macmillan, 1972. XV, 432 p.;
- Tinbergen J.* On the theory of economic policy. Amsterdam: North Holland publ. Co., 1955. 78 p.
- Кравченко И.И.* Концепция обновленной цивилизации в западной социальной философии // Перспективы мирового развития. Ч. 1. М., 1990. С. 4-29;
- Кравченко И.И.* Цели общества в западноевропейской социальной философии // Новые тенденции в западной социальной философии. М., 1988.

* * *

Многие, если не большая часть, из важнейших проблем политики и ее познания, включая и такие актуальные, как проблемы ценностей – справедливости, свободы, политических систем и режимов, человеческой природы политики, ее эмоциональной жизни и символических выражений – здесь даже не затронуты. Систематизация политического знания не завершена и мировой политической мыслью. Но основа ее уже существует – это грамматика политического знания. Она и рассмотрена на страницах этой работы. Показан и совместный вклад политического знания и социальных наук в решение жизненно важных задач общества, особенно существенный в трудные времена исторических потрясений. Наступило время и для отечественной политической мысли овладеть во всей полноте новым для него политическим знанием и сделать свой вклад в политическое образование общества и решение его проблем. Как мы убедились, политика – важнейший фактор жизни общества, но она может не все, а лишь то, на что способно само общество, а это, в свою очередь, зависит от того, насколько общество владеет политическими знаниями, умеет их воспринимать и создавать.

Оглавление

Введение	5
Власть и политика в общественном процессе	14
Отношения политики и власти	14
Власть как общественное явление	19
Определение власти	21
Метафоры власти	27
Универсальность власти	32
Объяснение политики	41
Разделение политики и власти в обществе	72
Общественное бытие политики и власти	86
Политика в пространстве и времени	88
Политика и власть в политическом процессе	95
Отношения политики и других организационных и регулятивных систем общества	101
Политика и право, власть и закон и их отношение к морали	105
Легитимация политики и власти	119
Типология и структура политической власти	125
Средний (мезо) уровень власти	130
Живая ткань власти: отношение управления и самоуправления	136
Задачи и цели политической власти	153
Концепция высших целей политики	155
Структура политических целей	169
Кризис и выход из него	172
Приложение	182
Библиография	186

Научное издание

КРАВЧЕНКО Игорь Иванович

ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ
(философский аспект) Учебное пособие

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К.Кузнецов*

Технический редактор *Н.Б.Кузнецова*

Корректоры: *Е.В.Захарова, Л.В.Суровцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 14.01.98.

Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 11,81. Уч.-изд.л. 09,95. Тираж 500 экз. Заказ № 001.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.В.Захарова, Е.Н.Платковская*

Компьютерная верстка: *С.В.Нефедкина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14